

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ**

Учебное пособие

Пятигорск 2024

Осипов С.К. - Основы государственно-конфессиональных отношений в России. – Пятигорск: ПГУ, 2024. – 202 с.

Пособие содержит систематически изложенные материалы по истории государственно-конфессиональных отношений в России. В специальных разделах рассматриваются теоретические вопросы темы, первоначальные типы взаимоотношения государства и религии, эволюция конфессиональной политики Российской империи, вопросы отношения Советской власти к религии, процесс формирования новых отношений власти и религии в современной России.

Пособие подготовлено в рамках деятельности Института государственно-конфессиональных отношений ФГБОУ ВО «ПГУ».

Адресовано студентам старших курсов и магистрантам по гуманитарным специальностям, а также всем тем, кто интересуется взаимоотношением государства и религиозных объединений.

© С.К. Осипов, 2024

© ПГУ, 2024

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение	4
Глава 1. Роль религиозного фактора в формировании социально-культурных доминант и мировоззрения: теоретический аспект	9
Глава 2. Понятийно-терминологические аспекты государственно-конфессиональных отношений	36
Глава 3. Модели и сферы государственно-конфессиональных отношений на современном этапе. Этапы становления новых взаимоотношений и современная ситуация	58
Глава 4. Государственная политика в отношении религиозных объединений: механизм формирования и реализации	82
Глава 5. Принципы взаимоотношений государства и религиозных объединений	96
Глава 6. Политика Советского государства по отношению к религии и верующим в 1920 – 30 гг.	112
Глава 7. Религиозные объединения в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы.	141
Глава 8. Политика государства в отношении религии (середина 50-х - начало 60-х гг.)	150
Глава 9. Государственно-конфессиональные отношения (середина 60-х –е гг.)	167
Глава 10. Государственно-конфессиональные отношения в условиях общественных перемен (конец 1980-х гг. – начало XXI в.)	182
Библиографический список	197

ВВЕДЕНИЕ

За последние пятнадцать лет роль религии и религиозных организаций в жизни России существенно возросла. По данным Министерства юстиции Российской Федерации, по состоянию на 1 января 2010 г. в нашей стране действовало 23 494 зарегистрированных религиозных организаций, относящихся почти к 70 конфессиям.

События последних десятилетий российской истории коренным образом изменили характер государственно-конфессиональных отношений. Они стали существенной частью отношений государства с формирующимся гражданским обществом. Религиозные объединения получили возможность широкого участия в общественной жизни. Верующие составляют значительную часть населения, религиозные организации обладают значительным авторитетом и принимают активное участие в решении социальных проблем. Следует также отметить, что отношения государства и религиозных объединений являются общественно значимой сферой, которая во многом определяет состояние межконфессиональных и межнациональных отношений, и таким образом влияет на психологический климат в обществе и общественно-политическую ситуацию в стране в целом. Тесно взаимосвязаны такие явления как рост национального самосознания и конфессиональная самоидентификация граждан.

В современной России решается задача построения правового государства. Применительно к нашей теме это означает, что государственно-конфессиональные отношения должны строиться на основе строгого и неукоснительного соблюдения законодательства всеми субъектами отношений. Однако это не исключает возможности работы над совершенствованием законодательства (восполнение пробелов в праве, замена в установленном порядке устаревших норм на более соответствующие реальным общественным потребностям). В недавнее время были приняты некоторые поправки в действующий закон «О свободе совести

и о религиозных объединениях» (1997 г.), в иные нормативно-правовые акты, регулирующие государственно-конфессиональные отношения, в стадии подготовки находится ряд других законопроектов.

Действующее законодательство предоставило религиозным организациям право осуществлять самый широкий спектр видов деятельности – благотворительную, культурно-просветительную, образовательную, издательскую, предпринимательскую. Религиозные организации владеют, пользуются и распоряжаются имуществом, вступают в договорные отношения. При осуществлении своей деятельности они обязаны соблюдать и исполнять требования законодательства.

В советское время законодательство СССР о религиозных культах было недоступно для всеобщего сведения. Священнослужители и руководители религиозных организаций должны были довольствоваться указаниями и разъяснениями властей о том, что им дозволено, а что запрещено и не могли в полной мере отстаивать свои права. В Российской Федерации законодательство о свободе совести и о религиозных объединениях доступно для изучения каждому.

Знание установленных законодательством правил, в соответствии с которыми должна жить каждая религиозная организация, необходимо для того чтобы наиболее полно и эффективно реализовать ее права и возможности, уметь защищать ее интересы, избегать правонарушений. Государственным служащим, работникам государственных учреждений и организаций, равно как и сотрудникам негосударственных структур, всем гражданам, вступающим во взаимоотношения с религиозными объединениями, реализующим личное право на свободу совести необходимо хорошо представлять действующие нормы российского законодательства в данной сфере.

Рассматриваемые в предлагаемой читателю книге проблемы имеют интердисциплинарный характер, находятся на стыке правовой и религиоведческой науки. Они не могут разрешаться исключительно в рамках

правоведения, в отрыве от изучения специфики религиозных субъектов права, отличающей их от иных участников правоотношений. В то же время религиоведение не может плодотворно изучать проблемы религии и общества, исключив из своего предмета правовые аспекты. Разумное расширение предмета науки отнюдь не «размывает» его, а значительно обогащает и укрепляет.

ГЛАВА 1. РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ДОМИНАНТ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Религия оказывает большое влияние на мировоззрение, придает смысловое содержание общественным реалиям. Она формирует убеждения в отношении причин и целей, как мира, так и социума, тем самым выступая важнейшим фактором в формировании социально-культурных доминант и картины мира. Тем самым ее правомерно интерпретировать как некую ценностную систему, влияющую на миропонимание и задающую деятельностно-целевые ориентиры общественного развития в целом. Вместе с тем, дать однозначное и содержательное определение религии достаточно проблематично. По разным оценкам выделяют более двухсот дефиниций данного социального феномена. Это связано с его многогранностью и многосложностью, а также с субъективным исследовательским восприятием различных авторов.

Слово «религия» латинского происхождения и восходит к отглагольному прилагательному «ligo» (соединяющего, соединять), «re» возвратная частица, «воссоединение» человека и Бога, связи между человеком и Богом, т. е. «связываю развязанное», «воссоединяю». Русское слово вера (др. инд. «варатра»), эквивалент латинскому религия, означает «веревка», «канат», то есть является тоже неким инструментом связывания человека с Богом. Возможно, что первоначально слова «религия» и «вера» обозначали привязанность человека к чему-либо неизменному, священному, постоянному. Впервые, понятие «религия» было использовано римским политиком и оратором Цицероном в I в. до н. э. Он противопоставлял религию термину «суеверие» (простонародное, мифическое верование). В целом же везде речь идет об авторитетной нормативной системе, определяющей цель развития и средства достижения последней.

Слово «религия» вошло в обиход в первые века христианства и подчеркивало, что новая вера - не дикое суеверие, а глубокая философская и нравственная система .

Религия - явление сложное, многослойное. Она интегрирована в различные сферы жизнедеятельности человека. Религия может быть рассмотрена в разных ракурсах: с точки зрения психологии человека, с исторической, социальной, какой угодно, но определение этого понятия будет в решающей степени зависеть от главного: признания существования или не существования высших сил, т. е. Бога или богов. Таким образом, религия - это и есть способ или совокупность способов достижения человеком Бога, смертным - бессмертного, временным - вечного. Потому-то слово «религия» и восходит к слову «связь».

Для определения роли религии в формировании социально - культурной среды и мировоззрения необходимо выделить главные элементы:

Прежде всего - это вера. Верующим может быть человек образованный, много знающий, но может быть и не имеющий никакого образования. По отношению к вере первый и второй будут равны. Вера, идущая от сердца, многократно ценнее для религии, чем идущая от разума и логики. Она предполагает в первую очередь религиозное чувство, настроение, эмоции. Вера наполняется содержанием и питается от религиозных текстов, изображений (например, икон), богослужений. Важную роль в этом смысле играет общение людей, так как представление о Боге и «высших силах» может возникнуть, но не сможет быть облечено в конкретные образы и систему, если человек находится в изоляции от сообщества себе подобных. Но подлинная вера всегда проста, чиста и обязательно наивна. Она может рождаться стихийно, интуитивно, из созерцания мира.

Вера вечно и неизменно пребывает с человеком, но в процессе общения верующих людей между собой она часто конкретизируется. Возникает образ Бога или богов, имеющих конкретные имена, названия и атрибуты (свойства)

и появляется возможность общения с Ним или с ними, утверждается истинность священных текстов и догматов (абсолютных истин, принимаемых на веру), авторитет пророков, основателей церкви и священства.

Вера всегда была и остается важнейшим свойством человеческого сознания, важнейшим способом и мерилom его духовной жизни.

Наряду с простой чувственной верой может существовать и более систематическая, специально разрабатываемая для данной религии совокупность принципов, идей, понятий, т.е. ее учение. Это может быть учение о богах или Боге, об отношениях Бога и мира. Бога и человека, о правилах жизни и поведения в обществе (этики и морали), о церковном искусстве и т.п.

Религия не может существовать без какой-либо религиозной деятельности. Миссионеры проповедуют и распространяют свою веру, теологи сочиняют научные труды, преподаватели преподают основы своей религии и т.д. Но стержень религиозной деятельности — это культ (от лат. «возделывание», «уход», «почитание»). Под культом понимается вся совокупность действий, которые совершают верующие с целью поклонения Богу, богам или каким-либо сверхъестественным силам. Это обряды, богослужения, молитвы, проповеди, религиозные праздники.

Обряды и другие культовые действия могут быть магическими (от лат. - чародейство, колдовство, волшебство), т.е. такими, с помощью которых особые люди или служители культа пытаются таинственным, непознаваемым способом воздействовать на окружающий мир, на других людей, изменить природу и свойства тех или иных предметов. Другая разновидность культовых действий — символические обряды, которые только изображают или имитируют действия какого-либо божества с целью напоминания о нем.

Можно выделить также определенную группу обрядов и других религиозных действий, которые явно не относятся к колдовству или волшебству, но, с точки зрения верующих людей, содержат

сверхъестественный, таинственный и непостижимый элемент. Такие действия обычно называют мистическими.

Для того чтобы осуществлять культ необходимы церковное здание, храм (или молитвенный дом), церковное искусство, предметы культа (утварь, облачения священства и т.п.) и многое другое. Для совершения культовых действий в большинстве религий требуются специально подготовленные священнослужители. В целом роль культа в религии чрезвычайно велика: люди, осуществляя культ, общаются друг с другом, обмениваются эмоциями и информацией, любят великолепными произведениями архитектуры, живописи, слушают молитвенную музыку, священные тексты. Все это на порядок увеличивает религиозные чувства людей, соединяет их и помогает в достижении высшей духовности.

В процессе отправления культов и всей своей религиозной деятельности люди объединяются в сообщества, называемые общинами, церквями. Смысл и суть объединения верующих по-разному понимаются и трактуются в конкретных религиях. Например, в православном богословии Церковь - это соединение всех православных: живущих ныне, а также уже умерших, т. е. пребывающих в «жизни вечной», закрепленное в учении о видимой и невидимой Церкви. В этом случае церковь выступает в качестве некоего вневременного и внепространственного начала. В других религиях под церковью понимается просто объединение единоверцев, признающих определенные догматы, правила и нормы поведения.

В социологии религии существует несколько подходов, позволяющих определить место и роль религии в жизни общества, ее влияние на формирование мировоззренческих систем через генезис самих религиозных верований.

Одним из наиболее распространенных является конфессиональный, т.е. религиозный подход. Ученые, придерживающиеся такого подхода, принадлежат к конкретным конфессиям (церквям, религиям), поэтому, выстраивая картину генезиса религии, сравнивая и сопоставляя разные

религиозные учения, они стремятся утвердить истинность своей религии, доказать ее превосходство над другими. Иногда бывает так, что, рассматривая историю религий как исторический процесс, они вообще не включают в общий обзор сведения о «своей» религии, считая, что она должна рассматриваться отдельно, вне общего течения истории, по особой методологии. Такой подход можно назвать еще апологетическим (защитительным).

В эпоху Нового времени стал формироваться атеистический или натуралистический подход, рассматривающий веру в Бога как ошибку, временное, преходящее, но занимающее определенное место в истории явление. Для этого подхода более важной является не столько сама религия, сколько история ее изживания в человеческом сознании. Как правило, исследователи, стоящие на атеистических позициях, уделяют большое внимание социальной, экономической, политической стороне религиозной жизни, тонкости же вероучения их интересуют в гораздо меньшей степени, а иногда даже отвлекают и раздражают как что-то незначительное и даже смешное.

Третий, феноменологический подход, с точки зрения которого религия описывается и изучается вне связи с проблемой бытия или небытия Бога. Если религия существует как явление, следовательно, ее можно и нужно изучать. Большую роль в феноменологическом изучении религий сыграли историки культуры, археологи, этнографы, искусствоведы, т.е. все исследователи, сферы интересов которых естественным образом соприкасались с религиозной жизнью, как в древности, так и в настоящее время. Их может интересовать историческая роль церкви, которую они считают на каких-то этапах реакционной, мешающей человеческому прогрессу, либо положительной и прогрессивной, либо нейтральной к нему.

Вопрос о том, как и когда возникла религия, — сложный, дискуссионный и философский. На него можно дать два взаимоисключающих ответа.

Одна из концепций происхождения религии была выдвинута представителями теологических кругов и вошла в историю изучения религии под названием концепции «прамонотеизма», или первобытного монотеизма. Впервые в сжатом виде она была сформулирована шотландским литератором и ученым Э. Лэнгом в его книге «Становление религии». Однако в наиболее полной форме она была изложена католическим пастором В. Шмидтом, который посвятил обоснованию этой концепции 12-томную работу «Происхождение идеи Бога». Суть теории «прамонотеизма» сводится к тому, что за всем многообразием существующих верований, в том числе верований отсталых народов, можно обнаружить остатки древнейшей веры в единого Бога-творца. Именно она предшествовала всем формам религии, и лишь впоследствии к ней примешались загрязнившие ее элементы. Для подтверждения этой теории В. Шмидт привлек огромный массив этнографических фактов, давая им теологическую интерпретацию, факты же, которые не укладывались в его схему, оставлял вне поля зрения. Эти факты показывали, что монотеизм является не исходным пунктом религиозной эволюции, а этапом развития одной из ветвей генеалогического древа религии. Таким образом, можно утверждать, что религия появилась вместе с человеком. В этом случае человек (что согласуется с библейской версией) должен был быть создан Богом в результате акта творения. Религия возникла потому, что существуют Бог и человек, который способен воспринимать Бога. Сторонники этой точки зрения говорят, что если бы Бога не было, то не возникло бы и понятия о нем в человеческом сознании. Следовательно, вопрос о возникновении религии снимается: она существует исконно.

С другой стороны, религия — продукт развития человеческого сознания, т. е. человек сам создал (придумал) Бога или богов, пытаясь осознать и объяснить окружающий мир. Поначалу древние люди были атеистами, но вместе с искусством, зачатками науки, языком у них появились элементы религиозного мировоззрения. Постепенно они усложнялись и систематизировались. Отправной точкой для такого воззрения стала теория

происхождения человека и его сознания в процессе биологической эволюции. Эта теория достаточно стройна, но имеет два «слабых места»: 1) происхождение человека от обезьяноподобных (либо иных зоологических) предков никак не может считаться окончательно доказанным: слишком много здесь «темных мест», да и археологические находки останков древнего обезьяночеловека весьма отрывочны и часто недостоверны; 2) находки, сделанные при раскопках древнейших стоянок человека современного типа подтверждают, что он уже имел некие (не совсем понятные нам) религиозные представления, а убедительных аргументов в пользу существования «дорелигиозного периода» в истории человечества так и не обнаружено .

Под временем возникновения религиозных верований следует подразумевать период очень большой временной протяженности, занявший десятки или, возможно, сотни тысяч лет. Это был процесс, происходивший в течение жизни сотен поколений. Можно утверждать, что первоначальные религиозные представления - весьма смутные и неопределенные - стали появляться в период среднего палеолита, а в позднем - уже существовали более или менее оформленные верования и связанные с ними магические ритуалы. Не мог явиться причиной возникновения идеи Бога и незначительный научный уровень развития древнего человека. Первобытный человек субъективно ощущал свои познания, вероятно, даже большими, чем современный (перед которым открыта бездна проблем, и количество их непрерывно увеличивается с каждым новым открытием), и умел по-своему объяснить все, с чем он сталкивался в своей жизни .

На возникновение в сознании первобытного человека религиозных призраков должны были оказывать влияние прежде всего отрицательные эмоции: страх, внутренняя подавленность, ощущение бессилия, иногда - отчаяние. В этих условиях человек испытывает потребность в утешении. Его сознание подсказывает ему такие возможности, варианты развития событий, которые способны дать это утешение. Потребность человека, его желания

укрывают и защищают иллюзорное представление, сулящее спасительный выход из кажущегося безвыходным положения или какое-то облегчение этого положения.

Стимулом к возникновению религиозных представлений являлись и некоторые положительные эмоции. Радость и восторг, наполнившие человека при какой-нибудь удаче, чувство благодарности тому, что способствовало этой удаче, ощущение собственного физического здоровья и морального комфорта - все это требовало своего выражения.

Неизбежность возникновения религиозных представлений и верований коренилась в тяжелых условиях жизни человека, при постоянном нервно-эмоциональном напряжении, в стремлении к самообнадеживанию и самоутешению. Возможность появления религиозных идей и связанных с ними культов появилась тогда, когда человеческое сознание достигло такого уровня развития, при котором воображение было уже в состоянии создавать религиозно-фантастические конструкции.

Одна из особенностей социального развития общества заключается в возрастающей сложности и дифференциации общественных институтов. В этой связи возникал вопрос о месте религии в ряду таких феноменов, как экономика, семья, образование, политика и т.д., о взаимоотношении религии с ними и о проблеме единства общества, идущего по пути возрастающей сложности и дифференциации. Особую остроту приобрел вопрос об отношении религиозной идеологии к науке, в которой просветители видели движущую силу развития общества. Если радикальные критики религии видели в ней только оковы развития разума и научного познания, только социально-негативный фактор, с влиянием которого должно быть тем или иным способом покончено, то идущая на смену этой критике социальная наука оказалась уже в состоянии поставить вопрос более объективно: что же на самом деле, реально, в поведении людей и в жизни общества происходит, когда в этом обществе существует религиозная вера? Такой постановке вопроса способствовали и данные, полученные начавшимися несколько

ранее, чем в социологии, научными исследованиями в других областях науки - истории, филологии, антропологии и этнологии. В этом направлении в XIX в. пошло развитие социальной мысли, представленное такими именами, как К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, но с самыми первыми шагами в этом направлении связано, прежде всего, имя французского философа, ученого О. Конта.

О. Конт считал, что к исследованию социальной жизни должно привлечь индуктивные методы познания, с таким успехом используемые естественными науками. Он полагал, что таким образом сможет создать науку об обществе - социологию. С помощью социологии Конт искал пути преодоления кризисных явлений в европейском обществе, вызванных потрясениями Французской революции, надеялся найти средства, обеспечивающие стабильность и развитие общества в «нормальном» русле. Тем самым встал вопрос: что лежит в основе социального порядка и в этой связи - вопрос о социальной роли религии.

Учение Конта о социальной динамике содержит эволюционную модель общества, построенную с помощью понятий, почерпнутых из истории религии. Это учение о прогрессе общества, который проходит три стадии, соответствующие периодам человеческой жизни - детству, юности и зрелости. Первая стадия «теологическая», на этой стадии человек тщетно пытается достичь «безусловного познания внутренней сущности» явлений и причин их возникновения. Объяснение строится по принципу аналогии: вещи и действующие силы наделяются человеческими свойствами, например, волей .

С точки зрения В.И. Гараджи в учении Конта важны для нас два момента:

Во-первых, религия, по крайней мере, на первой стадии представлявшая собой неотъемлемую часть человеческого общества, затем оказывается изживающей себя и больше уже не нужной, постепенно преодолеваемой, вытесняемой научным знанием. Эта мысль легла

впоследствии в основу концепции секуляризации, вытеснения религии из различных сфер жизни общества и упадка ее влияния. Развитие человеческого познания оставляет позади религию в ее исторически данных, традиционных формах. Общественная жизнь организуется на иных основах.

Во-вторых, каждая стадия в учении Конта связана с определенными социальными структурами, властными отношениями. Господству теологических идей, которое охватывает человеческую историю от ее начала до XIII столетия, соответствует доминирующая роль в обществе духовенства и военных, т.е. классов по преимуществу непродуктивных с точки зрения просветительского сознания и позитивизма. На философской стадии господствующие позиции начинает завоевывать бюрократия, в первую очередь - юристы. Последней исторической формой теологического порядка вещей был, согласно Конту, соответствующий христианскому монотеизму «католический и феодальный режим». Если на этой стадии религиозные верования служили связующей силой, основой социального порядка, то из-за неизбежного упадка религии возникает угроза распада социальных связей. Нужны новые опоры для социального здания. На позитивной стадии, утверждающейся в XIX в., в обществе ведущую роль начинают играть инженеры, ученые. Задача объединения общества теперь, когда религия приходит в упадок, переходит к позитивному синтезу научного знания, которого добивается социология, чтобы связать воедино идеи порядка и прогресса .

Впоследствии Конт, разочаровавшись в надежде на разумную организацию общества посредством просвещения умов, приходит к выводу о необходимости «второго теологического синтеза» как духовной опоры социальных связей. Он предлагает светский, рационалистический вариант «позитивной религии» - культ человечества как единого «Великого существа», огромного социального организма. В этой религии социолог, лучше других знающий механизмы социальной динамики и способный

руководить обществом, становится верховным жрецом .

Идея органического единства социальной системы и ее эволюционного прогресса была центральной в социологии Г. Спенсера (1820—1903). Эволюция ведет к утверждению промышленного типа устройства общества, торжеству принципов индивидуализма и утилитаризма. В духе этих принципов, социальная мысль в Англии рассматривала религию не как основу социального порядка и не как главную преграду на пути социального прогресса, а скорее как нечто менее важное в деле поддержания образцов или в социальном изменении: с точки зрения утилитарного индивидуализма гораздо более важными регуляторами жизни общества являются рынок и политическая деятельность, чем религия.

Свойственный Спенсеру взгляд на религию был воспринят такими социальными реформаторами, как Р. Тауни, который оспаривал веберовский тезис о роли протестантской этики в развитии капитализма и полагал, что протестантизм скорее мог быть результатом, нежели причиной промышленной революции. Влияние Спенсера было связано с тем, что он воспринимался как пророк новой религии, оправдывающей свободу частного предпринимательства и прославляющей XIX век как новую эру, когда человек с помощью науки нашел, наконец, правильный путь. Он был тем философом викторианской эпохи, который помог ей обрести метафизическое и моральное обоснование и уверенность, и он способствовал выработке понимания места религии в промышленном мире .

В работе «Разделение труда» (1893) Дюркгейм рассматривает проблему возрастного плюрализма и дифференциации в современном обществе. В традиционном обществе существует то, что Дюркгейм называет «механической солидарностью»: индивиды мало отличаются друг от друга; разделяя коллективные представления, они испытывают одинаковые чувства, привержены одним и тем же ценностям. В дифференцированном обществе современного типа складывается иная, «органическая солидарность», когда

вместе живут разные и менее зависимые друг от друга люди. Поскольку индивиды специализированы в своем труде, они нуждаются друг в друге и находят способы совмещать свои различия. Закон, например, помогает удерживать в должных границах поведение нуждающихся в обществе индивидов, тогда как раньше средствами были смерть или изгнание. Дюркгейм формулирует в этой работе концепцию интернализации моральных норм индивидом. Основываясь на обобщении большого статистического материала и других методик исследования самоубийств (Дюркгейм анализировал причины большего процента самоубийств у протестантов, чем у католиков), он описывает такой феномен, как социальная солидарность в современном обществе и ее аномалии в виде аномии. Это понятие Дюркгейм рассматривает в работе «Самоубийство» (1897). Главная идея Дюркгейма: индивид — производное от общества, а не наоборот. Исторически первичные коллективистские общества с «механической солидарностью», где все похоже друг на друга и жизнь управляется социальными императивами и запретами, которые навязываются индивиду группой и которым он повинует как высшей силе. Следовательно, нельзя объяснить такие социальные феномены, как социальная дифференциация и «органическая солидарность» (каждый волен думать, желать и действовать согласно собственным предпочтениям), исходя «из индивидов»: социальная система несводима к слагающим ее элементам, целому принадлежит приоритет по отношению к частям .

В «Элементарных формах религиозной жизни» Дюркгейм сводит воедино, подытоживает свой анализ социальной жизни. На примере примитивного общества австралийских аборигенов он объясняет способ, при помощи которого религия в таком обществе обеспечивает социальную солидарность как «механическую солидарность». Наряду с этим он полагает, что в более развитом, социально дифференцированном обществе религия способна обеспечивать чувством защищенности, надежной опоры и осмысленности существования, утрата которых и ведет к аномии (и к

самоубийству в том числе, как результату утраты смысла и значимости норм). Правда, Дюркгейм специально не рассматривал вопрос о том, какой должна была бы быть религия в обществе достаточно полно развитой «органической солидарности».

Главное, что внес Дюркгейм в социологию религии, это понимание религии как интегрирующей общество силы.

В Германии, где также развивалась социальная наука, доминировали политические интересы, и религия интересовала немецких исследователей в первую очередь в связи с политической борьбой, а не как фактор социальной солидарности. Наиболее важный вклад в становление социологического исследования религии здесь внес К. Маркс (1818—1883). Он рассматривал религию как социальный феномен: религия включена в систему общественных отношений, порождается ими (в первую очередь — экономическими, которые выступают как базис, определяющий целую совокупность производных, «надстроечных» образований, таких как политика, право, искусство, мораль, философия и религия). Понимание религии как социального феномена означало также, что религия рассматривалась в качестве важного социального фактора, выполняющего вполне реальные функции в жизни общества и удовлетворяющего определенные интересы и потребности. Это фактор, внешним и принудительным образом воздействующий на людей, подобен любому другому социальному институту. Тем самым Маркс способствовал развитию функционального подхода к религии.

Одну из отличительных особенностей теории Маркса составляет представление об исторической природе религии как порождении преходящих социальных условий, основу которых составляет присвоение чужого труда, социальное неравенство, когда свобода одних означает порабощение других. В условиях классовой борьбы религия выступает в качестве идеологии (она была ее исторически ранней формой); отсюда ее социальная функция — функция идеологическая, ее существо в том, что

религия оправдывает и узаконивает существующие социальные порядки, или осуждает их, отрицая их право на существование. Она может питать социальный конформизм, внушая иллюзии («опиум народа») и тем самым выступая в качестве тормоза общественного прогресса, или стимулировать социальный протест, выступать в качестве революционных движений. Если раннее христианство было революционным движением низов римского общества, то впоследствии на протяжении двухтысячелетней своей истории, после того как оно стало государственной религией и таким образом сложился «союз алтаря и трона», социальные принципы христианства оправдывали социальное неравенство и эксплуатацию человека человеком как богоустановленный порядок.

Центральную роль в учении Маркса, так же, как до него у Л. Фейербаха, играл тезис о компенсационной функции религии. Религия — это «сердце бессердечного мира»: страдания в этом мире не напрасны, они будут вознаграждены в будущей жизни, праведники обретут «царство божье». В условиях глубокого социального раскола общества, когда интересы одной его части могут быть обеспечены за счет другой, только иррациональные факторы — верования и ценности, которые не могут быть рационально обоснованы и не подлежат проверке, которые заданы извне в качестве сакральных, способны поддерживать социальный порядок, обеспечивать интеграцию общества в интересах господствующих классов и тем самым препятствовать его революционному переустройству в интересах трудящихся масс. Религия — разновидность «отчужденного сознания», порождение общественного процесса, развивающегося в отчужденных формах, в силу чего обычные, «естественные» вещи наделяются «сверхъестественными» свойствами (товарный фетишизм): продукты человеческой деятельности как внешняя, чуждая сила начинают господствовать над людьми.

Если религия — выражение экономического отчуждения, то с преодолением его (ликвидацией частной собственности на средства

производства) устраняются условия, необходимые для существования религии, она исторически изживает себя, «умирает естественной смертью». У Маркса религии противостоит идея самоосуществления человека. Критика религии завершается категорическим императивом, требующим ликвидации тех условий, которые мешают человеку в полной мере реализовать себя.

Во многом был несогласен с Марксом М. Вебер . Хотя он признавал, что религия может действовать как консервативная сила, и часто выступает именно как помеха на пути социального развития, в то же время она способна действовать как один из факторов социальной динамики. Вебер исходил из того, что все общественные институты, структуры, формы поведения фактически основываются и регулируются тем смыслом, который в них вкладывают люди. Главная функция религии — функция смыслополагания, рационализация человеческой деятельности. Поэтому религия обладает мощным потенциалом воздействия на человеческую деятельность, каким бы ни было ее направление. Вебер рассматривает религию, прежде всего, как фактор социального изменения. В значительной мере вся его концепция социального развития основана на двух понятиях — харизмы и пророчества.

В отличие от Дюркгейма, Вебера интересуют, прежде всего, мировые религии, т.е. те, которые имеют наибольшее число последователей и оказывают наибольшее влияние на ход истории. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» он исследует вклад христианства в историю Запада, доказывая, что протестантская Реформация и возникающая в ее результате новая ветвь христианства — протестантизм способствовали пробуждению духа предпринимательства и культивировали аскетический стиль жизни, стимулировавшие развитие современной экономики, преобразование феодальной Европы в общество, олицетворявшее достижения современной культуры. Он делает это на серьезной эмпирической основе, анализируя большое число проповедей той эпохи и других письменных источников. Для Вебера показательным то, что ему

удалось органически связать конкретно-эмпирический и абстрактно-теоретический уровни социологического исследования с помощью сравнительно-исторического анализа. Вебер проверяет свою гипотезу о роли религии в экономическом развитии, исследуя наряду с протестантизмом иудаизм, ислам, индуизм, буддизм, конфуцианство. Если Дюркгейм строил свои аргументы на рассмотрении сравнительно небольшого числа фактов, но распространял выводы на религию в целом, то Вебер предпринял небывалое по масштабу исследование, охватившее практически весь мир. На этой эмпирической основе Вебер сформулировал утверждение о том, что великие религиозные традиции оказали существенное влияние на различие путей развития Запада и Востока, более конкретно — что иудаизм, ислам, католицизм и протестантизм больше способствовали рационализации социальной жизни, чем индуизм, буддизм и конфуцианство. Вебер стремится, таким образом, обнаружить в истории связанные с религией корни Новой истории, современной западной культуры .

Второе важное направление исследований Вебера — анализ процесса «расколдования» мира, того процесса, благодаря которому из отношения «цель — средства» устраняются элементы магической практики. Они уступают место «целерациональным», ориентированным на успех средствам: мир предстает как «материя», которая может и должна быть подчинена человеку. Своей высшей точки этот процесс достигает в аскетическом протестантизме, в кальвинизме, но его истоки лежат в иудейском пророчестве. Вебер сравнивает различные религии, выясняя, какую степень рационализации экономической деятельности допускает та или иная религиозная этика. С 1916 по 1919 гг. Вебер выпускает серию статей на эту тему, объединенных под общим названием «Хозяйственная этика мировых религий».

Если в XIX и XX вв. упадок религии представлялся многим как триумф человеческого разума, как результат просвещающего и освобождающего действия современной науки, то Вебер видит в нём симптом духовного

заболевания общества, вызванного гипертрофированной до чудовищных размеров «рациональностью»: технология и бюрократия подчиняют себе мир, колоссально сужая человеческий опыт, так что в сознании человека угасают величайшие страсти — поэтическая сила воображения, любовь к прекрасному, героические чувства, религиозный опыт, уступая место прагматическому расчету, заботе о комфорте, банальной тяге к «полезности».

Еще одна тема, намеченная Вебером совместно с Трёлльчем, — дихотомия «церковь — секта», типология религиозных организаций. Вебер поставил перед собой задачу проанализировать деятельность религиозных сообществ в общесоциологических категориях. Он ввел различие бюрократических форм организации и типов господства, успешно применявшееся впоследствии в исследовании различных аспектов религии. Влияние и значение Вебера основывалось еще и на том, что он разработал понятийный аппарат социологии религии, которым она пользуется и сегодня.

Маркс, Дюркгейм и Вебер определили, каждый по-своему, важнейшие отличительные черты религии, и в некоторой степени их взгляды дополняют друг друга. В трудах этих ученых справедливо указывается, что религия часто используется в качестве идеологического оружия и служит оправданию удовлетворения интересов правящих классов, чему в истории несчетное число подтверждений. Возьмем в качестве примера христианство в попытках европейских колониалистов подчинить другие народы своему владычеству. Миссионеры, которые пытались обратить «язычников» в христианскую веру, действовали, несомненно, с искренними намерениями, хотя в результате их вероучение ускорило разрушение традиционной культуры и способствовало укреплению власти белой расы. Почти все христианские вероисповедания относились к рабству терпимо вплоть до XIX столетия. Были разработаны специальные теории, объяснявшие рабство божественным предначертанием. Рабы, обнаруживавшие непокорность, были якобы виновны в преступлении перед Господом и своим хозяином .

В этой связи справедливым представляется замечание Вебера о беспокойном и даже революционном характере воздействия религиозных идеалов на установившийся общественный порядок. Хотя церковь первоначально поддерживала существование рабства в США, многие церковные лидеры впоследствии сыграли важную роль в борьбе за освобождение рабов. Религиозные верования во многих случаях способствовали развитию социальных движений, направленных на уничтожение несправедливой системы власти. Они занимают выдающееся место в истории борьбы за гражданские права в США в 60-е годы XX века. Другим выражением связи религии с изменениями в общественном порядке были вооруженные столкновения и войны, которые велись по религиозным мотивам и часто приводили к массовому кровопролитию.

Изучению этой противоречивой, хотя и имеющей огромное историческое значение, роли религии отводилось сравнительно мало внимания в работах Дюркгейма, который, прежде всего, подчеркивал место религии в обеспечении общественного согласия. Однако его идеи нетрудно применить к объяснению религиозной розни и порождаемых ею социальных изменений. Глубина враждебных чувств, испытываемых верующими по отношению к другим религиозным группам часто зависит от преданности религиозным ценностям, которых придерживается их собственная община.

Религия как предмет социологического анализа есть совокупность структур и процессов, связанных с функционированием общества на разных уровнях, система регуляторов социальных связей, образцов поведения и т.д.

Особенность религии как одной из социальных подсистем выразилась в том факте, что на основе анализа религиозного феномена оказалось возможным выявить многие общесоциологические параметры, определить подходы и разработать важнейшие модели, обосновать смену парадигм социального познания.

Можно с уверенностью утверждать, что религия — это один из важнейших факторов человеческой истории. Можно, в зависимости от ваших

взглядов, утверждать, что человек без религии не стал бы человеком, можно доказывать, что без нее человек был бы лучше и совершеннее. Религия — реальность человеческой жизни, именно так и следует ее воспринимать.

Роль религии неодинакова. Например, одни общества и государства живут по строгим законам религии, другие предлагают полную свободу в вопросах веры своим гражданам и вообще не вмешиваются в религиозную сферу, а в третьих религия может находиться под запретом. В ходе истории положение с религией в одной и той же стране может меняться. Яркий пример того — Россия. Да и конфессии отнюдь не одинаковы в тех требованиях, которые они предъявляют к человеку в своих правилах поведения и кодексах морали. Религии могут объединять людей либо разъединять их, вдохновлять на созидательный труд, на подвиги, призывать к бездействию, покою и созерцанию, способствовать распространению книжности и развитию искусства и в то же время ограничивать какие-либо сферы культуры, накладывая запреты на отдельные виды деятельности, науки и т.д. Роль религии всегда необходимо рассматривать конкретно как роль данной религии в данном обществе и в определенный период. Ее роль для всего общества, для отдельной группы людей или для конкретного человека может быть различна.

Таким образом, религия является важнейшим фактором, формирующим мировоззрение, поэтому правомерна интерпретация религии как «ценностной системы, влияющей на миропонимание и задающие деятельностно-целевые ориентиры социального развития. Религиозность же при таком подходе представляет собой, с одной стороны, убежденность в правильности и необходимости целей, методов и средств развития, полагающихся религиозно-ценностной системой, и убежденность эта не может быть полностью рационализирована, поскольку основывается на безусловной вере в те или иные авторитетные источники. С другой, религиозность есть индивидуальное или общественное стремление к постижению истины, формирующее как мировоззрение, так и

соответствующую ему религиозную систему. При рассмотрении религии и религиозности в таком широком аспекте допустимо утверждать их универсальность для любых исторических и современных общностей, так как конкретное развивающееся общество трудно представимо без идеологического обоснования целей, определяющих пути и средства его развития» .

Прежде всего, религия, являясь мировоззрением, т.е. системой принципов, взглядов, идеалов и убеждений. Она объясняет человеку устройство мира, определяет его место в этом мире, указывает ему, в чем состоит смысл жизни.

Также религия дает людям утешение, надежду, духовное удовлетворение, опору. Совершенно не случайно люди чаще всего обращаются к религии в тяжелые моменты своей жизни.

Очень важно, что человек, имея перед собой некий религиозный идеал, внутренне меняется и становится способным нести идеи своей религии, утверждать добро и справедливость, смиряясь с лишениями, не обращая внимания на тех, кто осмеивает или оскорбляет его.

Часто религия управляет поведением человека через свою систему ценностей, моральных установок и запретов. Она может существенно влиять на большие сообщества и целые государства, живущие по законам данной религии.

Несомненно, религии способствуют объединению людей, помогают складыванию наций, образованию и укреплению государств (например, когда Русь переживала период феодальной раздробленности, отягощенный иноземным игом, наших далеких предков объединяла не столько национальная, сколько религиозная идея — «все мы — христиане»).

В том числе, религия является вдохновляющим и сохраняющим фактором духовной жизни общества.

И, наконец, религия способствует упрочению и закреплению определенных общественных порядков, традиций и законов жизни. Так как

религия более консервативна, чем любой другой общественный институт, она в большинстве случаев стремится к сохранению устоев, к стабильности и покою.

Православные богословы базисом духовной культуры тоже считают религию. Обратим внимание на идеи «единой философии культа», разработанной П. А. Флоренским. По его мнению, религия стоит над явлениями духовной культуры, культура возникает на основе религии: искусство родилось как культовое, наука и философия явились попыткой осмыслить религиозный взгляд на мир, а мораль и право вечно базировались на религиозных заповедях. Культ - «средоточное» место культуры, в узком смысле он - богослужение, богослужebное действие, а в широком - феургия (греч. *theurgea* - богоделание). Феургия является «материнским лоном всех наук и искусств». В культе встречаются имманентное и трансцендентное, долнее и горнее, временное и вечное, поэтому он образует основу, источник культуры. Культура - это то, «что от культа присно отщепляется, - как бы прорастания культа, побеги его, боковые стебли его. Святыни - это первичное творчество человека; культурные ценности - это производные культа, как бы отслающаяся шелуха культа...». Вспомогательные термины, понятия, формулы, являющиеся производными культа, в процессе усложнения и автономного развития превращаются в «светскую философию, светскую науку, светскую литературу». Немецко-американский протестантский теолог и философ П. Тиллих в своей «теологии культуры» исходит из идеи отчуждения человека от Бога (Самого Бытия) в результате грехопадения и открывания Богом (Самим Бытием) себя человеку в историческом времени. Главное для П. Тиллиха - «определить способ соотнесения христианства и секулярной культуры». Религия и культура противостоят друг другу и одновременно образуют единство. «Религия, - полагает П. Тиллих, - есть высшая забота... Религия есть субстанция, основа и глубина духовной жизни человека», она питает культуру и придает ей смысл. Религия есть субстанция культуры, а культура - форма религии.

Субстанция и форма постоянно стремятся к синтезу и каждый раз разрушают достигнутый синтез. Культура заключает в себе отношение к Безусловному, иначе говоря, религиозный опыт, хотя это отношение постоянно подвергается деструкции. Вхождение Бога (Самого Бытия) во временную историческую ситуацию - Кайрос (греч. kairos - надлежащая мера, норма, надлежащая пора) соединяет ее с «вечным значением» и придает форме культурный смысл. По степени вхождения Безусловного, вечного во временное П. Тиллих выделяет три типа культуры: теономную (греч. theos - бог, nomos - обычай, порядок, закон), гетерономную (греч. heteros - другой), автономную (греч. autos - сам). Теономная культура выражает религию не как нечто чуждое, а как собственную духовную основу; в истории этот тип нереализуем и недостижим. В историческом отчужденном существовании представлены гетерономный и автономный типы. Гетерономная культура - это крайне авторитарная система, которая подчинена религии, а автономная выражает оскудение духовной жизни, для нее характерны антропоцентризм, гуманизм, но и в ней имеется измерение Безусловного, религиозный опыт, хотя бы в негативной форме - переживания пустоты и бессмысленности.

Можно выделить две части религиозной культуры. Одну образуют те компоненты, в которых вероучение выражается прямо и непосредственно - сакральные тексты, теология, различные элементы культа и пр. Другую составляют те явления из области философии, морали, искусства, которые исторически вовлекаются в религиозно-духовную и культовую деятельность, в церковную жизнь, тем самым влияют на мировоззрение социума.

С этих позиций можно рассмотреть различные принципы анализа роли религии в обществе.

Следует отметить, что роль религии можно считать исходной и определяющей, так как она оказывает на экономические отношения и другие сферы общественной жизни серьезное влияние. Она санкционирует определенные взгляды, деятельность, отношения, институты, придает им «ореол Святости» или объявляет «нечестивыми», «отпавшими»,

«погрязшими во зле», «греховными», противоречащими «закону», «Слову Божию». Религиозный фактор влияет на экономику, политику, государство, межнациональные отношения, семью, на область культуры через деятельность верующих индивидов, групп, организаций в этих областях. Происходит «наложение» религиозных отношений на другие общественные отношения.

С другой стороны, степень влияния религии связана с ее местом в обществе, а это место не является раз и навсегда данным, оно изменяется в контексте процессов сакрализации и секуляризации. Сакрализация означает вовлечение в сферу религиозного санкционирования форм общественного и индивидуального сознания, деятельности, отношений, поведения людей, институтов, рост влияния религии на различные сферы общественной и частной жизни. Секуляризация, напротив, ведет к ослаблению влияния религии на общественное и индивидуальное сознание, к ограничению возможности религиозного санкционирования различных видов деятельности, поведения, отношений и институтов, «вхождению» религиозных индивидов и организаций в различные внерелигиозные сферы жизни. Указанные процессы неоднолинейны, противоречивы, неравномерны в обществах разных типов, на сменяющихся друг друга этапах их развития, в странах и регионах Европы, Азии, Африки, Америки, в меняющихся социально-политических и культурных ситуациях.

Различно и воздействие религии на общество, его подсистемы отличаются своеобразием родоплеменных, народностно-национальных, региональных, мировых религий, а также отдельных религиозных направлений и конфессий. В их вероучении, культе, организации, этике имеются специфические черты, которые находят выражение в правилах отношения к миру, в повседневном поведении последователей в различных областях общественной и личной жизни, накладывают печать на «человека экономического», «человека политического», «человека морального», «человека художественного». Неодинаковой является система мотивации, а

потому и направленность и эффективность хозяйственной деятельности в иудаизме, христианстве, исламе, католицизме, кальвинизме, православии, старообрядчестве и других религиозных направлениях. По-разному рассматривают межэтнические, межнациональные отношения родоплеменные, народностно-национальные (индуизм, конфуцианство, сикхизм и др.), мировые религии (буддизм, христианство, ислам), их направления и конфессии. Существуют заметные отличия в морали, в нравственных отношениях буддиста, христианина, мусульманина, синтоиста, даосиста, последователя родоплеменной религии. По-своему развивается искусство, его виды и жанры, художественные образы в соприкосновении с теми или иными религиями.

Как отмечалось, религия представляет собой системное образование, включающее ряд элементов и связей: сознание со своими чертами и уровнями, внекультовые и культовые деятельность и отношения, учреждения для ориентации во внерелигиозных и в религиозной областях. Функционирование названных элементов и связей давало соответствующие им, их содержанию и направленности результаты. Достоверные знания позволяли строить эффективную программу действий, повышали творческий потенциал культуры, а заблуждения не способствовали преобразованию природы, общества и человека в соответствии с объективными закономерностями развития, приводили к неблагоприятным последствиям. Деятельность, отношения, учреждения консолидировали людей, но могли и разъединять, вести к появлению и разрастанию конфликтов. По линии религиозной деятельности и отношений, обеспечения нужд религиозных организаций шло и идет создание и накопление материальной и духовной культуры - освоение необжитых земель, совершенствование земледелия, животноводства, ремесел, развитие храмостроительства, письменности, книгопечатания, сети школ, грамотности, различных видов искусства. Но, с другой стороны, определенные слои культуры отторгались, отталкивались - многие компоненты языческой культуры, скоморошество, смеховая

культура, портретная живопись в исламе, духовные образования, попавшие в свое время в Индекс запрещенных книг католицизма, ряд научных открытий, свободомыслие. Следует, конечно, учитывать и то, что позиции и практика религиозных организаций по многим вопросам развития культуры исторически меняются.

В настоящее время широко распространено мнение о тождестве религиозного и общечеловеческого. Представляется, что это мнение не учитывает ряда фактов. В религиозных системах отражаются, во-первых, такие отношения, которые близки всем обществам независимо от их типа; во-вторых, отношения, свойственные данному типу общества; в-третьих, связи, складывающиеся в синкретических обществах; в-четвертых, условия бытия разных этносов, классов, сословий, иных групп. В религиях представлены и самые различные культуры. Даже мировых религий - три, не говоря уже о множестве этно-национальных, региональных и родоплеменных. В религиях причудливо переплетаются компоненты общечеловеческие, формационные, классовые, этнические, партикулярные, глобальные и локальные. В конкретных ситуациях могут актуализироваться, выступать на передний план те или другие религиозные лидеры, группы, мыслители могут далеко не одинаково выражать указанные тенденции. Все это находит выражение и в социально-политических ориентациях - история показывает, что в религиозных организациях были и есть разные позиции: прогрессивная, консервативная, регрессивная. Причем какая-то конкретная группа и ее представители не всегда жестко «закреплены» за какой-то из них, могут менять ориентацию, переходить от одной к другой. В современных условиях значимость деятельности любых институтов, групп, партий, лидеров, в том числе и религиозных, определяется прежде всего тем, в какой мере она служит утверждению гуманистических ценностей.

Необходимо отметить, что религиозный компонент является наиболее важным в формировании культуры нации, объединении нации в цивилизацию. Слово «цивилизация» имеет множество значений. Мы будем

употреблять его в значении, сформулированном русским историком Н.Я. Данилевским: «Большое людское сообщество, объединённое принимаемыми всеми его членами нравственными его нормами и моральными принципами, имеющими религиозное происхождение, но в дальнейшем способными отделяться от религии и восприниматься как характеризующие данное сообщество духовные постулаты» . Н.Я.

Данилевский предлагает рассматривать исторический процесс развития цивилизаций, прежде всего, как живых организмов. Он утверждает, что цивилизации подобно живым организмам проходят определенные этапы: рождение – рассвет – старость – умирание, причем каждая цивилизация разновременно минует эти стадии. Н.Я. Данилевский обосновал невозможность однонаправленного линейного общественного прогресса; по Данилевскому, каждый культурно-исторический тип, каждая цивилизация подчиняются своей собственной логике развития, соответствующей естественно-историческим законам, поэтому культурно-историческую систему невозможно искусственно экспроприировать, а привнести можно только лишь поверхностные элементы. Но, по его мнению, лишь та цивилизация имеет право на выживание, которая не потеряла своего внутреннего содержания, самобытности, что в основе своей и является религией и сформированным ей культурным пластом нации. В противном случае, пишет Данилевский, цивилизация обречена на вырождение, происходящее со многими покоренными силой и ассимилированными более крупном культурно-историческом типе народами. Все культурно-исторические типы Н.Я. Данилевского одинаково самобытны и совершают четыре разряда культурно-исторической деятельности: религиозную, культурную, политическую и социально-экономическую. В настоящее время полицивилизационная модель человечества принята всеми специалистами и находит отражение в доктрине многополярного мира. Отвергают эту модель, пожалуй, только некоторые идеологи США, которые хотят видеть Америку единственным полюсом влияния в мире и рассуждать об «общечеловеческих

ценностях», являющихся на самом деле продуктом «западноевропейской» цивилизации .

Общая структура всех цивилизаций представляется универсальной для всех типов. Английский философ А. Тойнби предложил изображать ее в виде трех концентрических сфер . Внутренняя сфера - «ядро цивилизации», тип верования, определяющий шкалу предпочтений, критерии различения добра и зла и нравственные максимы. В ядре формируется дух цивилизации, который проникает из него в наружные слои. Оно охватывается «питательной мякотью», которая есть не что иное, как культура. На ранней стадии существования цивилизации она порождается типом верования и в точности ему соответствует, однако со временем культура начинает стремиться к самостоятельности и тогда может даже войти в противоречие с ним. Наконец, третий слой – «Защитная скорлупа» - общественные и государственные институты, защищающие питательную мякоть и ядро от внешних и внутренних врагов - армия, полиция, таможенная служба, разведка и контрразведка, правоохранительные органы, система наказаний и тому подобное. В случае, когда цивилизация включает в себя не одно государство, скорлупа состоит из нескольких сегментов, охраняющих свою внутренность сообщества. Эти государства обычно имеют договора о взаимопомощи при нападении на одно из них и некую общую наднациональную оборонительную структуру типа НАТО .

Таким образом, в современном понимании история есть история возникновения, созревания и жизнедеятельности отдельных цивилизаций и их взаимодействия, имеющего широкий диапазон - от сотрудничества до борьбы, которая может закончиться уничтожением одной из них.

В этой связи следует рассмотреть процесс появления новой цивилизации. Существуют два варианта: ядро новой цивилизации зарождается в пределах уже существующей, растет под прикрытием ее, защитной скорлупы и, набрав силу, убивает старое ядро и начинает перерождать питательную мякоть и скорлупу на свой лад, делая их

соответствующими своему духу. Классический пример такого варианта - появление христианской цивилизации в языческой Римской империи. Либо в качестве примера можно привести современное положение дел в России, когда протестантские ценности начинают превалировать над исконными православными. Другой вариант - возникновение ядра там, где еще нет никакой единой цивилизации, а есть конгломерат племен, каждое из которых имеет свои верования. В этом случае ядро должно очень быстро нарастить на себя защитную скорлупу, ибо без нее оно будет весьма уязвимым и непременно подвергнется нападению со стороны недоброжелателей, которых у новой религии всегда бывает много. В качестве примера можно взять появление исламской цивилизации. Ее ядро составило учение Мухаммеда о едином Боге. Вначале приверженцев нового типа верования было не более сотни, и язычники не уничтожили их только потому, что не придали им серьезного значения. Через пару десятилетий мусульмане покорили огромный полуостров и создали собственную защитную скорлупу в виде Аравийского Халифата .

Подводя итог необходимо сказать, что 1) религия санкционирует определенные взгляды, деятельность, отношения, институты, придает им «ореол святости» или объявляет «греховными», «противоречащими закону», отказывает им в санкционировании. Религиозный фактор влияет на экономику, политику, государство, межнациональные отношения, семью, на область культуры через деятельность верующих индивидов, групп, организаций в этих областях. Происходит «наложение» религиозных отношений на другие общественные отношения. 2) Степень влияния религии связана с ее местом в обществе, а это место изменяется в контексте процессов сакрализации (лат. sacer – священный) и секуляризации (позднелат. secularis – мирской, светский). Сакрализация означает вовлечение в сферу религиозного санкционирования форм общественного и индивидуального сознания, деятельности, отношений, поведения людей, институтов, рост влияния религии на различные сферы общественной и

частной жизни. Секуляризация, напротив, ведет к ослаблению влияния религии на общественное и индивидуальное сознание, к ограничению возможности религиозного санкционирования различных видов деятельности, поведения, отношений и институтов, «вхождения» религиозных индивидов и организаций в различные внерелигиозные сферы жизни. 3) Религия представляет собой системное образование, включающее ряд элементов и связей: сознание со своими чертами и уровнями, внекультовые и культовые деятельность и отношения, учреждения для ориентации во внерелигиозных и религиозных областях. Функционирование названных элементов и связей давало соответствующее им, их содержанию и направленности результаты.

Следует отметить, что определенные религиозные ценности и установки могут способствовать развитию или упадку общественных отношений. В результате, религии помогают увидеть механизм, позволяющий сохранить как нравственные ценности, так и национальное самосознание, культуру и укрепить солидарность между нациями и народами, другими словами сохранить цивилизацию.

ГЛАВА 2. ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Данная лекция нацелена на формирование у слушателей представлений о государственной политике в сфере свободы совести и государственно-конфессиональных отношений, об ее целях и задачах, ее правовых основах, а также о правовом регулировании деятельности религиозных объединений. Помимо этого при изложении лекции преследуются и другие цели: это анализ исторического пути, пройденного российским государством в последние десятилетия, когда формировался новый курс государственной политики в области государственно-конфессиональных отношений, изучение современной религиозной ситуации в России, также изучение проблем совершенствования и практического применения действующего законодательства.

Проблематика правового регулирования отношений государства и религиозных объединений в отечественной научной литературе еще недостаточно полно разработана. Однако за последние годы вышел ряд монографий и учебных пособий, посвященных проблемам законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях: Вероисповедная политика Российского государства: Учебное пособие/ Отв. ред. М.О. Шахов. М., 2003; *Володина Н.В.* Правовые системы государственно-конфессиональных отношений. М., 2009; *Залужный А.Г.* Право. Религия. Закон. М., 2008; *Куницын И.А.* Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000; *Погасий А.К.* Религия и право. Учебное пособие. Казань, 2007; *Понкин И.В.* Светскость государства. М., 2004; Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. и общ. ред. А.В. Пчелинцева, В.В. Ряховского. М., 2006; *Шахов М.О.* Конституционно-правовые основы государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации» М., 2005. Большое

количество полезной аналитической и практической информации содержится в журнале «Религия и право».

Учебный курс «Законодательство Российской Федерации о свободе совести и о религиозных объединениях» можно условно разделить на три больших раздела. Первый раздел включает введение в учебную дисциплину, здесь рассматриваются основные понятия курса, дается характеристика основным этапам становления взаимоотношений российского государства с религиозными объединениями в новейшее время. Второй раздел освещает правовые основы отношений государства и религиозных объединений в Российской Федерации. Третий раздел отведен основным областям взаимодействия государственных структур и религиозных организаций.

С древнейших времен религия и право выступали в качестве важнейших социальных регуляторов. Религиозные нормы, как и нормы законодательства определяли, что люди обязаны делать в тех или иных ситуациях, что запрещается и что разрешается делать в тех или иных обстоятельствах, какое наказание должно постигнуть нарушителей норм.

Можно выделить три аспекта взаимоотношений религии и права: 1) сакрализация норм законодательства; 2) церковное (каноническое) право и 3) правовое регулирование в сфере свободы совести, свободы вероисповедания и деятельности религиозных организаций.

Уже в древнейших государствах устанавливаемые нормы права получали религиозную санкцию: они рассматривались как непосредственно установленные божеством или основанные на религиозных канонах и текстах священных книг. В мифах излагалась история дарования людям законов, которые рассматривались как часть божественного мироустройства. Помимо этого, религия выполняла функцию легитимации политической власти, освящала ее действия и исходившие от нее распоряжения и законы. В Древнем Израиле Ветхий Завет рассматривался как основной источник норм права, регулировавших все аспекты жизни, определявший меру наказания за нарушения.

Во многих религиях конфессиональная жизнь регулируется сводом норм религиозного или церковного (канонического) права. Каноническое право государственной церкви (религии) может быть возведено в ранг общеобязательной нормы для всех граждан. Так, например, в мусульманских странах не имеется четкого разграничения между светским и религиозным правом и шариат (мусульманское право) является основой правовой системы в государстве. В царской России исполнение канонических норм официальной церкви обеспечивалось государством и им же в некоторых случаях налагались санкции за нарушение.

В светских государствах нормы канонического права относятся к числу внутренних установлений религиозных организаций. Государство уважает такие внутренние установления, в случае, если они не противоречат нормам светского законодательства, но не обеспечивает их реализацию и не устанавливает санкций за их нарушение. К числу норм религиозного права относятся, например, правила назначения (возведения в сан) служителей культа и основания для их смещения, правила совершения религиозных таинств и обрядов, различные запреты и ограничения для последователей данной конфессии и т.п.

Светское законодательство регулирует правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений. В нормах международного права, в международных договорах закрепляется право личности на свободу совести (религиозную свободу) и определяются законные основания для ее ограничения. Право на свободу совести и свободу вероисповедания как правило закреплено в Конституциях государств (в России это ст. 28 Конституции).

Законодательство определяет порядок создания религиозных объединений, получения ими статуса юридического лица, осуществления ими различных видов религиозной и нерелигиозной деятельности. При этом право некоторых стран регламентирует некоторые аспекты религиозной в

т.ч. богослужбной деятельности (в Великобритании – назначение архиепископа Кентерберийского, утверждение книги молитв государственной церкви и т.п.). В светских государствах регламентируется порядок осуществления только тех видов религиозной деятельности, которые имеют общественный характер: проведение публичных богослужений и миссионерских мероприятий, создание учреждений профессионального религиозного образования (семинария, медресе и т.п.). Законодательство определяет порядок передачи религиозным организациям имущества культового назначения и земельных участков, строительства культовых зданий, осуществления благотворительной, культурно-просветительской, издательской, предпринимательской и т.д. деятельности.

Отношения государства и религиозных объединений представляют собой совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений институтов государства, с одной стороны, и институциональных образований конфессий (религиозных объединений, духовно-административных центров, конфессиональных учреждений), с другой стороны. В основе этих отношений лежат законодательно закреплённые представления о месте религии и религиозных объединений в жизни общества, их функциях, сферах деятельности и компетенции всех субъектов данных отношений¹.

Отношения государства с религиозными объединениями сегодня обозначаются различными терминами, каждый из которых имеет свои положительные стороны и слабые места. Наиболее употребительными являются термины: государственно-церковные отношения; государственно-религиозные отношения; государственно-конфессиональные отношения; отношения государства и религиозных организаций (объединений).

Государственно-церковные отношения (в православной литературе употребляется также обратная формулировка – *церковно-государственные отношения*) – наиболее привычное, часто употребляемое, в том числе в

¹ См. Вероисповедная политика Российского государства/ Отв. ред. М.О. Шахов. М., 2003. С. 9 и сл.

официальных документах, устоявшееся понятие. Однако оно недостаточно корректно применительно к объединениям мусульман, буддистов, иудеев, последователей других религий, у которых нет понятия «церковь». Термин «церковь» в данном словосочетании многозначен, расплывчат и может восприниматься разными людьми и представителями разных государственных и конфессиональных структур в различных смыслах: как религиозный институт (в социологическом или правовом смысле), как синоним религиозной организации, объединения, как организованная религия, конфессия, имеющая свою внутреннюю структуру, а также как самоназвание некоторых религиозных организаций и в каноническом смысле – как все сообщество верующих и мистическое тело Христа.

Понятие *государственно-религиозные отношения*, встречаемое у некоторых авторов, как замена понятия *государственно-церковные отношения* неудовлетворительно из-за разнородности, разнопорядковости субъектов отношений. Государство – это институт, а религия – мировоззренческое и социальное образование. Государство как институт должно соотноситься, строить свои отношения не с религией как таковой, являющейся, помимо прочего, предметом частного выбора человека, а с институализированной религией, с религиозным институтом.

Понятие *государственно-конфессиональные отношения* представляется более корректным. Его недостатком можно считать лишь то, что понятие «конфессия» не определено в законодательстве и может трактоваться как «вероучение» или же как совокупность религиозных объединений одного вероучения.

Наиболее адекватно отражающим суть дела представляется понятие *отношения государства и религиозных объединений*. Это понятие не противоречит никаким каноническим установлениям. Однако для краткости в дальнейшем используется также и термин «государственно-конфессиональные отношения».

Предметом отношений между государством и религиозными объединениями являются:

реализация конституционного права человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания;

осуществление гарантированных законом прав религиозных объединений и контроль за соблюдением законов и исполнением ими возложенных на них законодательством обязанностей;

реализация конституционного принципа отделения религиозных объединений от государства;

обеспечение взаимодействия государственных и муниципальных органов власти и религиозных организаций в осуществлении социально значимых программ;

регулирование межконфессиональных отношений в случаях, порождающих общественный конфликт.

Субъектами отношений государства и религиозных объединений выступают:

со стороны государства – органы законодательной, исполнительной и судебной власти, отраслевые ведомства, учреждения, государственные СМИ;

со стороны религиозных объединений – религиозные организации и группы, их руководящие либо координирующие органы, конфессиональные учреждения и организации, обеспечивающие богослужебно-культурную практику, а также осуществляющие различные виды социально-гуманитарной, образовательной, просветительской, информационной и иной законной деятельности. Религиозные группы, не обладающие правами юридического лица и не являющиеся субъектами права, тем не менее могут быть субъектами государственно-конфессиональных отношений, поддерживать контакты с органами власти.

Особое место занимают *органы местного самоуправления*, которые, согласно статье 12 Конституции РФ не входят в систему органов государственной власти. Действующим законодательством на них возложен

ряд функций, связанных с религиозными объединениями. В том числе религиозные группы, имеющие намерение преобразоваться в религиозную организацию, должны уведомлять эти органы о начале своей деятельности.

Уровни отношений государства и религиозных объединений в Российской Федерации:

общегосударственный (федеральный),
субъекта Федерации,
местный (муниципальный).

На каждом из уровней в качестве субъектов отношений выступают соответствующие органы, учреждения и организации государства и религиозных объединений. Например, централизованная религиозная организация общероссийского масштаба заключает соглашение о сотрудничестве с федеральным министерством или епархия Русской православной церкви – с администрацией субъекта Федерации.

В случаях, когда решение того или иного вопроса жизнедеятельности религиозного объединения находится в компетенции федерального органа или органа власти субъекта Федерации, возникают прямые межуровневые отношения. Например, в случае, если местная религиозная организация желает получить в безвозмездное пользование культовое здание, являющееся памятником истории и культуры общероссийского значения и находящееся в федеральной собственности, оно направляет соответствующее обращение для рассмотрения в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти.

Религиозные объединения на законных основаниях осуществляют кроме богослужебной и иной религиозной деятельности самый широкий спектр видов деятельности. Ввиду этого органы государственной власти и религиозные объединения вступают во взаимодействие практически во всех областях жизни общества.

Среди наиболее важных сфер (областей) отношений государства и религиозных объединений: правовая (законотворчество и правоприменение),

экономическая, социальной защиты, здравоохранения, культуры, образования, экологии, охраны общественного порядка, а также отношения с Вооруженными Силами и другими силовыми структурами государства, пенитенциарными учреждениями и т.д.

Сотрудничество органов, учреждений и организаций государства и религиозных объединений может осуществляться в *формах*: диалога, совместных мероприятий, предусмотренных соответствующими соглашениями и договорами.

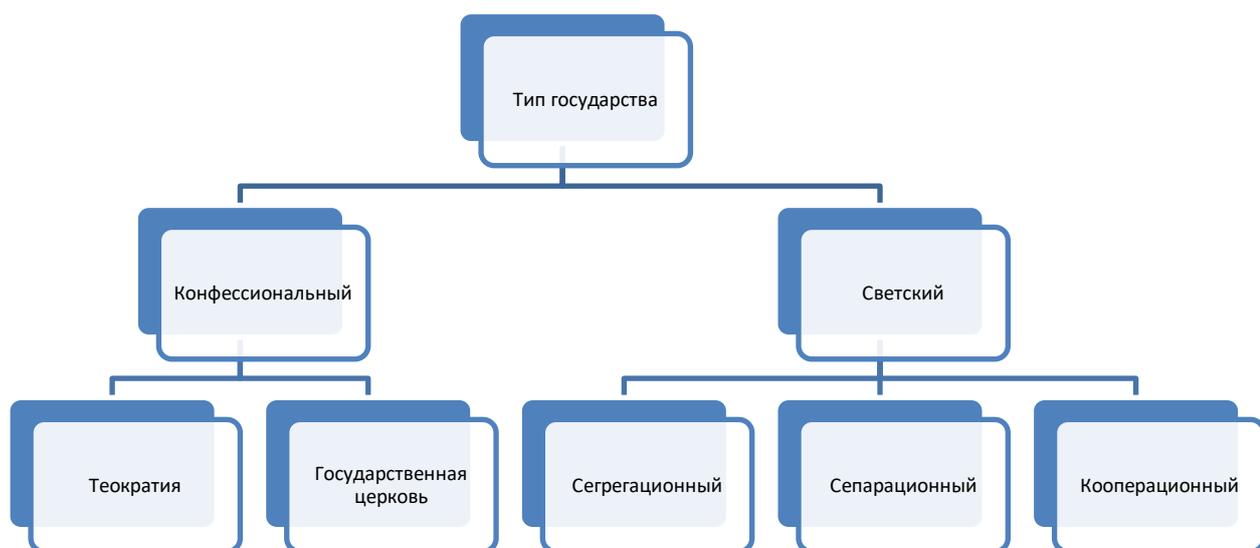
Отношения государства с религиозными объединениями характеризуются участием в них множества субъектов, обладающих возможностью самостоятельно и независимо определять свою социальную позицию. Например, одни религиозные объединения в соответствии со своими вероучительными установками стремятся проявлять социальную активность, сотрудничать с государством и обществом, другие, напротив, пытаются максимально обособиться от мира, от всех, кто не разделяет их религиозных убеждений. Свобода, которой обладают в рамках закона субъекты государственно-конфессиональных отношений, предопределяет то, что государство не может управлять этими отношениями в одностороннем порядке. Государство как субъект отношений с религиозными объединениями обладает возможностью реализовывать свою *вероисповедную политику*, оказывая тем самым существенное влияние на эти отношения в целом.

В самом общем виде по типу отношений с религиозными объединениями государства подразделяются на *конфессиональные* и *светские*.

В конфессиональном государстве одна из церквей (конфессий) либо сама руководит страной (*теократия*), либо включена в систему органов власти и управления (*государственная церковь*). В современном мире в ряде стран происходит постепенный переход от государства конфессионального

типа с привилегированной государственной церковью к светскому государству.

Особое место занимают в этой классификации католические страны, в которых церковь и государство были тесно связаны (Италия, Испания, Ирландия, Польша и т.д.). Однако, их нельзя было ни относить к теократиям, ни уподоблять национальным государственным церквям, ввиду того что высший руководящий центр католицизма не был подчинен властям этих государств. Во второй половине XX века условия взаимоотношений Католической церкви с этими государствами подверглись пересмотру, в том числе путем заключения новых конкордатов, существенно уменьшивших привилегии церкви. В результате складывающийся тип отношений приближается к светскому типу социального партнерства.

В светском государстве религиозные объединения отделены от него. Среди вариантов государственно-конфессиональных отношений в светском государстве можно выделить типы: **сегрегационный** (атеистическое государство, стремящееся максимально ограничить роль религии в жизни общества), **сепарационный** (государство, устранившееся от развития сотрудничества с религиозными объединениями) и **кооперационный** (**социальное партнерство**, государство решает социальные проблемы

совместно с религиозными объединениями). В современной России, являющейся согласно Конституции светским государством, идет поиск оптимального варианта взаимоотношений с религиозными объединениями.

Вероисповедная политика государства. Термин «вероисповедание» употребляется в трех смыслах: 1) догматически закреплённая система верований и культовых действий, что равнозначно понятиям «религия», «конфессия»; 2) принадлежность к какой-либо религии, церкви, деноминации; 3) религиозное объединение, имеющее собственное вероучение, культ, организационную структуру.

Под *вероисповедной политикой государства* понимается деятельность институтов государства, в которой объектом политического воздействия является религиозная сфера общественной жизни. Объектом вероисповедной политики государства, таким образом, является не вся религиозная жизнь, а лишь те ее стороны, которые связаны с какими-либо аспектами политики самого государства.

Вероисповедная политика государства определяется влиянием ряда факторов, среди которых: конфессиональная структура его населения, типы действующих на территории государства религиозных объединений (национальные или мировые религии), исторически сложившиеся традиции во взаимоотношениях государства и религиозных объединений, глубина процесса секуляризации в стране и др.

В наше время терминология в данной проблематике еще недостаточно унифицирована и наряду с термином «вероисповедная политика» применяются термины «религиозная» или «конфессиональная политика» и т.п.

Структурная модель вероисповедной политики — описание ее важнейших составных частей или структурных элементов и взаимосвязей между ними, которые в своей совокупности определяют общий облик, тип, характер политики.

Структурная модель государственной вероисповедной политики может

быть представлена в виде совокупности четырех взаимосвязанных компонентов: *ценностно-целевого, нормативного, институционального и функционального.*

Ценностно-целевой компонент представляет собой совокупность идейно-мировоззренческих представлений о месте и роли религии и религиозных объединений в жизни страны, о свободе совести, которыми руководствуется государственная власть, определяя стратегические цели своей вероисповедной политики и пути их достижения. Доминирующие идеалы, духовные ценности определяют ответ на вопрос: чего власть стремится достичь своими действиями? В зависимости от ценностных установок, которые существенно различаются, например в теократическом, атеистическом и в светском государстве, формируется представление о целях проводимой политики, о допустимых и недопустимых методах ее реализации. В современных демократических государствах как правило отсутствует официальная (государственная) идеология, однако, это не означает отсутствия целей политики и непризнания никаких духовных ценностей.

Нормативный компонент включает в себя законодательство, регулирующее отношения в сфере свободы совести и свободы вероисповедания. Правовые нормы устанавливают, что *обязаны* делать органы власти в процессе реализации вероисповедной политики, что им *запрещается* и что они *имеют право* делать.

Институциональный компонент - это органы государственной власти, реализующие вероисповедную политику. Эти органы создаются и наделяются конкретными полномочиями на основании правовых актов.

Функциональный компонент - это совокупность действий по реализации ГВП, совершаемых органами государственной власти. Часть из этих действий однозначно определена императивными нормами права, но в пределах полномочий, установленных диспозитивными нормами, органы

власти могут избирать различные варианты законных действий, сообразуясь с общим направлением проводимой политики.

Можно провести некоторую (неполную) аналогию выделенных нами четырех компонентов структурной модели с аристотелевским учением о четырех причинах: целевой (для чего это?), формальной (что есть это?), материальной (из чего состоит?) и действующей (как это произведено?).² В нашем случае компоненты могут быть соотнесены с *целью* действий, *правилами* их совершения, *действующими органами* власти и с конкретными *действиями*.

Компоненты структурной модели ГВП тесно взаимосвязаны и существенные изменения в каждом из них не могут происходить изолированно и чаще всего (но не обязательно в каждом конкретном случае) влекут за собой изменения в остальных компонентах и в характере политики как системы в целом. Эти изменения, как правило, не синхронны, растянуты во времени. Например, вначале происходит осознание необходимости изменения законодательства или реформирования государственной машины и лишь по прошествии некоторого времени, в зависимости от эффективности механизма государства, осуществляются соответствующие перемены в правовой системе, в системе органов власти.

Ценностно-целевой компонент модели является определяющим. Формирование остальных компонентов: нормативного, институционального и функционального производится на основе идейно-мировоззренческих представлений, доминирующих во власти. Отметим, что в современных демократических государствах существуют развитые механизмы взаимодействия власти и общества, благодаря которым происходит согласование целей и идеалов различных социальных групп. В тоталитарных государствах власть навязывает обществу свою официальную идеологию и заставляет общество реализовывать поставленные ею цели.

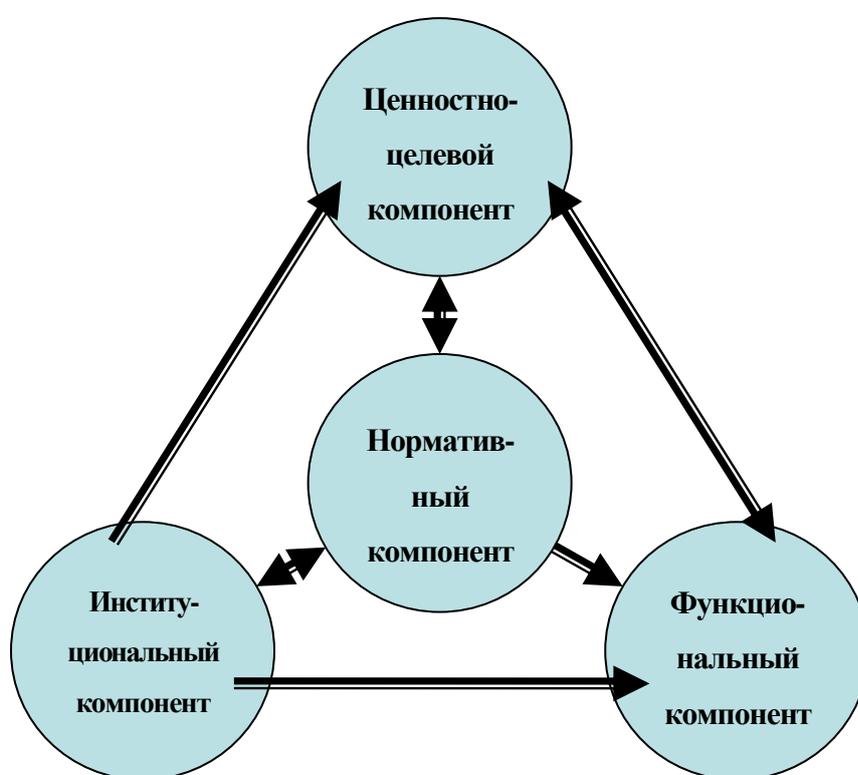
² См.: Причина и следствие// Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т.3. С. 353.

Влияние идейно-мировоззренческих представлений на формирование и эволюцию системы права хорошо известно и находит выражение в различных формулировках (например: «Право есть воля господствующего класса, возведенная в закон»). Вся система социальных регуляторов, определяющая запреты, предписания и дозволения, основывается на представлениях о добре и зле, о том, какие социальные явления надлежит поддерживать, а какие изживать или видоизменять, приближая к некоторому идеалу.

Имеет место и обратное влияние: нормативного компонента на ценностно-целевой. В состав последнего входит правосознание, предполагающее уважение к действующим правовым нормам, согласование выдвигаемых целей политики и методов их достижения с законодательством. В конкретных ситуациях руководители государства могут либо воздерживаться от выдвижения политических целей, противоречащих закону, либо обратиться к процедурам изменения норм закона. (Возможен и вариант конфликта между компонентами системы, когда власть, поставив противозаконные цели, для их реализации совершает (функциональный компонент) правонарушения. Но такое рассогласование компонентов системы означает ее нестабильность и может иметь только временный характер).

Институциональный компонент, как уже отмечалось, создается под воздействием нормативного, на основе правовых актов. Например, Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ создана и осуществляет свою деятельность на основе постановлений Правительства РФ. В условиях разделения властей влияние институционального компонента на нормативный осуществляется прежде всего органами законодательной власти. (В свою очередь их правотворческая деятельность определена правовыми нормами Конституции). Органы исполнительной власти могут влиять на содержание нормативного компонента, издавая подзаконные нормативные акты. Непосредственное воздействие ценностно-целевого

компонента на институциональный невозможно, так как любые изменения в последнем совершаются посредством издания правовых актов. Такое воздействие опосредовано нормативным компонентом, но имеет ценностно-целевую мотивацию: например, ликвидация Совета по делам религий при СМ СССР, осуществленная на основе норм Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25.10.1990 во имя обеспечения тех представлений о свободе совести, которыми руководствовалась в то время власть и значительная часть общества. Прямое воздействие институционального

компонента на ценностно-целевой ярко проявляется в случаях, когда в системе органов государственной власти создаются структуры, осуществляющие разработку и пропаганду официальной идеологии. Функциональный компонент (правореализующие действия власти) формируется под влиянием всех трех других компонентов. Составом

нормативного компонента предопределяются запреты на конкретные действия власти, обязательное исполнение возложенных обязанностей. Однако, в пределах своих полномочий, органы власти могут также совершать (или не совершать) действия, дозволенные законодательством. В рамках закона выбор конкретного варианта дозволенных действий определяется ценностно-целевым компонентом (например, в современной России органы власти могут варьировать в зависимости от приоритетов ГВП формы и размеры поддержки, оказываемой ими религиозным организациям в осуществлении социально значимой деятельности). Институциональный компонент определяет фактическую возможность выполнения действий (при отсутствии нужных структур или недостатке квалифицированных кадров они становятся неэффективными или вовсе невозможными).

Конкретный пример может проиллюстрировать, как перемены в двух компонентах: ценностно-целевом и функциональном радикально меняют облик всей модели вероисповедной политики. В период горбачевской «перестройки», к моменту празднования тысячелетия Крещения Руси (1988 г.) идеологические представления руководства КПСС претерпели видоизменение: вместо прежнего воинствующего атеизма возобладало представление о необходимости обеспечения реальной свободы совести, была признана выдающаяся роль Русской православной церкви в истории русской государственности и культуры. В соответствии с этим было ограничено действие атеистической пропаганды, а органы власти, обладавшие возможностями по своему произволу удовлетворять или отклонять прошения о регистрации новых религиозных общин, были ориентированы на смягчение подхода к рассмотрению заявлений. В результате число общин, зарегистрированных в СССР в 1988 г., выросло по сравнению с числом зарегистрированных в 1987 г. в десять раз (1070 и 104 соответственно). При этом нормативный и институциональный компоненты оставались неизменными до осени 1990 г., но общий облик вероисповедной политики страны, благодаря переменам в двух компонентах, радикально

изменился, что, в конечном итоге, привело к трансформации двух других компонентов.

Функциональный компонент не может непосредственно воздействовать на институциональный или нормативный компоненты. Однако результаты практических действий могут осознаваться властями как основания для корректировки своих ценностно-целевых установок, перемен в законодательстве и реорганизации институционального компонента. Например, длительное время старообрядчество воспринималось властями царской России как нелояльное им, оппозиционное и опасное для стабильности страны духовное движение. Это предопределяло создание дискриминационного законодательства, проведение систематических репрессивных мер против старообрядцев. Однако, хотя и с большим опозданием, к началу XX века власти, на основе приобретенного опыта убедились, что старообрядцы – патриотически настроенные граждане, укрепляющие экономику страны, хранящие лучшие народные традиции, не угроза, а опора стабильности в обществе. В результате вероисповедная политика по отношению к старообрядчеству существенно изменилась во всех компонентах.

Целостную картину конкретного наполнения каждого из четырех компонентов структурной модели и их взаимного влияния можно представить в коротких исторических примерах.

В Российской империи Синодальная церковь рассматривалась как носительница единственного истинного вероучения, поддерживать которую является долгом государства. Другие религии представлялись в качестве заблуждений или ложных учений, к которым государство может проявлять ту или иную степень терпимости, в зависимости от их свойств, от поведения их последователей. Эта доминировавшая мировоззренческая установка предопределяла характер законодательства, которое предоставляло исключительные преимущества Синодальной церкви и налагало различные

ограничения на деятельность иных конфессий. Соответствующим образом была организована система органов власти, ведавших делами господствовавшей церкви (Святейший Синод) и других конфессий, вопросами деятельности которых в основном занимались органы Министерства внутренних дел. В практической деятельности властей могли применяться как гибкие, веротерпимые формы действий, например в отношениях с мусульманами, так и репрессивные, иногда неоправданно жестокие, интенсивность которых могла меняться под воздействием ценностно-целевого и нормативного компонентов. Например, в царствование Николая I, видевшего в старообрядчестве угрозу государству, были приняты дополнительные антистарообрядческие правовые акты и активизированы массовые преследования.

В Советском государстве религия рассматривалась как пережиток прошлого, которому предстоит отмереть в коммунистическом обществе. Законодательные нормы были ориентированы на максимальное ограничение деятельности религиозных объединений в обществе. Государственные органы по делам религий также были нацелены на обеспечение максимального надзора за жизнью религиозных объединений, на сдерживание их активности; они работали в тесном взаимодействии с органами государственной безопасности. Практическая деятельность органов власти и управления всех уровней за редкими исключениями может быть охарактеризована как более или менее интенсивное использование «административного ресурса» для проведения в жизнь атеистической идеологии. Характерным является также то, что на протяжении советской истории влияние нормативного компонента было относительно невелико. Во-первых, органы власти оставляли за собой возможность произвольного толкования советского законодательства о культах, сообразно с политической целесообразностью, во-вторых, нормы законодательства могли игнорироваться, нарушаться властями, в-третьих, религиозные организации и верующие были фактически лишены возможности в судебном порядке

защищаться от неправомερных действий властей. История Советского государства показывает также, что под влиянием ценностно-целевого компонента (в котором изменялась не официальная марксистско-ленинская доктрина, а политические цели вождей и взгляды на методы их достижения) видоизменялись все остальные компоненты структурной модели и сам тип ГВП.

Предложенная нами структурная модель государственной вероисповедной политики может быть использована как в теоретических, так и в научно-практических целях. Она помогает понять внутреннюю природу формирования ГВП, объяснить, почему в конкретно-исторических условиях складывается тот или иной ее тип, анализировать динамику и тенденции ее видоизменения, прогнозировать, как изменение того или иного фактора, компонента может повлиять на общий облик исследуемого объекта. Применительно к историческим исследованиям, структурная модель может использоваться для целей периодизации, в качестве критерия перехода ГВП в качественно новое состояние (при существенном и длящемся изменении двух и более компонентов).

Применительно к современной Российской Федерации, являющейся светским государством, *вероисповедная политика* – часть политики государства в сфере свободы совести и вероисповедания, а именно: система действий государства, включающая целеполагание, правовое обоснование, комплекс организационно-практических мер по обеспечению свободы совести и вероисповедания человека и гражданина, созданию необходимых условий для удовлетворения религиозных потребностей, регулированию деятельности религиозных объединений в качестве субъектов публичного права в той части, которая выходит за рамки канонического устройства и культовой практики и в силу этого становится общественной деятельностью, осуществлению сотрудничества с ними в решении социально и государственно значимых проблем, достижению межрелигиозного и межконфессионального мира.

Согласно принятым в современной политологии представлениям, «политика возникает и осуществляется ради определенных целей, которые внутренне противоречивы и разнообразны. Ее высшая цель в социальной системе — интеграция внутренне дифференцированного общества, увязывание конфликтующих частных устремлений граждан с общей целью всего общества. (...) Средства политики представляют собой инструменты, орудия практического осуществления целей, превращения идеальных мотивов в реальные действия. (...) Методы политики обычно характеризуют способы воздействия на ее объекты»³.

В настоящее время, ввиду отсутствия официально принятой доктрины или концепции государственной вероисповедной политики, ее цели, принципы и методы могут по-разному формулироваться различными исследователями или политическими деятелями в зависимости от их собственной мировоззренческой позиции. Однозначно определенными компонентами политики являются те положения, которые закреплены в действующем законодательстве, например, принцип равенства религиозных объединений перед законом.

Определяющей целью вероисповедной политики Российской Федерации является создание условий, сочетающих обеспечение возможности наиболее полной реализации прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания с обеспечением консолидации и стабильности общества.

Достижение данной цели обеспечивается решением комплекса задач, в числе которых:

- реализация конституционных прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания. (Религиозные убеждения последователей большинства конфессий требуют образования религиозных *объединений* и предоставления им возможности осуществлять ряд богослужбных и

³ Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 2003, с. 58-59.

внебюджетных функций. Поэтому государственная политика в отношении прав и свобод личности и в отношении религиозных объединений неразрывно связаны);

- согласование интересов верующих и неверующих граждан, различных религиозных объединений, этноконфессиональных групп, достижение между ними взаимопонимания и социального компромисса ради мирного сосуществования в обществе;
- целенаправленное распределение пропорциональной доли общественного богатства на расходы, связанные с потребностями общества в сфере духовной жизни, в том числе, с предоставлением льгот и помощи религиозным объединениям;
- укрепление моральных ценностей общества путем реализации позитивного социально-нравственного потенциала различных форм мировоззрения, в том числе, религиозного, сохранение самобытности культурно-национальных традиций народов России, развитие всех форм общественной самодеятельности;
- защита национально-государственной, общественной и личной безопасности, противодействие пропаганде культа насилия и моральных норм, противоречащих нравственным ценностям российского общества.

Политика государства в сфере свободы совести и вероисповеданий строится на следующих **принципах**:

- светский, конфессионально нейтральный характер государства и его институтов;
- равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от их отношения к религии, принадлежности к религиозным или светским объединениям;
- равенство религиозных объединений перед законом;

- уважение культурно-национальных традиций, менталитета различных общественных групп населения; учет взаимосвязи национальных обычаев, традиций и обрядов с религией;
- допустимость лишь таких ограничений в сфере свободы совести и вероисповеданий, которые необходимы для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства;
- открытость в реализации политики в сфере свободы совести и вероисповеданий на всех уровнях государственной власти и управления;
- научно обоснованный выбор приоритетов в политике государства в данной сфере. В соответствии с этим принципом государственная вероисповедная политика должна формироваться и реализовываться на основе комплексного научного анализа: социологического, религиоведческого, правового, политологического, экономического. Такой подход призван застраховать от проявлений волюнтаризма, от ошибок в оценке ситуации, в прогнозе её развития, в выборе способов действия.

Методы осуществления политики государства в сфере свободы совести и вероисповеданий:

- неукоснительное соблюдение законодательства Российской Федерации всеми государственными органами и должностными лицами;
- совершенствование правовой базы, регулирующей отношения в области свободы совести и свободы вероисповедания;
- создание эффективного механизма для проведения единой государственной вероисповедной политики на всех уровнях власти, для контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о свободе совести и вероисповеданий;

- профессиональная подготовка и повышение квалификации государственных служащих, осуществляющих реализацию вероисповедной политики;
- поддержка научных исследований, обеспечивающих теоретическую основу вероисповедной политики государства;
- контакты и сотрудничество с религиозными объединениями, предоставление им возможности участвовать в рассмотрении органами власти вопросов, затрагивающих их интересы;
- государственная поддержка социально значимых направлений деятельности религиозных объединений, соответствующий общественным потребностям выбор форм и сфер сотрудничества государства с конфессиями, религиозными организациями;
- координация усилий различных звеньев государственной системы, гражданского общества, религиозных организаций для поддержания конструктивных отношений, укрепления взаимопонимания между последователями различных вероисповеданий.

ГЛАВА 3. МОДЕЛИ И СФЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ

Согласно предлагаемой нами периодизации, можно выделить следующие этапы развития отношений между российским государством и религиозными объединениями, характеризующиеся существенными изменениями государственной вероисповедной политики:

Предварительный этап: конец 1980-х гг. – октябрь 1990 г. (от поворота в политике при праздновании тысячелетия Крещения Руси до принятия Закона «О свободе вероисповеданий»);

1-ый этап: Октябрь 1990 г. – сентябрь 1997 г. (до принятия ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»);

2-ой этап: Сентябрь 1997 г. – настоящее время.

Формирование принципиально новых государственно-конфессиональных отношений в новой, постсоветской России имеет свою предысторию. Поворот в государственной вероисповедной политике начался еще в последние годы существования СССР. Наиболее важной точкой было празднование тысячелетия Крещения Руси в 1988 г., а в 1990 г. был принят Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», по которому наша страна жила до 1997 г.

Фактически на этапе предыстории речь идет о вероисповедной политике СССР, так как до 1990 г. самостоятельной политики у РСФСР не было, а полностью самостоятельным государством Россия стала только после распада СССР в конце 1991 г.

Как уже было отмечено ранее при анализе структурной модели вероисповедной политики, ключевым, определяющим ее компонентом является комплекс доминирующих идейно-мировоззренческих представлений о месте религии и религиозных объединений в жизни

общества. Во второй половине 1980-х гг. общий кризис социалистического государства и марксистско-ленинской идеологии отражается и на вероисповедной политике. Можно выделить следующие причины и предпосылки формирования новой вероисповедной политики:

- первоначальная попытка КПСС обновить и укрепить коммунистическую идеологию *сменяется отказом партии от идейной монополии*, прекращением притязаний марксистско-ленинского учения на обладание истиной об устройстве бытия и о смысле жизни. *Атеистическая политика государства утрачивает идеологическую основу*;

- *крах попыток ускорения экономического развития*, фактическое начало ухудшения положения дел в экономике и уровня жизни населения подрывают идейный авторитет коммунистической доктрины, стимулируют обращение граждан к поиску иных идейных ценностей;

- *распространение информации о репрессиях* против верующих, служителей культов, об уничтожении религиозного культурного наследия, о позитивной роли религии в истории России, доступность церковной литературы, знаний о религии в условиях гласности формируют в общественном сознании новый образ религии и Церкви, создают *общественную потребность в вероисповедной политике принципиально нового типа*;

- расширение международных контактов, стремление руководства СССР продемонстрировать миру приверженность «общечеловеческим ценностям» и соблюдение в Советском Союзе международных соглашений о правах человека стимулировало либерализацию государственной вероисповедной политики;

- снижение напряженности международной обстановки создало предпосылки для смягчения отношения государства к иностранным и нетрадиционным религиозным объединениям, которые ранее рассматривались как орудия, используемые империалистическими державами против советской власти.

Поворот, происходивший в государственной вероисповедной политике, сказывался и на численности религиозных организаций.

Таблица 1.

Число зарегистрированных религиозных организаций в СССР⁴

Год	РСФСР	УкрСССР	ЛитСССР	БССР	ЛатСССР	Всего в СССР
01.01.85	3 003	5 722	763	717	627	12 438
01.01.90	3 983	8 021	805	900	621	16 990

В остальных союзных республиках на 01.01.1985 г. приходилось менее чем по 500 религиозных организаций. Среди них наиболее заметный прирост произошел в Молдавии, где их численность выросла с 342 в 1985 г. до 888 в 1990 г. *Незарегистрированных общин* на 01.01.1985 г. в СССР насчитывалось 2764. В эту цифру, по всей видимости, входят те общины, которым было отказано в регистрации и о фактическом существовании которых было известно государственным органам.

Таблица 2.

Число зарегистрированных в СССР религиозных организаций некоторых крупнейших конфессий

Год	Русская Православная церковь	Евангельские христиане-баптисты	Католицизм	Ислам	Старообрядцы
01.01.85	6 806	2 294	1 068	392	337
01.01.90	10 110	2 151	1 286	773	361

«Грандиозная Чернобыльская катастрофа углубила в обществе апокалипсические и религиозные настроения, а дискредитация советского периода истории России вызвала ностальгическое отношение к дореволюционной России; обострила интерес к Православной Церкви, в которой всегда виделся островок старой России, уцелевший в коммунистической пучине. В 1987 г. официальная идеология, в том числе и в

⁴ Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). М., 1996. С. 60

атеистической своей части, ведет уже арьергардные бои при стремительном отступлении».⁵

До 1987 года число приходов РПЦ уменьшалось, за период 1981-86 гг. на 213. С сентября 1987 г. началось увеличение численности приходов Русской православной церкви (впервые после середины 50-х годов). За 5 первых месяцев 1988 г. открыто было более 60 храмов, а в оставшиеся месяцы года церкви возвратили *около 1000 храмов*; при этом их большая часть приходилась на Украину, на территории Российской Федерации в 1988 г. было зарегистрировано только 176 новых приходов.⁶

В 1987 г происходит образование республиканского Совета по делам религий при Совмине РСФСР. Ранее аналогичные республиканские органы существовали на Украине и в Армении.

Как сообщает Ю.М. Дегтярев, ввиду того, что органы власти на местах продолжали искусственно тормозить регистрацию религиозных общин, прежде всего православных и мусульманских, в январе 1987 г. Совет по делам религий при Совмине СССР принял беспрецедентное постановление, в котором предлагал республиканским и местным органам пересмотреть своё отношение к данному вопросу. В приложении к постановлению перечислялось около 200 населенных пунктов, откуда в центральные органы поступали ходатайства об открытии церквей, молитвенных зданий, которые было предложено незамедлительно рассмотреть. Особое место было уделено Украине, Белоруссии, Молдавии. Это постановление сыграло положительную роль⁷.

Существенный сдвиг в государственной вероисповедной политике произошел только в 1988 г. Вплоть до 1988 г., когда должно было отмечаться 1000-летие крещения Руси, оставалось неизвестным, в какой мере РПЦ и другим христианским религиозным организациям будет дозволено осуществить празднование. Пропагандистские структуры КПСС готовились

⁵ Цыпин В. История Русской Церкви. 1917-1997 //История Русской Церкви. Книга 9. М., 1997 — С. 456.

⁶ Там же, - С. 461, 471.

⁷ См.: Дегтярев Ю.М. История «религиозного вопроса». // Религия и право - № 2 (11), - 1999. — С. 13.

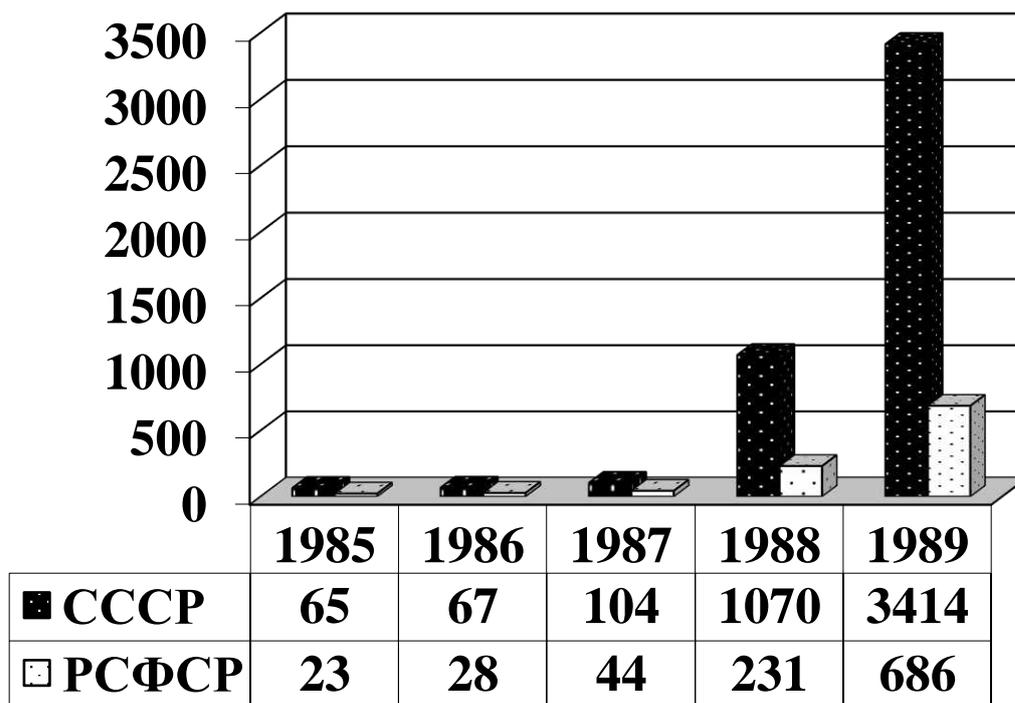
к усилению атеистической пропаганды, к «разоблачению фальсификаций истории церковниками». Встреча президента СССР М.С. Горбачева с патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода состоялась 29 апреля 1988 г. Высшим руководством страны было принято решение о проведении празднования тысячелетия Крещения Руси как крупнейшего историко-культурного события. Именно в этом году происходит существенная перемена модели государственной вероисповедной политики. Несмотря на то, что вплоть до 1990 г. не происходит перемен в законодательстве и остаются неизменными структуры Совета по делам религий, перемена идеологической позиции власти (ценностно-целевой компонент модели) находит выражение в практической деятельности органов государства (функциональный компонент). Наиболее убедительно это доказывается статистическими данными, показывающими, что с 1988 г. число ежегодно регистрируемых религиозных организаций возрастает на порядок, т.е. в 10 раз. Советское законодательство фактически предоставляло органам государственной власти по своему усмотрению решать вопрос, удовлетворять ли прошение о регистрации религиозной организации, или отказывать в нем. Если ранее доминировала «установка на отказ», то теперь курс политики изменился. Можно сделать вывод о том, что изменение двух компонентов структурной модели означало качественное изменение государственной вероисповедной политики в целом.

Диаграмма 1.

Динамика регистрации религиозных организаций в СССР и РСФСР⁸

(указано число вновь зарегистрированных организаций в данном году)

⁸ Статистические данные приведены в: Вероисповедная политика Российского государства. С. 50.

Всего за 1985-1989 год в СССР было зарегистрировано 4720 религиозных организаций, а в РСФСР – 1012.

В то же время, несмотря на радикально активизировавшийся процесс регистрации, даже к 1990 г. число религиозных объединений, которым по разным причинам отказывали в регистрации, продолжало оставаться весьма значительным.

Таблица 3.

	01.01.1985	01.01.1990
Зарегистрированных рел. организаций в РСФСР	3 003	3 983
Незарегистрированных рел. организаций в РСФСР	1 432	1 127

Констатированная нами существенная перемена ценностно-целевого и функционального компонентов модели вероисповедной политики, ввиду устойчивой взаимосвязи между всеми компонентами, неизбежно должна была повлечь в течение некоторого более или менее длительного интервала времени модификацию и других компонентов: нормативного и институционального.

Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» от 01 октября 1990 г. **внес целый ряд важных изменений в законодательство.**

Права юридического лица признавались не только за приходами, но и за всеми централизованными религиозными организациями.

Регистрация религиозных организаций государством из обязательной, разрешительной, *становилась добровольной*, для получения прав юридического лица.

Закон разрешил участие религиозных организаций *в общественной жизни*, доступ их к средствам массовой информации, *благотворительную деятельность* религиозных организаций.

Устранялось дискриминационное налогообложение религиозных организаций и служителей культа.

Закон предусматривал сохранение в новом качестве *Совета по делам религий*, как информационного и консультативного органа.

В Законе устанавливалось преимущественное право религиозных организаций на получение культовых зданий, с 1-месячным сроком рассмотрения властями их заявлений о такой передаче (ст. 17 Закона). Вплоть до настоящего времени в российском законодательстве не имеется аналогичной нормы, близкой к праву религиозной организации *на требование* (а не на просьбу) передачи культового здания.

Однако, в связи с нараставшими процессами дезинтеграции СССР, с принимаемыми союзными республиками декларациями о приоритете республиканского законодательства над союзным, данный Закон СССР практически остался без применения.

Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г. стал основным нормативно-правовым документом российской вероисповедной политики на семь лет. С нашей точки зрения, начало ее первого этапа можно датировать этим временем, введя даты окончательного распада СССР (декабрь 1991 г.) и принятия Конституции РФ (декабрь 1993 г.) внутрь этого

этапа, а его завершением следует считать принятие Федерального Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в сентябре 1997 г.

Закон был ориентирован на ликвидацию сложившихся в условиях атеистической государственной политики ограничений и запретов на деятельность религиозных организаций, на полную и всестороннюю реализацию права на свободу совести.

Закон установил содержание понятия *«религиозное объединение»* (ст. 17) – добровольное объединение совершеннолетних граждан, образованное в целях совместного осуществления права граждан на свободу вероисповеданий, в том числе для совместного исповедания и распространения веры. Последнее включало: совершение культа, распространение своих убеждений, религиозное обучение и т.д., таким образом, нельзя говорить о том, что в Законе полностью отсутствовали признаки *религиозного* характера организации.

Закон в статье 18 предоставил религиозным организациям возможность добровольного получения прав юридического лица, которое они приобретали с момента регистрации гражданского устава. Принципиально новыми при этом были *снижение числа граждан-учредителей* религиозной организации до 10 человек (вместо известной «двадцатки») и *формулировка о регистрации* не самого религиозного объединения, а его *гражданского устава*, призванная учесть верования тех, кто полагал грехом регистрировать общину у «неверных» светских властей.

Религиозные объединения получили права основывать и содержать места богослужений или религиозных собраний; граждане и религиозные объединения получили право беспрепятственно проводить богослужения, религиозные обряды и церемонии, было предусмотрено отправление религиозных обрядов на военной службе, в медицинских учреждениях, в местах заключения (ст. 22).

Религиозные объединения получили право производить и распространять религиозную литературу и предметы культа (ст. 23);

заниматься благотворительной и культурно-просветительской деятельностью, учреждать СМИ (ст. 24); поддерживать международные контакты (ст. 25), причем не только религиозные объединения, но и граждане получили право приглашать иностранных граждан для участия в религиозных мероприятиях и для получения религиозного образования.

С приобретением религиозными объединениями прав юридического лица четкую правовую основу приобрело право собственности религиозных объединений (ст. 26); право пользования имуществом других собственников (ст. 27); право вести производственно-хозяйственную деятельность (ст. 28). Было установлено, что на граждан, работающих в религиозных организациях, распространяется законодательство о труде (ст. 29) (в советское время оно распространялось только на обслуживающий персонал: уборщиц, сторожей, дворников, кочегаров и то при условии, что они не выполняют никаких иных функций собственно религиозного характера), они подлежат налогообложению наравне с рабочими и служащими, на них распространяются нормы социального обеспечения и социального страхования (ст. 31).

В ряде статей было зафиксировано стремление преодолеть прежнюю атеистическую политику властей: ст. 8 говорила об отделении от государства религиозных и атеистических объединений, о том, что общественные объединения граждан в целях изучения и распространения атеистических убеждений не получают от государства материальной и идеологической помощи, государство не поручает им выполнение каких-либо государственных функций.

Статья 8 установила также, что на территории РСФСР не могут учреждаться исполнительные и распорядительные органы государственной власти и государственные должности, специально предназначенные для решения вопросов, связанных с реализацией права граждан на свободу вероисповеданий, что предопределило ликвидацию структур Совета по делам религий.

Статья 11 установила, что контроль за соблюдением законодательства о свободе вероисповеданий осуществляется Советами народных депутатов и правоохранительными органами. «Осуществление контроля иными государственными органами, политическими партиями и должностными лицами запрещается». При этом органы юстиции занимались только регистрацией уставов религиозных объединений, но не последующим контролем за их соблюдением.

Статья 16 воспрещала проведение атеистических мероприятий в местах, используемых верующими для совершения культа.

Среди недостатков и правовых пробелов можно указать на следующие. В Законе 1990 г. остались недостаточно определенными понятия «централизованного» и «регионального» религиозных объединений, о возможности образования которых только упоминается в ст. 17.

Недостаточно и не прямо были установлены критерии для отнесения объединения к числу религиозных; отсутствовало понятие «местного» религиозного объединения и какие-либо требования к учредителям, кроме гражданства и совершеннолетия (должны ли учредители религиозного объединения проживать в одном городе, местности?). В соответствии со ст. 18 любое религиозное объединение, пользующееся правами юридического лица, могло учреждать другие религиозные объединения.

Никак не был урегулирован вопрос о деятельности иностранных религиозных организаций и граждан. Фактическое отсутствие контроля за деятельностью религиозных объединений со стороны государственных органов (Советы вскоре утратили реальную власть, а позднее, в 1993 г. были ликвидированы) в сочетании с положением ст. 21 о том, что нарушение законодательства отдельными членами религиозного объединения не влечет ответственности всего объединения в целом, сделали практически невозможной ликвидацию в судебном порядке религиозных объединений, нарушивших законодательство.

По мнению М.И. Одинцова, этот этап в вероисповедной политике «смело может характеризоваться как «ликвидационный», ибо именно в эти годы отринуты были прежние научные и правовые основы государственной политики в религиозном вопросе и ликвидирована соответствовавшая ей организационно-управленческая структура»⁹.

М.И. Одинцов полагает, что с 1993 г., с момента принятия Конституции РФ начинается новый этап вероисповедной политики. С нашей точки зрения, несмотря на важность для государственного строительства факта принятия новой Конституции, нет оснований говорить о качественном изменении вероисповедной политики в 1993 г., и, соответственно, о начале ее нового этапа.

В соответствии с вышесказанным, в рамках принятой нами периодизации, «ликвидационным» временем, временем максимального устранения государства от контроля за религиозной ситуацией в стране и от воздействия на нее можно считать начальный период 1-го этапа, примерно первые 3-4 года, с 1990 по 1993-1994 гг.

Основные факторы, влияющие на формирование государственно-конфессиональных отношений в России:

- общая обстановка в стране: экономическая, политическая ситуация, межнациональные, социальные отношения. Тяготы, переносимые большей частью населения в ходе реформ, утрата социальной стабильности, острая политическая конфронтация в обществе, активизация межнациональных конфликтов – все это оказывает существенное влияние на жизнь верующих и на религиозные объединения на характер и формы проявления их социальной активности, на их взаимоотношения с государством;
- исторический фактор: влияние исторического фона прошлого, устоявшиеся представления о роли традиционных конфессий (в

⁹ Одинцов М.И. Двадцатый век в российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе. Материалы международной конференции. — М., 2000. — С. 45.

различных странах Европы, в США, в странах Азии, как и в России, на протяжении истории существовали разные типы государственно-конфессиональных отношений). В общественном сознании сложились устойчивые представления о традиционных для данной страны отношениях государства с религиозными объединениями. Так, скажем, в стране, где на протяжении многих веков католицизм или ислам был государственной религией, преобладающие взгляды на то, что считать нормой в государственно-конфессиональных отношениях будут, скорее всего иными, нежели в такой стране как США, где никогда не было государственной церкви, или во Франции, где светскость государства уже стала национальной традицией. *«В США провозгласить себя атеистом трудно. Отсутствие обращения к какому-либо Богу со всей очевидностью разрешено, и право на это охраняется Первой поправкой к американской конституции, а также эффективно гарантируется судьями Верховного Суда - хранителями основного закона страны. Но жизнь без Бога представляется, тем не менее, проблематичной в социальном и культурном отношении. Причины такого положения гораздо более давние и глубокие, чем борьба, в конце концов, относительно новая, против коммунизма. США были основаны членами религиозных общин, нередко бежавшими из атмосферы преследования, устанавливаемой доминирующей религией. Именно по этой причине американцы так единодушно в своем отказе против установленной религии (established religion), поощряемой, то есть навязываемой государством, и в своей поддержке свободы совести и вероисповедания. Это отделение церкви от государства абсолютно не воспринимается как антирелигиозное: напротив, оно должно гарантировать свободное исповедание всех религий, которые американцы называют деноминациями (свободно избранный способ называть, то есть понимать Бога)».*¹⁰ Конечно, традиции прошлого не детерминируют однозначным образом направления развития государственно-конфессиональных отношений в будущем, но игнорировать их влияние, в том числе и в условиях России, где православие сыграло определяющую роль в формировании русской государственности и культуры, невозможно.

¹⁰ Хааршер Ги. Терроризм, секуляризация и религиозная свобода: размышления об аль-каидистском дискурсе // Религия, политика и права человека. Материалы конференции. – М., 2002. – С. 99.

Кроме того, в российском обществе присутствует, хотя и не всеми гражданами однозначно поддерживается, сознание необходимости исправления последствий антирелигиозной политики советского времени;

- необходимость учета международных норм, защищающих права и свободы человека, соблюдения обязательств, принятых в международных договорах РФ. Помимо конституционных норм, гарантирующих права и свободы граждан, последние обеспечены международными обязательствами России. Государственная вероисповедная политика должна учитывать как необходимость строгого соблюдения буквы этих обязательств, так и внешнеполитические последствия, связанные с ограничениями прав человека. В некоторых случаях попытки России усовершенствовать законодательство о свободе совести и о религиозных объединениях (как, например, при принятии нового закона в 1997 г.) сталкивались с прямым политическим давлением со стороны США и других стран;
- слабость законодательной базы в РФ, низкий уровень правовой культуры. Пробелы в праве, неясность и несовершенство формулировок отдельных правовых норм, присутствующие и в законе «О свободе вероисповеданий» и в ныне действующем законе, порождают конфликты, связанные с разногласиями в толковании и применении этих норм, создают возможности для злоупотреблений. Кроме того, при низком уровне правовой культуры, выражающемся не только в незнании законодательства, но и в нежелании отдельных государственных служащих и представителей религиозных объединений соблюдать как букву, так и дух закона, неэффективно даже совершенное законодательство;
- отсутствие целостной концепции государственной политики, национальной идеи, т.е. идеологической основы государственно-конфессиональных отношений, понимания роли религиозных организаций: в реально проводимой на разных уровнях государственной

политике имеют место шатания между попытками создания светского государства и тенденцией возложить на религиозные организации, в первую очередь на РПЦ, функции, ранее выполнявшиеся КПСС. По словам А.Е. Себенцова: «уход в прошлое коммунистической идеологии создал некоторый вакуум в понимании смысла жизни, который потребовал заполнения и в душах людей, и в деятельности общественных и государственных институтов. Так оказалась востребованной религия, место партийного секретаря на торжественных мероприятиях порой занимает священнослужитель, вместо ленинской комнаты воинская часть заводит храм»;

- поликонфессиональность Российской Федерации;
- взаимосвязь этнических и конфессиональных отношений.

Проблема конфессиональных новообразований и иностранного миссионерства

Эта проблема оказалась особенно острой в начале 1-го этапа формирования государственно-конфессиональных отношений в новой России, когда, как уже отмечалось, были сняты практически все законодательные ограничения на деятельность иностранных миссионеров и новых религиозных организаций.

Количество учтенных иностранных миссий в субъектах РФ¹¹:

1992	1993	1994
37	182	250

В ряде территорий: Хабаровский и Приморский край, Сахалинская и Амурская обл. и др. количество упомянутых организаций достигало 50-60% от числа всех зарегистрированных в этом регионе религиозных организаций.

Причины бурного роста иностранных миссий и новых религиозных движений в 1990-е гг.:

¹¹ Одинцов М.И. Двадцатый век в российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе. Материалы международной конференции. М., 2000. С. 46.

- духовная неготовность общества к критической оценке получаемой информации. Это наследие как царского, так и советского периодов истории России, когда открыто пропагандироваться могло только официальное учение. Значительная часть общества привыкла безоговорочно доверять средствам массовой информации, не имела никакого опыта ориентирования в плюралистическом обществе, в котором ведут борьбу за умы и души людей миссионеры разных верований. Характерно, что объектом экспансии являются не убежденные верующие, а люди без твердых идеалов, находящиеся в состоянии духовных исканий или мировоззренческой неопределенности;
- общемировые процессы экспансии новых религиозных движений, которые происходят на всех континентах, неизбежно должны были проявиться и в России;
- обязательства, налагаемые международным правом: обеспечение свободы слова, собраний, совести, объединения, приносят определенные «издержки»: наряду с привычными, адаптировавшимися в социуме учениями свободно распространяются и потенциально конфликтные взгляды и верования;
- разрушение традиционных духовных и моральных устоев, в том числе и путем сознательной пропаганды аморальности в СМИ, сопряженное с идейным кризисом, переживаемым Россией, с торжеством несправедливости в обществе, картиной ненаказуемости злых дел. Состояние социальной неустроенности побуждает людей искать утешения в обращении к религии, причем проповедники НРД проявляют значительно большую активность в привлечении новой паствы, чем представители традиционных конфессий.

Скандалные ситуации, связанные с деятельностью таких новых религиозных движений как «Белое Братство», «Аум Синрике» и другие, быстрый количественный рост иностранных миссий и их активность стимулировали появление законопроектов, содержащих ограничительные меры.

Законопроект, принятый Верховным Советом РСФСР 14 июля 1993 г., предусматривал внесение изменений и дополнений в действующий Закон «О свободе вероисповеданий». Предлагалось ввести специальную статью 14, согласно которой «представители зарубежных религиозных организаций, отдельные религиозные деятели, не имеющие гражданства РФ, а также руководители и служители российских религиозных организаций, назначаемые (утверждаемые) на должность зарубежными религиозными организациями, вправе осуществлять свою деятельность после государственной аккредитации. Правом на занятие религиозно-миссионерской, издательской и религиозно-пропагандистской деятельностью зарубежные религиозные организации, их представительства и представители, а также лица, не имеющие гражданства РФ, не пользуются».

Президент Б.Н. Ельцин дважды отказывался подписывать закон, как нарушающий принцип равенства религиозных объединений и права лиц, не являющихся гражданами РФ. Вопрос о внесении ограничительных поправок в законодательство был тогда окончательно похоронен при разгоне Верховного Совета РСФСР осенью 1993 г.

В государственном строительстве Российской Федерации произошли два значимых события, которые по времени лежат внутри 1-го этапа становления государственно-конфессиональных отношений в стране, но, применительно к этим отношениям, не внесли принципиальных изменений в их характер и содержание. Первое из них – это распад СССР в декабре 1990 г., когда Россия окончательно становится самостоятельным государством. Второе – принятие Конституции РФ в декабре 1993 г.

В обоих случаях у власти в стране осталась одна и та же политическая группировка, продолжившая проводить прежнюю внутреннюю и внешнюю политику. В, частности, никаких принципиальных изменений не произошло и в вероисповедной политике, ориентированной тогда на максимальную либерализацию. Конституция 1993 г., положения которой, связанные со свободой совести, будут рассматриваться нами в одном из следующих

разделов, впервые провозгласила Российскую Федерацию светским государством. Однако, поскольку де-факто принцип светскости государства и ранее определял содержание государственно-конфессиональных отношений, никаких изменений в политике эта конституционная новелла не повлекла.

Следует отметить, что Конституция 1993 г. принималась в обстановке, когда политическое противостояние в стране завершилось насильственным разгоном и расстрелом высшего органа законодательной власти – Верховного Совета. В этих условиях весьма значительная часть общества не принимала участия в выработке текста Конституции, а во всенародном голосовании при ее принятии приняло участие чуть более 50% имеющих право голоса, из которых «за» также проголосовало несколько более 50%. Таким образом, реально более половины граждан России не поддержало Конституцию, поэтому считать ее документом, отражающим волю российского народа, можно лишь с оговорками.

Важным аспектом формирования новых государственно-конфессиональных отношений уже на 1-м этапе становится образование как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации, государственных структур по связям с религиозными организациями. Как было отмечено выше, после принятия Закона «О свободе вероисповеданий», содержавшего в ст. 8 запрет на учреждение исполнительных и распорядительных органов государственной власти и государственных должностей, специально предназначенных для решения вопросов, связанных с реализацией права граждан на свободу вероисповеданий, структуры Совета по делам религий были ликвидированы. Однако, реальная практическая потребность обеспечивать на профессиональном уровне контакты органов власти с религиозными объединениями привела к тому, что уже в первой половине 90-х гг. XX в. соответствующие должности или органы были созданы во многих субъектах федерации.

На федеральном уровне *Комиссия по вопросам религиозных*

объединений при Правительстве РФ была образована летом 1994 г. в целях рассмотрения вопросов, возникающих в сфере государственно-конфессиональных отношений, в частности, вопросов передачи имущества религиозным организациям. Ее создание было связано с активизацией процесса передачи религиозным объединениям имущества культового назначения в соответствии с Распоряжением Президента РФ от 23.04.93 г. № 281-рп. Эта передача начала практиковаться все более интенсивно со времени празднования тысячелетия Крещения Руси. Она мотивировалась необходимостью восстановить справедливость в отношении религиозных организаций, которым был нанесен неисчислимый ущерб в годы атеистических преследований. Однако, по своей природе она до настоящего времени носит нереституционный характер, т.е. не предусматривает обязательного возвращения конкретного объекта прежнему собственнику или его правопреемнику. (Заметим, что проблема правопреемства применительно к религиозным организациям, ликвидированным в качестве юридических лиц на основании декрета в 1918 г., достаточно сложна). Компетентные органы государственной власти вправе по своему усмотрению удовлетворить или отклонить соответствующее прошение религиозной организации, но последняя не может истребовать через суд имущество религиозного назначения в собственность или пользование, так как передача является правом, но не обязанностью органов власти. Ряд серьезных проблем возникает в тех случаях, когда культовое здание используется вселенным в него в советское время иным пользователем, в частности, учреждениями культуры, для которых необходимо изыскать альтернативное место размещения.

В период до осени 1998 г. в пользование религиозным организациям было передано более 4.000 недвижимых объектов из них 1900 памятников истории и культуры федерального и местного значения. Из них Русской Православной Церкви передано около 3.500 объектов. Такая значительная доля в общем количестве объясняется тем, что православных культовых

зданий существовало в досоветский период и сохранилось значительно больше, чем культовых зданий других конфессий.

За период с 1988 по 1998 гг. передано св. 15.000 музейных предметов, в частности мощи, иконы. К 1998 г. передача имущества, проходившая в абсолютном большинстве случаев *в пользование*, но не в собственность религиозных организаций, сократилась по объективным причинам, т.к. значительная часть того, что можно было передать без особых затруднений, оказалась передана.

Закон 1996 г. «О Музейном фонде и музеях в Российской Федерации» и Постановление Правительства РФ 1998 г., утвердившее «Положение о Музейном фонде», установили принцип неделимости музейных фондов, ставший правовым препятствием для отчуждения музейных культовых объектов в собственность религиозных организаций.

Другая структура, обеспечивающая взаимодействие главы государства с представителями религиозных организаций - *Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ* был создан в 1995 г. (Положение о Совете утверждено распоряжением Президента РФ от 02.08.95 № 357-рп). В некоторых федеральных министерствах и ведомствах также создаются подразделения или должности для взаимодействия с религиозными организациями.

В середине 90-хх гг. проблема деятельности новых религиозных движений и иностранных миссионеров вновь становится предметом активных дискуссий. Было принято обращение Государственной Думы РФ к Президенту РФ «Об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России» в декабре 1996 г. С ноября 1994 г. по лето 1997 г. более трех десятков субъектов РФ приняли собственные законы о религиозных организациях, призванные восполнить пробелы в федеральном законодательстве, дополнительно упорядочить и ограничить активность НРД.

Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных

объединениях» был в первом варианте принят Государственной Думой 23 июня, одобрен Советом Федерации 04 июля, но отклонен Президентом РФ 22 июля 1997 г. После согласительных процедур новый вариант Закона был принят Государственной Думой 19 сентября, одобрен Советом Федерации 24 сентября, подписан Президентом РФ 26 сентября 1997 г.

Принятие данного Закона ознаменовало начало **2-го этапа** формирования государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации. Рассмотрение перемен, произошедших в структурных компонентах государственной вероисповедной политики, позволяет говорить, что ее характер существенно изменился.

Применительно к *ценностно-целевому компоненту* структурной модели следует отметить, что хотя концептуальные положения вероисповедной политики остались официально не сформулированными, а концепция ГКО не выработанной, фактически произошли определенные перемены. Значительная часть общества и многие лица, стоящие у власти стали признавать нежелательность полного устранения государства от процессов, происходящих в религиозной жизни страны, необходимость государственного контроля и регулирования развития религиозной ситуации.

В качестве отражения этих перемен в доминирующих идейно-мировоззренческих представлениях была усовершенствована нормативно-правовая база (*нормативный компонент* модели), принят ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», а следом за ним ряд соответствующих подзаконных нормативных актов.

Произошли перемены и в организационно-управленческих структурах (*институциональный компонент*). Надзор за исполнением законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях в соответствии с новым Законом возложен на органы прокуратуры; а контроль за соблюдением устава религиозной организацией относительно целей и порядка ее деятельности - на орган юстиции, зарегистрировавший ее (позднее – орган, принявший решение о регистрации религиозной организации). Таким

образом, была устранена бесконтрольность религиозных организаций, фактически созданная нормами закона «О свободе вероисповеданий». Продолжился процесс воссоздания органов по связям с религиозными объединениями в субъектах федерации. (Однако, осталась неразрешенной до настоящего времени проблема создания федерального органа исполнительной власти по вопросам религиозных организаций, без которого остается затруднительным проведение единой государственной вероисповедной политики).

Среди важных тенденций в жизни страны в начале XXI века, сказавшихся, в частности, на государственно-конфессиональных отношениях, можно выделить нижеследующие.

Укрепление «вертикали власти», начавшееся с приходом к власти Президента РФ В.В. Путина, выразилось и в том, что законодательство субъектов федерации по вопросам свободы совести и деятельности религиозных объединений было в основном приведено в соответствие с федеральным законодательством. Были устранены ситуации, когда субъект федерации своими законодательными актами вторгался в вопросы регулирования свободы, относящиеся по Конституции к ведению Российской Федерации. Создание института полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах стало еще одним шагом на пути к унификации проводимой центром и регионами вероисповедной политики.

В этот же период ряд централизованных религиозных организаций: Русская Православная Церковь, Совет муфтиев России, Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений в России, несколько протестантских организаций приняли социальные концепции, документы, излагающие позиции данных организаций по важнейшим проблемам жизни общества и государственно-конфессиональных отношений.

Характерной чертой современного этапа можно считать регулярное появление выдвигаемых различными политическими деятелями законодательных инициатив, в которых предлагается так или иначе выделить

традиционные для России конфессии и придать соответствующим религиозным организациям расширенную правосубъектность.

Все более важное значение, в связи с происходящими в мире событиями и с непрекращающимся вооруженным конфликтом на Северном Кавказе имеет борьба с экстремизмом на религиозной почве. Следует отметить, что руководители крупнейших действующих в России религиозных организаций принимают активное участие в миротворческих процессах, в организации отпора терроризму, использующему религиозные лозунги.

Основные тенденции, проблемы и перспективы развития государственно-конфессиональных отношений:

- сохранение существенной роли религиозных организаций в жизни страны;
- стабилизация численности религиозных организаций и верующих. Бурный рост, при котором она удваивалась за несколько лет, остался в прошлом, в 1990-х гг.;
- развитие законодательной базы и правоприменительной практики;
- расширение спектра деятельности религиозных организаций: социальная работа, благотворительность, культурно-просветительная, образовательная деятельность. Развитие сотрудничества между органами государственной власти и религиозными организациями в решении социально значимых задач;
- сохранение отдельных очагов этноконфессиональной напряженности, проявлений религиозного экстремизма;
- продолжение процесса секуляризации общества как отражение мирового процесса может конкурировать с ростом религиозности отдельных социальных или этнических групп, мотивированным потребностью самоидентификации;

- проблема глобализации и внедрения новых технологий, их влияние на эсхатологические ожидания верующих. Конфликты, связанные с новыми формами контроля над личностью, противоречия между нормами светского законодательства и религиозными убеждениями некоторых граждан будут возникать вновь и вновь.

Представленная ниже таблица содержит сведения о численности ряда зарегистрированных в Российской Федерации религиозных организаций (по данным Министерства юстиции РФ и Федеральной регистрационной службы).

Таблица 4.

Наименование конфессии	01.01.96	01.01.2000	01.05.04	01.01.10
Русская православная церковь	7195	9236	11525	12 941
Старообрядцы (всех согласий)	164	211	284	281
Римско-католическая церковь	183	236	248	229
Ислам	2494	3098	3537	4127
Буддизм	124	176	192	208
Иудаизм	80	130	267	291
Евангельские христиане-баптисты	677	807	979	873
Христиане веры евангельской – пятидесятники	351	678	1467	1347
Адвентисты седьмого дня	222	368	646	608
Свидетели Иеговы	129	305	385	407
Сознание Кришны (вайшнав)	112	125	80	73
ВСЕГО¹²	13 073	17 427	21 664	23 494

¹² Итоговая цифра включает не только суммарную численность религиозных организаций, отраженных в таблице, но также число религиозных организаций всех остальных конфессий, зарегистрированных в России.

Глава 4. Государственная политика в отношении религиозных объединений: механизм формирования и реализации

Отношения государства с религиозными объединениями характеризуются участием в них множества субъектов, обладающих возможностью самостоятельно и независимо определять свою социальную позицию. Например, одни религиозные объединения в соответствии со своими вероучительными установками стремятся проявлять социальную активность, сотрудничать с государством и обществом, другие, напротив, пытаются максимально обособиться от мира, от всех, кто не разделяет их религиозных убеждений. Свобода, которой обладают в рамках закона субъекты государственно-конфессиональных отношений, предопределяет то, что государство не может управлять этими отношениями в одностороннем порядке. Государство как субъект отношений с религиозными объединениями обладает возможностью реализовывать свою вероисповедную политику, оказывая тем самым существенное влияние на эти отношения в целом.

Формирование государственной вероисповедной политики включает в себя основополагающие стратегические действия, рассчитанные на дальнюю перспективу. Это:

выработка на основе изучения духовных запросов и ценностей общества теоретических, концептуальных положений о месте религии и религиозных объединений в жизни общества, о характере и размерах сотрудничества государства с религиозными объединениями;

создание и совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей данную сферу правоотношений;

создание соответствующих структур органов власти, осуществляющих практическую реализацию вероисповедной политики государства.

Реализация государственной вероисповедной политики — совокупность действий государства по достижению поставленных целей и задач политики с помощью установленных принципов и методов.

Законодательство России предусматривает деятельность государства в сфере отношений с религиозными объединениями в двух направлениях, связанных с *исполнением обязанностей* и с *осуществлением прав*.

Во-первых, это исполнение государством и его органами власти и управления *обязательных* требований законодательства и контроль за исполнением этих требований религиозными объединениями, включая предотвращение и пресечение противоправных действий.

Во-вторых, это осуществление государством и его органами *разрешенных (предусмотренных)* законодательством видов взаимодействия с религиозными объединениями и оказания им помощи.

Высшие органы государственной власти формируют государственную вероисповедную политику и организуют её проведение, обеспечивают совершенствование нормативно-правовой базы.

Президент РФ является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина (ст. 80, п. 2 Конституции РФ). Президент РФ:

- в соответствии с пунктом 3 статьи 80 Конституции РФ определяет основные направления внутренней политики. Составной частью внутренней политики является государственная вероисповедная политика, прерогатива определения основных направлений которой принадлежит Президенту РФ;

- вносит в Государственную Думу законопроекты по вопросам свободы совести и религиозных объединений, согласно ст. 84, пункт г) Конституции РФ,

- подписывает и обнародует соответствующие федеральные

законы (статья 84, пункт д) Конституции РФ). Президент вправе, в соответствии со ст. 107, п. 3 Конституции отклонить принятый Государственной Думой и одобренный Советом Федерации федеральный закон. Данный конституционный механизм позволяет Президенту реализовать свои полномочия гаранта прав и свобод человека и гражданина в случае, если принятый федеральный закон ущемляет эти права и свободы;

- приостанавливает действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в случае противоречия этих актов Конституции Российской Федерации и федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом. Данная норма установлена статьей 85, п. 2 Конституции РФ;

- подписывает международные договоры РФ (статья 86 пункт б) Конституции РФ). Подписанные Президентом международные договоры, содержащие обязательства в области свободы совести, становятся частью правовой системы РФ, согласно статье 15 п. 4 Конституции РФ;

- издает указы и распоряжения (ст. 90, п. 1 Конституции РФ). Указы и распоряжения, затрагивающие вопросы государственно-конфессиональных отношений, свободы совести и вероисповедания, являются составной частью законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, в соответствии с пунктом 1 ст. 2 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», относясь к разряду упоминаемых в данной статье «иных нормативных правовых актов РФ»;

- обращается к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства (ст. 84, пункт е) Конституции). Для обеспечения формирования государственной вероисповедной политики целесообразно, чтобы в ежегодных посланиях Федеральному Собранию Президент определял и уточнял её принципиальные положения.

Федеральное Собрание Российской Федерации является *представительным и законодательным органом Российской Федерации (ст. 94 Конституции РФ)*. В качестве законодательного органа Федеральное Собрание формирует и совершенствует законодательную базу в области регулирования и защиты свободы совести, свободы вероисповедания и о религиозных объединениях; в области предоставления налоговых и иных льгот религиозным организациям. Совет Федерации, а также члены каждой из палат Федерального Собрания обладают правом законодательной инициативы (статья 104 Конституции РФ, п. 1). Законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты и другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства Российской Федерации (статья 104, п. 3 Конституции РФ). Принятые Государственной Думой федеральные законы по вопросам федеральных налогов и сборов подлежат обязательному рассмотрению в Совете Федерации (ст. 106 Конституции РФ).

В качестве *представительного органа* Федеральное Собрание выражает волю и интересы общества, которые должны учитываться в государственной политике. В Совете Федерации образована *Объединенная комиссия по национальной политике и взаимоотношениям государства и религиозных объединений*. В Государственной Думе функционирует профильный парламентский *Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций*. При Комитете функционирует Экспертный совет, в который входят авторитетные специалисты в области государственно-конфессиональных отношений.

Правительство Российской Федерации - в пределах своих полномочий руководит работой федеральных министерств и иных федеральных органов исполнительной власти и контролирует их деятельность.

В соответствии со ст. 13 Федерального Конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации», оно организует реализацию внутренней и внешней политики Российской Федерации. Таким образом, на Правительстве лежит, в том числе, обязанность обеспечивать проведение в России единой государственной вероисповедной политики. Правительство взаимодействует с представителями религиозных организаций (ст. 16 ФКЗ «О Правительстве РФ»). Осуществляя, согласно ст. 14 названного закона управление федеральной собственностью, Правительство РФ принимает решения о передаче религиозным организациям относящегося к федеральной собственности имущества.

Нормативные правовые акты — Постановления и распоряжения Правительства (ст. 115 Конституции, ст. 23 названного закона) являются составной частью законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, в соответствии с пунктом 1 ст. 2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Таким Постановлением, в частности, регламентирован порядок передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности.

В 2000-е годы существенно возрастает роль *полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах*. Являясь в некотором смысле промежуточным звеном между субъектами федерации и федеральным центром, полпреды, в частности, все активнее подключаются к проведению государственной вероисповедной политики, осуществляют тесные контакты с руководителями религиозных организаций.

Органы, обеспечивающие соблюдение законности

Надзор за исполнением законодательства Российской Федерации о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях осуществляют *органы прокуратуры Российской Федерации* (статья 25, п. 1 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»).

Надзор прокуратуры распространяется как на религиозные объединения, так и на государственные органы и иные лица. Надзор должен осуществляться в равной мере и за соблюдением законности религиозными объединениями, и за защитой прав и свобод верующих и их объединений от неправомερных действий органов власти. Для эффективного выполнения надзорных функций необходимо обеспечение профессиональной специализации прокурорских работников, занимающихся данной областью правоотношений.

В случаях совершения правонарушений, субъектом или жертвой которых являются религиозные объединения или участниками, правоохранительные органы предпринимают необходимые действия в соответствии с общими правилами.

Министерство юстиции Российской Федерации и его органы в субъектах Российской Федерации:

- принимают решение о государственной регистрации религиозных организаций, в ходе которой производится проверка соответствия представленных учредителями организации документов требованиям законодательства (статья 11 Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»);

- осуществляют контроль за соблюдением зарегистрированной на основании принятого ими решения религиозной организацией устава относительно целей и порядка ее деятельности (статья 25, п. 2 Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»).

Судебная власть осуществляет правосудие (см. ст. 118 Конституции РФ), рассматривает дела, связанные с нарушениями законодательства о свободе совести и свободе вероисповедания как органами государственной власти, так и религиозными объединениями.

В порядке административного или уголовного судопроизводства рассматриваются нарушения права на свободу совести и вероисповедания, возбуждение религиозной вражды, оскорбление религиозных убеждений

граждан.

Гражданский Кодекс РФ установил судебную защиту гражданских прав (ст. 11) и включил в число способов защиты гражданских прав признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления (ст. 12). Согласно ст. 13 ГК РФ, «Ненормативный акт государственного органа или органа местного самоуправления, а в случаях, предусмотренных законом, также нормативный акт, не соответствующие закону или иным правовым актам и нарушающие гражданские права и охраняемые законом интересы гражданина или юридического лица, могут быть признаны судом недействительными».

Законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» установлена возможность обжалования в суде отказа в государственной регистрации религиозной организации (ст. 12, п. 2). Ликвидация религиозных организаций и запрет деятельности религиозных групп могут быть осуществлены исключительно в судебном порядке (ст. 14 Закона).

Существенную роль в последние годы играет **Конституционный суд РФ**, ряд актов которого имел важное значение для истолкования и применения отдельных положений законодательства о свободе совести.

Эффективная работа судебной системы должна обеспечивать соблюдение законности в работе механизма реализации государственной вероисповедной политики.

Органы власти, сотрудничающие с религиозными объединениями и оказывающие им помощь.

Различные формы сотрудничества с религиозными объединениями и оказания им помощи осуществляются на практике органами власти разных уровней: главой государства и высшими органами законодательной и исполнительной власти, отдельными федеральными министерствами и ведомствами, органами власти субъектов федерации и муниципальных образований. Для этой цели во многих властных структурах были образованы *специальные подразделения*. В настоящее время они действуют

автономно друг от друга и не наделены исполнительно-распорядительными полномочиями.

Данные институты в общем и целом выполняют две главные задачи:

- обеспечивают диалог органа власти, при котором они образованы, с религиозными объединениями;
- консультируют деятельность данного органа власти в пределах его компетенции и возможностей в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ по своему статусу является консультативным органом, осуществляющим рассмотрение вопросов и подготовку для президента предложений, касающихся его взаимодействия с религиозными объединениями и повышения духовной культуры общества.

Совет был образован в соответствии с распоряжением президента РФ от 2 августа 1995 г. Ныне действующая редакция Положения о Совете утверждена распоряжением президента от 17 марта 2001 г. № 133-рп. Согласно Положению, основные функции Совета — обеспечение взаимодействия Президента с религиозными объединениями и содействие укреплению общественного согласия, достижению взаимопонимания, терпимости и взаимного уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания. Первоначально предполагалось, что Совет также будет заниматься разработкой современной концепции государственно-конфессиональных отношений, но из новой редакции Положения о Совете эта функция была исключена.

Конкретные задачи, решаемые Советом, имеют в основном информационно-аналитический характер. Одной из важных задач является обсуждение проектов федеральных законов, указов Президента и иных нормативных правовых актов, затрагивающих взаимоотношения государства и религиозных объединений. Следует констатировать, что в этой области Совет и соответствующая Комиссия при правительстве РФ отчасти

дублируют работу друг друга.

В число членов Совета входят представители ряда религиозных организаций. Принцип формирования состава Совета в Положении не установлен, указано лишь, что он утверждается Президентом Российской Федерации. В связи с этим трудно четко определить порядок и нормы представительства в нем религиозных и иных организаций. Согласно действующему Положению, решения Совета принимаются не менее чем двумя третями присутствующих на заседании членов. Поэтому вопрос о том, все ли конфессии представлены в Совете и какое они имеют число голосов (равное, пропорциональное их численности в России или иное) является далеко не праздным.

В соответствии с конституционным принципом отделения государства от религиозных объединений, Совет, действительными членами которого являются представители религиозных организаций, не может обладать исполнительно-распорядительными функциями как по отношению к государственным органам, так и по отношению к религиозным объединениям. Полномочия Совета в основном сводятся к получению информации от государственных органов, от общественных и религиозных организаций.

Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ образована в целях рассмотрения вопросов, возникающих в сфере государственно-конфессиональных отношений, в частности, вопросов передачи имущества религиозным организациям. Комиссия создана на основании постановления Правительства РФ от 06 мая 1994 г. № 466. Ныне действующее положение о Комиссии было утверждено Постановлением Правительства РФ от 15 июля 2006 г. № 438.

Комиссия образована в рамках рассмотрения вопросов, возникающих в сфере взаимоотношений государства и религиозных объединений, включая вопросы передачи религиозным объединениям культовых зданий и иного имущества, и находящихся в компетенции Правительства Российской Федерации.

Федерации.

Согласно Положению, основными задачами Комиссии являются: подготовка предложений по урегулированию вопросов, связанных с деятельностью религиозных объединений и требующих решения Правительства Российской Федерации; информационно-аналитическое обеспечение деятельности Правительства Российской Федерации по вопросам, затрагивающим сферу взаимоотношений государства и религиозных объединений; координация деятельности органов исполнительной власти в сфере взаимоотношений с религиозными объединениями.

Комиссия в соответствии с возложенными на нее задачами:

а) вырабатывает для Правительства Российской Федерации рекомендации по вопросам, затрагивающим сферу взаимоотношений государства и религиозных объединений, готовит проекты решений Правительства Российской Федерации по вопросам, относящимся к компетенции Комиссии;

б) дает заключения по представляемым в Правительство Российской Федерации проектам решений по вопросам, затрагивающим сферу взаимоотношений государства и религиозных объединений;

в) осуществляет взаимодействие с государственными и общественными организациями, научными учреждениями и религиозными объединениями, в том числе зарубежными;

г) формирует предложения об оказании содействия и государственной финансовой и иной поддержки реализации религиозными организациями общественно значимых культурно-просветительских и социальных программ;

д) организует анализ законодательства Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и законодательства иностранных государств в части, касающейся прав граждан на свободу совести, свободу

вероисповедания, а также условий деятельности религиозных объединений и отношений между государством и религиозными объединениями;

е) выполняет иные координационные и методические функции в отношении деятельности органов исполнительной власти в сфере, относящейся к компетенции Комиссии.

Комиссия имеет право: запрашивать у государственных, общественных и религиозных организаций необходимую информацию по вопросам, выносимым на рассмотрение Комиссии; заслушивать руководителей федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по вопросам их деятельности в части обеспечения прав граждан на свободу совести, свободу вероисповедания, реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации прав и законных интересов религиозных объединений, противодействия использованию религиозного фактора в экстремистских целях.

Комиссия не обладает контрольными или распорядительными функциями по отношению к религиозным организациям. Представители религиозных организаций приглашаются на заседания Комиссии, но не являются её членами.

За годы деятельности Комиссии на её заседаниях регулярно заслушивались сообщения представителей органов власти субъектов федерации, осуществляющих связи с религиозными объединениями, сообщения представителей федеральных органов исполнительной власти, в частности, о подготовке законопроектов и о ходе реализации принятых законов и иных правовых актов, затрагивающих сферу государственно-конфессиональных отношений.

Таким образом, Комиссия, созданная в ходе реализации принятых в 1993-1994 гг. государственных решений о передаче религиозным объединениям имущества (предполагалось, что эта работа будет для неё основной), фактически выполняет часть функций несуществующего

федерального органа по делам религиозных объединений. Она в какой-то мере осуществляет взаимодействие федеральных и местных органов власти и координацию их деятельности. Однако, Комиссия не располагает тем объемом административных полномочий, которыми обычно наделен федеральный орган исполнительной власти.

В ряде федеральных министерств и ведомств созданы самостоятельные подразделения или должности для осуществления связей с религиозными объединениями. Их полномочия и характер работы определяются внутренними актами министерств, какая-либо унификация отсутствует. Данные структуры не подчинены Комиссии при Правительстве РФ, решения которой носят для них лишь рекомендательный и информационный характер. Сложившаяся ситуация затрудняет проведение единой вероисповедной политики даже на уровне федеральных органов исполнительной власти.

Федеральные органы по связям с религиозными объединениями не имеют региональных структур. *В субъектах федерации подразделения и должности по связям с религиозными объединениями создаются в структуре администрации региона.* Поскольку система органов государственной власти субъектов Российской Федерации устанавливается ими самостоятельно (ст. 77 Конституции РФ), эти подразделения и должности независимы от федеральных органов власти, отличаются многообразием организационно-правовых форм. Так, в Татарстане и Башкортостане это Совет по делам религий при Кабинете Министров, в Москве – Комитет по связям с религиозными организациями, в Волгоградской области – отдел по связям и содействию религиозным организациям аппарата главы администрации области, в Ярославской области эти функции возложены на советника губернатора по работе с религиозными объединениями. Отсутствует механизм и источники организационно-материального обеспечения «горизонтального» взаимодействия между региональными органами по связям с религиозными

объединениями.

Реализация вероисповедной политики государства, выстраивание его отношений с религиозными объединениями в пределах свободы, предоставленной законодательством, требует функционирования специальных государственных структур, координации деятельности и единой подчиненности органов, осуществляющих взаимосвязь с религиозными объединениями.

Независимо от сущности государственной вероисповедной политики, направлена ли она на поддержку одной церкви, на «изживание религиозных предрассудков», или же, в новых исторических условиях — на реализацию принципа светского государства, следует констатировать, что сама *возможность* проведения *любой* вероисповедной политики обусловлена наличием соответствующего государственного органа. Проведение любой политики всегда нуждалось в наличии единого информационного поля и базы данных, профессионально подготовленных специалистов, в координации действий государственных структур центра и регионов.

В целях обеспечения координации и управления отношениями государства с религиозными объединениями, реализации единой государственной вероисповедной с нашей точки зрения было бы целесообразно создать ***федеральный государственный орган по делам религиозных объединений***. Его территориальные структуры смогут более последовательно координировать свою деятельность с федеральной вероисповедной политикой.

Эффективно функционирующий механизм реализации государственной политики в сфере свободы совести и вероисповедания обеспечивает успешное достижение поставленных цели и задач политики; гарантирует защищенность основных прав и свобод, содействует укреплению взаимопонимания и сотрудничества приверженцев разных религий и людей неверующих, стабильности в обществе.

Глава 5. Принципы взаимоотношений государства и религиозных объединений

Конституционный принцип светского характера государства реализуется через четкое разделение сфер компетенции и функций государства и религиозных объединений, что является предпосылкой их сотрудничества на взаимно приемлемых условиях. Данный принцип не означает вытеснения религии из всех областей жизни общества, отстранения религиозных объединений от участия в решении общественно значимых задач.

Государство, следуя принципу равенства религиозных объединений перед законом, создает для них общее правовое поле, в рамках которого они имеют одинаковые возможности и ограничения своей деятельности, для них обеспечивается *равенство необходимых для осуществления ими своей деятельности прав*. В то же время допускается различная степень сотрудничества государства с разными конфессиями. Это обусловлено историческими причинами, социальной позицией той или иной конфессии, количеством последователей и т.д. Реально складывающаяся система взаимоотношений между государством и религиозными объединениями в Российской Федерации постепенно приобретает характер *сотрудничества (партнерства)* на основе четкого разделения их функций. Эта система взаимоотношений позволяет религиозным объединениям принимать участие в различных сферах жизни общества, где их интересы и интересы государства пересекаются. Подобное сотрудничество предполагает совместную деятельность в таких областях, как миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях, дела милосердия и благотворительности, совместная реализация социальных программ, охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, деятельность по сохранению окружающей природной среды, совместная поддержка института семьи, материнства и детства, обеспечение свободы

совести и удовлетворение религиозных потребностей военнослужащих, лиц, находящихся в местах лишения свободы, в медицинских учреждениях и т.д.

Государственно-конфессиональные отношения складываются (в общем виде и во всех частных областях) как результат *социального компромисса* между субъектами этих отношений, частями общества, обладающими различными, подчас альтернативными религиозно-мировоззренческими убеждениями и соответствующей им социальной практикой. Государство призвано выполнять роль посредника и гаранта при достижении такого компромисса. Необходимо поддержание баланса интересов личности, общества и государства.

Отношения между современным российским государством и религиозными объединениями строятся на основании норм Конституции, гарантирующих свободу совести, светский характер государства, отделение религиозных объединений от государства и их равенство перед законом. Дальнейшее развитие этих конституционных положений осуществлено в статье 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

«В соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства государство:

не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания;

не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления;

не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит настоящему Федеральному закону;

обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях».

Важнейшей гарантией свободы совести является законодательный запрет на вмешательство государства в религиозную жизнь граждан и в деятельность религиозных объединений, при условии, что не имеют место нарушения законодательства. Светское государство не компетентно и не правомочно определять, какую веру или убеждения должен иметь и передавать своим детям гражданин, оно не вправе воздействовать на гражданина с целью принудить его изменить свои убеждения. Само по себе содержание убеждений личности, ее внутренний мир не могут быть предметом правового регулирования. Даже если религиозный или коммунистический фанатик искренне убежден в необходимости насильственного истребления всех противников своего учения, он не может подвергаться преследованию за свои убеждения. Основания для вмешательства государства могут быть связаны только с *действиями*, противоречащими законодательству. (В том числе и *распространение* взглядов, побуждающих к совершению противоправных действий (например, разжигание религиозной вражды) или высказывание взглядов, наносящих кому-либо оскорбление).

Закон охраняет право религиозных объединений действовать свободно при условии соблюдения и исполнения всех требований законодательства. Не требуется специального разрешения государства на совершение каждой религиозной организацией каждой сделки, разрешенной Гражданским Кодексом и уставом самой организации. Недопустимо государственное регулирование порядка совершения богослужений, других видов отправления религиозных культов, процедуры избрания или назначения служителей культа, должностных лиц религиозных объединений. Однако, если совершение богослужения сопровождается правонарушениями, например, причинением ущерба здоровью граждан, возникает законное основание для вмешательства государства. Если при назначении (избрании) руководителя религиозной организации был нарушен ее устав, в

соответствующих случаях также правомерно вмешательство органов юстиции.

Запрет возлагать на религиозные объединения функции органов власти и государственных учреждений означает недопустимость делегировать религиозным организациям те функции, которые составляют исключительную прерогативу государства и осуществляются в формах правотворчества, исполнительно-распорядительной и правоохранительной деятельности. Не может возлагаться на религиозные организации отправление правосудия, регистрация актов гражданского состояния. Отличительной особенностью государственного органа является наличие у него государственно-властных полномочий, которыми не могут наделяться религиозные организации. Органы государственной власти не могут также перепоручить религиозным организациям выполнять какую-либо часть социальной или культурной функции государства, наделяя их соответствующими полномочиями и ресурсами. Однако, следует отличать от этого сотрудничество государства с религиозными организациями в социальной, культурно-просветительной и т.д. деятельности, часто осуществляемое на основании договора или соглашения. Не возлагая на религиозные объединения функций по социальному обеспечению граждан, государство, в то же время, в рамках закона материально поддерживает деятельность религиозных объединений по призрению престарелых, сирот и больных, другие формы благотворительности. Иными словами, оно оказывает предусмотренную законом поддержку социально значимой деятельности религиозных организаций, которую последние осуществляют собственными силами и не наделяются государственно-властными полномочиями.

«Государство регулирует предоставление религиозным организациям налоговых и иных льгот, оказывает финансовую, материальную и иную помощь религиозным организациям в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры, а также в

обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных учреждениях, созданных религиозными организациями в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании», сказано далее в рассматриваемой статье закона. В общем и целом принцип отделения религиозных объединений от государства не допускает государственного субсидирования религиозных организаций. Цитируемое положение определяет исключения из этого правила. Косвенным субсидированием можно считать налоговые льготы для религиозных организаций, применяемые во многих светских государствах. К числу иных льгот можно отнести, в частности, положение о бесплатном предоставлении религиозным организациям земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, для строительства и последующего использования культового здания.

Оказание помощи религиозным организациям в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры связано с необходимостью обеспечивать сохранность объектов культурно-исторического наследия, представляющих ценность для всего общества.

Ряд ограничений установлен с целью обеспечить светскость и конфессиональную нейтральность органов власти и должностных лиц. «Деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления не сопровождается публичными религиозными обрядами и церемониями. Должностные лица органов государственной власти, других государственных органов и органов местного самоуправления, а также военнослужащие не вправе использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии».

Запрет на сопровождение деятельности органов власти публичными религиозными обрядами и церемониями обусловлен тремя обстоятельствами. Во-первых, совершение таких обрядов и церемоний неизбежно будет восприниматься населением в качестве знака признания особого

привилегированного положения соответствующей конфессии, вызывая негативную реакцию различной степени интенсивности у граждан, принадлежащих к другим вероисповеданиям. Это будет производить впечатление небеспристрастности органа власти. В некоторых случаях обряд религиозного освящения по канонам одной из конфессий здания, в котором размещается административное учреждение, может восприниматься верующими другой конфессии как его осквернение.

Во-вторых, регулярное совершение религиозных обрядов, церемоний с участием должностных лиц даст основание говорить, что фактически в соответствующем государственном ведомстве образовалось религиозное объединение (группа) из числа участвующих в обрядах госслужащих. Это противоречит установленному в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» запрету на создание религиозных объединений в органах государственной власти, других государственных органах, государственных учреждениях и органах местного самоуправления, воинских частях, государственных и муниципальных организациях (ст. 6).

В-третьих, совершение религиозных обрядов, церемоний в административных учреждениях подчас фактически вынуждает как работающих в них госслужащих, так и посетителей быть их участниками. Это вступает в противоречие с запретом принуждать кого-либо к участию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях (Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», ст. 3 п. 5), а также со ст. 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ», согласно которой гражданский служащий, замещающий должность гражданской службы категории «руководители», обязан не допускать случаи принуждения гражданских служащих к участию в деятельности религиозных объединений. (Проведение религиозных обрядов в административных служебных помещениях практически возможно по инициативе или с согласия местных руководителей. Таким образом, руководитель, разрешивший проведение религиозного обряда в рабочее время, когда

госслужащие обязаны находиться на рабочих местах, принуждает их к участию в санкционированном им религиозном действе.

Часть 5 статьи 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» раскрывает основные ограничения, налагаемые на деятельность религиозного объединения:

«В соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства религиозное объединение:

создается и осуществляет свою деятельность в соответствии со своей собственной иерархической и институционной структурой, выбирает, назначает и заменяет свой персонал согласно своим собственным установлениям;

не выполняет функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления;

не участвует в выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления;

не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь».

Первые два положения корреспондируют установленным в той же статье ограничениям государственного вмешательства в деятельность религиозных объединений и запрету возлагать на них функции органов власти или государственных учреждений. Ограничения на участие религиозных объединений в политической жизни закреплены также в нормах законодательства о выборах и референдуме, рассмотренных нами в теме 3.

Статья 4 закона устагналивает далее, что «отделение религиозных объединений от государства не влечет за собой ограничений прав членов указанных объединений участвовать наравне с другими гражданами в управлении делами государства, выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления, деятельности политических партий, политических движений и других общественных объединений».

Ограничение прав религиозных объединений, связанное с применением принципа их отделения от государства не должно приводить к ограничению прав человека и гражданина применительно к участникам религиозных объединений. Очевидно, что в противном случае имела бы место прямая дискриминация верующих по признаку отношения к религии. Только наиболее жесткие атеистические режимы лишали служителей культа избирательного права.

В Русской православной церкви Определением Священного Синода от 8 октября 1993 г. священнослужителям было предписано воздержаться от участия в российских парламентских выборах в качестве кандидатов в депутаты. Архиерейский Собор 1994 г. подтвердил это Определение и распространил его действие на участие священнослужителей «в выборах любых органов представительной власти стран СНГ и Балтии как на общегосударственном, так и на местном уровне». Тем не менее, поскольку право быть избранным в качестве депутата является конституционным правом каждого гражданина, священнослужителю, который в нарушение церковных установлений выдвинет свою кандидатуру в депутаты, избирательная комиссия не вправе отказать на этом основании. Такой священнослужитель может быть наказан только церковными властями в соответствии с нормами церковного права.

Часть 7 статьи 4 устанавливает, что «по просьбам религиозных организаций соответствующие органы государственной власти в Российской Федерации вправе объявлять религиозные праздники нерабочими (праздничными) днями на соответствующих территориях». На федеральном уровне в перечень праздничных дней в Трудовом Кодексе РФ включен праздник Рождества Христова – 7 января.

Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» также ввел ряд законоустановлений, направленных на обеспечение светского характера государственной гражданской службы.

Государственному служащему запрещается использовать должностные полномочия в интересах религиозных объединений, а также публично выражать отношение к указанным объединениям и организациям в качестве гражданского служащего, если это не входит в его должностные обязанности (ст.17, п.1, пп. 13). Основной проблемой является истолкование содержания понятия «использовать должностные полномочия в интересах...» Большинство конкретных неправомерных действий, приносящих материальную или нематериальную выгоду, запрещены соответствующими статьями законодательства: неправомерное предоставление религиозным организациям государственных денежных средств или имущества, разглашение информации, составляющей государственную или служебную тайну и т.д. В то же время правомерные действия госслужащих также могут соответствовать интересам религиозных объединений, приносить им конкретную пользу. Существенными здесь являются как субъективная мотивация действий госслужащего – ставит ли он своей целью наилучшим образом реализовывать политику государства в отношении религиозных объединений или же, пренебрегая этой задачей, стремится облагодетельствовать те религиозные объединения, к которым он лично расположен – так и объективный результат его действий.

Ввиду недостаточной правовой регламентированности процедуры принятия решения об удовлетворении ходатайства религиозной организации о передаче ей культового здания или выделения земельного участка для его строительства, чиновник, как показывает практика, может принимать необъективные решения, создавая «режим наибольшего благоприятствования» для одних религиозных организаций и систематически отказывая другим, в том числе тем, которых получающая покровительство властей конфессия считает своими соперниками в борьбе за людские души. Несовершенство законодательства затрудняет идентификацию тех ситуаций, когда имеет место использование должностных полномочий в интересах религиозных организаций.

Помимо злоупотребления служебным положением, приносящего прямую материальную или нематериальную выгоду религиозным объединениям, под использованием должностных полномочий в их интересах следует также понимать использование авторитета государственной власти для создания представлений об особом положительном отношении государства к какому-то религиозному объединению, к какому-то вероисповеданию.

Закон «О государственной гражданской службе РФ» установил: государственные служащие, в служебные обязанности которых не входит публично выражать отношение органов власти к религиозным объединениям, в принципе не вправе делать никаких публичных заявлений на данную тему (ст. 17, п.1, пп. 13). Те должностные лица, которые уполномочены выражать официальную точку зрения на социально значимые аспекты деятельности религиозных объединений, естественно, имеют право на соответствующие высказывания. Однако, изложение официальной позиции должно быть свободно от личных пристрастий. Положительно оценивая благотворительную или культурно-просветительную деятельность религиозной организации либо осуждая проявления экстремизма, государственный служащий не должен касаться чисто религиозных проблем, пускаясь, например, в рассуждения о том, какая религия более истинна.

Согласно закону «О государственной гражданской службе РФ», гражданский служащий обязан не оказывать предпочтение каким-либо религиозным объединениям и не совершать действия, связанные с влиянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов, препятствующих добросовестному исполнению должностных обязанностей (ст. 18). Помимо вышерассмотренных вариантов, трудно составить сколько-нибудь исчерпывающий перечень возможных типов нарушения данных запретов. Это обусловлено неконкретностью выражения «оказывать предпочтение». По всей видимости, можно обозначить два квалифицирующих признака нарушения запрета: получение в результате

действий (или бездействия¹³) религиозной организацией выгоды, не предусмотренной законодательством и не соответствующей задачам государственной политики и наличие у госслужащего сознательного намерения действовать в интересах религиозного объединения, а не в интересах государства.

Среди требований к служебному поведению гражданского служащего, установленных Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ст. 18) устанавливается предписание, обязывающее гражданского служащего соблюдать нейтральность, исключаящую возможность влияния на его профессиональную служебную деятельность решений религиозных объединений. Логично заключить, что соблюдение государственным служащим нейтральности исключает также влияние на его деятельность личной пристрастности, личных убеждений.

Предметом регулирования в статье 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» является не государственная вероисповедная политика и не деятельность органов государственной власти и управления, а непосредственное исполнение должности гражданским служащим. Поэтому неправомерно на основании данной нормы делать выводы о «нейтральности», «равноудаленности» и т.п. государства от религиозных объединений различных конфессий.

В той же ст. 18 Закона установлено, что гражданский служащий обязан учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп, а также конфессий, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию.

Государство выступает в своих отношениях с религиозными объединениями в двойной роли. С одной стороны, оно устанавливает и совершенствует нормы законодательства, регулирующие государственно-конфессиональные отношения и обеспечивает их соблюдение и исполнение.

¹³ Например, умышленное неприменение компетентным должностным лицом санкций к религиозному объединению, нарушающему законодательство.

С другой стороны, органы власти и государственные учреждения являются участниками государственно-конфессиональных отношений, имеющими возможность сотрудничества с религиозными организациями в предусмотренных законодательством рамках.

Термин «*регулирование*» охватывает всю совокупность методов государственного воздействия на религиозную ситуацию и на государственно-конфессиональные отношения, имеющая своей целью произвести определенные изменения или, наоборот, предотвратить их.

Необходимо законодательное установление пределов (меры) свободы в сфере соответствующих прав и свобод человека и гражданина, запрещающее все общественно вредное, исключаящее злоупотребления свободой. Такое законодательное определение меры свободы называется в Конституции *регулированием* прав и свобод человека и гражданина (п.«в» ст.71) и их ограничением (в смысле ч.3 ст.55 и ч.2 ст.19). Понятие «регулирование» в данном контексте шире, чем «ограничение». «Регулирование» включает в себя установление не только границ свободы, но и гарантий осуществления прав и свобод человека и гражданина. При этом ч.3 ст.55 Конституции содержит исчерпывающий перечень допустимых оснований законодательного ограничения прав и свобод, а ч.2 ст.19 специально запрещает любое ограничение прав и свобод, нарушающее равноправие, т.е. запрещает установление разной меры свободы по признакам социальной, расовой и т.д. принадлежности¹⁴.

Пределы правового регулирования — это границы государственно-властного вмешательства государства, его органов в систему общественных отношений. На долю государства приходится регулирование вопросов, связанных с обеспечением реальной свободы личности, устранением любых препятствий, которые могут исходить от других лиц и органов государства. Одновременно государство устанавливает границы свободы личности, выход

¹⁴ См.: Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий/Отв. ред. В.А.Четвернин. М., 1997. С.30

за которые создает реальную угрозу причинения вреда другим лицам, обществу и государству. Ибо личная свобода остается частным делом постольку, поскольку она не посягает на права и свободы других лиц. В зависимости от тяжести посягательства на права других лиц и иных обстоятельств злоупотребление свободой может признаваться государством административным проступком, либо преступлением.

Конституционная свобода совести и вероисповеданий предоставляет каждому гражданину весьма широкий спектр его возможных действий. Государство не только не вмешивается в предоставленную гражданам свободу совести, но и устанавливает уголовную ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов. В то же время государство принимает меры по охране прав и здоровья граждан от нарушений, которые могут допускаться религиозными объединениями, злоупотребляющими своей свободой¹⁵.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 № 16-П отмечается, в частности, что «законодатель, учитывая исторически сложившийся в России многоконфессиональный уклад, обязан соблюдать положение ст. 17 (ч. 1) Конституции Российской Федерации о том, что в Российской Федерации гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Вводимые им меры, относящиеся к учреждению, созданию и регистрации религиозных организаций, не должны искажать само существо свободы вероисповедания, права на объединение и свободы деятельности общественных объединений, а возможные ограничения, затрагивающие эти и иные конституционные права, должны быть оправданными и соразмерными конституционно значимым целям»¹⁶. Таким образом, обозначен правовой

¹⁵ См.: Сырых В.М. Теория государства и права. М.: 2004. С 161-162.

¹⁶ Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. С. 521-522.

предел для государственного регулирования путем введения юридических ограничений на создание религиозных организаций.

Как уже было отмечено выше, норма ст. 55 Конституции РФ, равно как и ряд международных конвенций и пактов, в которых участвует Россия, предусматривает причины и цели ограничения прав и свобод, приемлемые в демократическом обществе. Согласно ст. 55 Конституции РФ, «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо *в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства*». Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод установила в ст. 9, что свобода подлежит *«лишь таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц»*.

Таким образом, *мотив* ограничения должен быть весомым, отражать реальную общественную потребность в регулировании, а вводимые ограничения – *соразмерными* тяжести и сложности регулируемой социальной проблемы и возможным последствиям злоупотребления правами и свободами.

С начала 1990-х годов в Российской Федерации получила распространение практика заключения договоров или соглашений о сотрудничестве между органами власти и религиозными организациями. На федеральном уровне, как правило, такие договора заключаются между федеральным органом исполнительной власти и централизованными религиозными организациями, представляющими наиболее распространенные и укорененные в России конфессии. Аналогичная практика заключения договоров имеет место и между органами власти субъектов федерации и региональными централизованными организациями. Например, Министерство культуры РФ заключило такие договора с Русской

православной церковью, Советом муфтиев России, Конгрессом еврейских религиозных объединений и организаций, Федерацией еврейских общин России и с Традиционной буддийской сангхой России. Предметом договоров является сотрудничество в области культурно-просветительской деятельности, обеспечение сохранности памятников истории и культуры.

Договор о сотрудничестве, заключенный 2 августа 1999 г. между Министерством образования Российской Федерации и Московской Патриархией Русской Православной Церкви» предусматривает сотрудничество по воспитанию детей и молодежи в духе высоких моральных ценностей, обмену информацией, взаимодействию в учебно-методических вопросах, анализу и обобщению опыта совместной работы в области духовно-нравственного воспитания, подготовке изменений и поправок в нормы действующего законодательства.

Договора о сотрудничестве были заключены также между РПЦ, некоторыми другими конфессиями и структурами Вооруженных Сил РФ, органами Федеральной службы исполнения наказаний, Министерством юстиции, Министерством внутренних дел. Такие договора позволяют урегулировать порядок осуществления тех видов сотрудничества органов власти, государственных учреждений и религиозных организаций, которые в общем виде разрешены действующим законодательством. Например, с помощью таких договоров регламентируется порядок организации пастырской работы священнослужителей в местах лишения свободы, в воинских частях и т.д.

На такие договоры распространяется общая норма о свободе договора, установленная ст. 421 ГК РФ. Поэтому заключение договора возможно только на основе добровольного волеизъявления обеих сторон. Государственные органы и учреждения в большинстве случаев предпочитают заключать договора о сотрудничестве с религиозными организациями, относящимися к традиционным для России конфессиям Православию (причем к Русской православной церкви Московского

патриархата, а не к так называемому «альтернативному» Православию), исламу, буддизму и иудаизму. С протестантскими религиозными организациями договора заключаются реже, а с некоторыми конфессиями, относящимися к новым религиозным движениям, практически не заключаются. Принцип свободы договора, не требующий в данном случае мотивированного отказа от заключения договора, позволяет государственным структурам осуществлять такой избирательный подход.

В целом сложившаяся практика заключения договоров о сотрудничестве позволяет более эффективно реализовать потенциальные возможности религиозных организаций по решению актуальных социальных проблем, упорядочить совместные усилия органов власти и конфессий в деле служения обществу.

ГЛАВА 6. ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИИ И ВЕРУЮЩИМ В 1920 – 30 ГГ.

Придя к власти, большевики отменили законы, ставившие в неравноправное положение людей в зависимости от их принадлежности к различным нациям и религиям. Важное значение в этой сфере имела принятая в ноябре 1917 г.

«Декларация прав народов России», которая провозглашала равенство и суверенность всех народов страны, закрепляла за ними право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Отменялись привилегии национального и национально-религиозного характера, объявлялся отказ от политики разделения наций на «высшие» и «низшие» и противопоставления народов на религиозно-национальной почве.

Большая часть иерархов и духовенства Русской православной церкви по своим воззрениям не могла сочувствовать большевистскому перевороту. В ходе гражданской войны на территориях, занятых «белыми» войсками и находившихся под юрисдикцией антибольшевистских правительств, создавались самостоятельные временные органы церковного управления. В то же время патриарх Тихон делал все, чтобы не допустить вовлечения церкви в политическую борьбу, запретив участие священнослужителей в противоборстве на чьей-либо стороне.

Церковь заняла откровенно негативную позицию в отношении не только церковной политики большевистского государства, но и всей его внутренней и внешней политики. В среде же духовенства, особенно в его многочисленном низшем слое, происходила поляризация мнений. Против проведения декрета в жизнь выступила часть крестьянства, рассматривавшего его как инструмент ломки традиционного уклада жизни.

В ходе Гражданской войны жестокость, террор и насилие были с обеих сторон. И если советские власти уничтожали духовенство, то «белые» власти –

«комиссаров» и «коммунистов». Православная церковь на «белой» территории вовсе не осуждала такую политику, более того, убеждала паству в проповедях и в церковной печати, что убийство «красных» не есть грех, а «исполнение долга перед Родиной».

После окончания гражданской войны антицерковный террор не прекратился, а, напротив, усилился. Свидетельство тому – акция по изъятию церковных ценностей, осуществленная после того, как во второй половине 1921 г. в России разразился голод.

Летом 1921 года патриарх Тихон обратился с воззванием к мировой религиозной общественности с просьбой о помощи голодающим. Однако, реакция властей на инициативу патриарха была негативной. Они обязали сдать со- бранные Церковным комитетом средства созданной ВЦИК осенью 1921 года Центральной комиссии помощи голодающим, возглавляемой М. Калининим, и обратились к патриарху с просьбой выделить часть средств церкви на нужды голодающих. Тихон в своем архипастырском послании разрешил церковным приходам отдать для этой цели церковные украшения, непосредственно в бого-служении не используемые.

В советской печати развернулась пропагандистская кампания против патриарха, который якобы не позволяет отдать голодающему народу церковные богатства. В феврале 1922 года появляется декрет ВЦИК «Об изъятии церковных ценностей», общее руководство реализацией которого осуществлял Л. Троцкий.

В ответ на этот декрет Тихон направил в приходы новое послание, предупреждая о недопустимости изъятия из храмов утвари, использование которой для мирских целей запрещено православными канонами. Тем не менее власти приступили к изъятию церковных ценностей. В акциях по изъятию церковных ценностей широко использовались спецвойска ГПУ. При осуществлении декрета имели место многочисленные столкновения между войсками и верующими; наиболее значительные - в городах Смоленске и Шуге (Ивановская область).

Началась подготовка к расправе и над патриархом Тихоном, который с мая 1922 года находился под домашним арестом в Донском монастыре, а в мае 1923 года был помещен в тюрьму. Лишь в связи с тем, что объявление о привлечении его к суду вызвало возмущение международной общественности, власти не решились расправиться с предстоятелем Православной церкви. В июне 1923 года Тихона вынудили обратиться с заявлением в Верховный суд о своей лояльности Советской власти, после чего он был освобожден из-под стражи и мог снова встать во главе церкви.

Наряду с антицерковным террором в начале 20-х годов власти сделали ставку на разложение церкви изнутри, используя назревший еще до революции церковный раскол.

В марте 1917 года группа священников, оппозиционных официальному руководству церкви, образовала в Петрограде «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян» во главе с протоиереем А. Введенским. В 1919 г. единомышленники Введенского – священники И. Егоров и А. Боярский создали группы аналогичной ориентации – «Религия в сочетании с жизнью» и «Друзья церковной реформации».

Эти организации высказывались за поддержку церковью Советской власти как «воплощающей христианские идеалы», настаивали на «обновлении церкви», отчего за ними закрепилось наименование «обновленцев». Они требовали ликвидации патриаршества, создания выборных органов коллегиального церковного управления, упразднения института монашества; выступали против иерархического строя церкви, за проведение литургических реформ, в частности за перевод богослужения на современный русский язык.

Политизированность обновленческих лидеров, явная неканоничность их реформ привели к тому, что после освобождения Тихона и возвращения его к управлению церковью большинство приходов и архиереев вновь присоединились к Патриаршей церкви. «Обновленцам» не удалось

разложить церковь, после чего власти потеряли к ним интерес и лишили своей поддержки. Начиная с 1926 г. обновленческие приходы подверглись такому же антирелигиозному давлению, как и патриаршие, а в 1937 – 1938 гг. большинство лидеров «обновленчества» было уничтожено.

В первое десятилетие советской власти её отношение к конфессиям в известной степени было дифференцированным: в сравнении с приверженцами Русской православной церкви в несколько более предпочтительном положении находились мусульмане. Причина заключалась в том, что в мусульманском обществе ислам является не просто религией, а образом жизни. Насильственные перемены в традиционном укладе мусульманских народов могли привести к широкомасштабным выступлениям против новой власти. Поэтому особую роль в «восточной» политике призвано было сыграть принятое советским правительством 20 ноября (3 декабря) 1917 г. «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока». В нем было сформулировано отношение большевистского режима к ранее угнетенным народам Востока: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными».

Большевистское правительство старалось продемонстрировать верность заявленным политическим принципам. Так, узнав о требовании башкир возвратить им общественный постоялый двор в Оренбурге (Караван-Сарай, построенный на средства и силами башкирского населения) председатель СНК В.И. Ленин предложил подготовить соответствующее распоряжение. 17 (30) января 1918 г. руководители левых национальных движений М. Вахитов и Ш. Манатов были приняты Лениным. Он одобрил подготовленные ими проекты декретов о возвращении башкирам Караван-Сарая в Оренбурге, а татарам башни Сююмбике в Казани.

Возвращение мусульманам этих народных реликвий, а также Корана Османа, увезенного из Средней Азии (Самарканда) царскими колонизаторами, зарубежные исследователи рассматривали как тактическую

уступку советского правительства, не имеющую серьезного значения. Советские историки, напротив, оценивали январские декреты 1918 г. как первые шаги в разрешении национального вопроса в Татарии и Башкирии. Очевидно, что данные мероприятия свидетельствуют как о демократическом потенциале раннего большевизма, так и об особой заинтересованности его руководителей в нейтрализации национальных движений в условиях нарастания гражданской войны.

Взаимовлияние и взаимопроникновение национальных и религиозных идей явление закономерное. Это происходило в Закавказье, Казахстане, Средней Азии («дашнаки», «мусаватисты», «алашовцы», «басмачи» и т.д.). Разнообразие национальной, религиозной жизни и устремлений народов не соответствовали классово-политической системе взглядов и практики большевизма. В итоге коммунистический режим вынужден был посредством агрессивных идеологических, принудительно-репрессивных мер насаждать свою линию в области национального строительства и национально-религиозной жизни. Соответственно были политизированы методы пропаганды и агитации, которые ограничивали возможность более гуманного подхода к другим представителям национального движения, не разделявшим взгляды коммунистов.

Следует сказать, что реакция основной части мусульманского духовенства на принятый декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» была спокойной, обошлось без каких-либо крупных выступлений. Мусульманские служители культа не располагали крупными средствами, не рассчитывали они и на государственную поддержку. Вместе с тем, когда началась прямая реализация положений декрета (религиозным организациям не позволялось иметь прав юридического лица, вводились ограничения в области вероучения, религиозной пропаганды и т.д.), это вызвало возмущение верующих. Весной 1920 г. в Казанской и Уфимской губерниях произошел мятеж, известный как «Черный орел», одной из причин которого было «издевательство над тюбетейками», т.е. надругательство над

верой и национальными традициями мусульман. Выступление верующих было подавлено административно-военными мерами.

По мере усиления политики «штурма и натиска» в регионах традиционного распространения ислама возрастало недовольство среди верующих-мусульман. Даже коммунисты высказывались в пользу сохранения устоявшихся традиций и образа жизни своих народов, покоившихся на исламских догматах. В частности, бюро мусульманской коммунистической организации во главе с Н. Наримановым, Г. Мусабековым, С. Эфендиевым и другими представителями в марте 1919 г. приняло решение рекомендовать низовым ячейкам подходить к выполнению декрета СНК «Об отделении церкви от государства», «осторожно, дабы не затрагивать религиозных чувств» населения.

Об остроте положения, возникшего в связи с проведением узаконений в области религии и церкви, сообщали В.И. Ленину М.В. Фрунзе из Средней Азии и С.М. Киров с Северного Кавказа. Они считали, что власть допускает крупные ошибки в религиозном вопросе, и такие меры, как упразднение шариатских судов, религиозных школ, отбирание земель у мечетей, преследование духовенства, отпугивают верующих от Советской власти.

Лидер национального движения мусульманских народов России, замнаркома по делам национальностей М. Султан-Галиев имел особый взгляд на национально-государственное строительство, на борьбу с религией, а также относительно идей революции на Востоке (впоследствии его взгляды явились теоретической основой концепции «исламского социализма»). Он не был согласен с грубым, вульгарным подходом к исламу, добивался сохранения некоторых исламских традиций, укоренившихся в жизни мусульманских народов. В тезисах доклада М. Султан-Галиева «Об антирелигиозной пропаганде среди татар и башкир» и в брошюре «О методах антирелигиозной пропаганды» он изложил свои взгляды по вопросу атеистической работы. Он исходил из необходимости учитывать особенности

татаро-башкирского населения, исламской религии, рассматривал влияние социальной революции на расслоение мусульманского духовенства на «красных» и «белых». М. Султан-Галиев отмечал, что методы антирелигиозной пропаганды определяются, с одной стороны, сущностью ислама, с другой - социально-политическим положением мусульман. Выделяя основные социальные и культурные особенности мусульманских регионов, он указывал на притесненное положение ислама при царизме и благожелательное отношение народа к муллам, а также на малочисленность пролетариата, его низкий уровень. Антирелигиозная борьба при таких условиях, по его мнению, способна лишь отпугнуть мусульман от партии и советского государства.

В подходе М. Султан-Галиева к проблеме атеистической работы трудно усмотреть лишь «коварство» и «далеко идущие замыслы», как это делалось ранее в советской исторической литературе (особенно в 30-е годы). Будучи видным партийным и государственным деятелем, Султан-Галиев вовсе не был сторонником прекращения антирелигиозной работы, но предлагал вести ее идейными методами, взвешенно и гуманно, сообразуясь с особенностями национальных и религиозных традиций татар, башкир, азербайджанцев, киргизов и т.д. Однако такой подход противоречил основам сталинского руководства. В июле 1923 г. состоялось IV совещание ЦК партии, на котором осуждалось любое отклонение от партийной линии в национальном вопросе. Султан-Галиев и его соратники были арестованы, подверглись судебному разбирательству, а в конце 30-х гг. многих из них расстреляли как сторонников контрреволюционной «султангалиевщины».

«Укрощение националов», произошедшее на IV июньском совещании ЦК РКП в 1923 г., имело серьезные последствия и для религии. Многие национальные лидеры понимали необходимость осторожного, внимательного подхода к религии своих народов. В случае реализации их планов религия, как элемент духовной культуры, могла бы иметь достойное место в обществе. Разгром, учиненный Сталиным в качестве первого

«пробного камня», ликвидировал своеобразное убежище для религии и в рамках национальной политики.

Ем. Ярославский после двух лет работы (с января 1923 г.) во главе анти- религиозной комиссии при ЦК ВКП(б) на заседании оргбюро ЦК от 15 декабря 1924 г. настаивал на расширении пропаганды против религии. Отметив лояльную позицию верхушки мусульманского Духовного управления, он отметил, что среди мусульман «не ведется никакой антирелигиозной пропаганды»,

«есть боязнь приступить к этой работе», и, в связи с этим, русские обиженно говорят: «мусульманам даете всякие поблажки в религиозной области, а рус- ским – ничего».

Трудноразрешимой проблемой для партийно-государственных структур в регионах традиционного распространения ислама являлось преподавание ве- роучения. Административно-принудительное закрытие религиозных школ вызывало крайне негативную реакцию мусульманского населения. В этом деле партийно-государственные органы в течение нескольких лет принимали проти- воречивые и непоследовательные решения, изменяя порой свою тактику под натиском объективных обстоятельств. В связи с фактами преподавания религии в мусульманских советских школах Президиум ВЦИК 26 октября 1922 г. рас- смотрел вопрос «О недопущении преподавания вероучения в мусульманских советских школах Туркестана» и решил вызвать из Туркестана представителя для дачи объяснений.

В январе 1923 г. Президиум ВЦИК по представлению Я.Э. Рудзутака вы- нес решение: «Постановление Туркестана о введении преподавания вероучения в советских школах отменить. В виде исключения и в качестве временной меры не воспрепятствовать преподаванию вероучения в мусульманских школах узбекской части Туркестана».

Серьезным подспорьем в применении административно-принудительных мер против духовенства и усиления религиозного влияния в

школе явились по- становление Наркомпроса РСФСР «О преодолении вероучения в мусульман- ских школах» от 3 января 1923 г.» и декрет ВЦИК о закрытии религиозных школ. В начале 1923 г. Центральное Татаро- Башкирское бюро при ЦК РКП(б) несколько раз обсуждало вопрос об усилении религиозного движения в Тата- рии и Башкирии. Так, 5 января 1923 г. на заседании бюро, признав постано- вление коллегии Наркомпроса в отношении татаро-башкирских школ правильным, было предложено усилить антирелигиозную пропаганду в печати, в частности, в газете «Эшче», разработать циркуляр для местных организаций. На заседании бюро от 12 апреля того же года обсуждался вопрос о борьбе с национально- религиозным движением, особенно в Татарии. Считая, что антирелигиозная пропаганда не может развиваться успешно в таких условиях, бюро подчеркнуло необходимость пресечения этого движения, применяя различные меры.

Согласно принятым постановлениям в районах с татаро-башкирским населением религиозные школы в начале 1923 г. были закрыты. Однако муллы приступили к открытию подпольных школ, начали агитацию за открытие рели- гиозных школ, организуя отправку писем и просьб от имени верующих в цен- тральные, государственные и партийные органы.

В октябре 1923 г. Бюро секретариата ЦК в присутствии Смидовича, Яковлева, Клингера постановило «допустить в отдельных частях Союза ССР с наиболее отсталым и религиозным фанатичным населением как изъятие из общего порядка организацию мусульманских духовных школ». В ноябре Политбюро решает подготовить проект советского постановления о допущении в некоторых частях страны организации мусульманских духовных школ.

На основании постановлений Президиума ВЦИК о разрешении преподавания мусульманского вероучения в мечетях, приказов НКВД №18 от 9 июня и №18 от 28 июня НКП разработал и после утверждения ВЦИК распространил Инструкцию № 446/72 от 21 августа 1925 г., которая

упорядочивала вопросы, связанные с преподаванием мусульманского вероучения среди восточных народностей. Первый пункт гласил: «Преподавание мусульманского вероучения может производиться только в мечетях с надлежащего, в каждом отдельном случае, разрешения уездного (кантонного) или губернского и областного исполкома и исключительно лицом: а) достигшим 14-летнего возраста и представившим о том свидетельство или б) окончившим школу 1-й ступени и представившим о том соответствующее удостоверение». Преподавание вероучения в советской школе, в том числе и в школах тюркских и других восточных народностей, запрещалось. Допущение групповых занятий в мечетях не должно было рассматриваться как организация специальных школ, там не разрешалось преподавать общеобразовательные предметы, преподавание велось исключительно в свободные от школьных занятий дни.

Такие ограничения не удовлетворяли потребности верующих и духовенства. Проявляя свою активность, они продолжали организовывать собрания верующих, выливавшиеся в религиозные кампании. На этих собраниях принимались решения, требующие расширения прав мусульманского духовенства, увеличения числа занятий в религиозной школе, освобождения служителей культа от подоходного налога, создания печатного органа, прекращения антирелигиозной пропаганды и т.д. Изучение и сопоставление протоколов, постановлений и решений этих собраний показывает их единообразие. Они организовывались при участии Духовного управления мусульман. В ряде кантонов количество религиозных школ стало превышать число советских школ 1-й ступени. Очень часто они находились в лучшем материальном положении, чем советские школы.

В условиях советского идеократического режима вытеснение религиозного сознания материалистическим (атеистическим) было возведено в ранг важнейшей партийно-государственной задачи. С конца 1920-х годов на первый план выдвигаются административно-командные и репрессивно-принудительные методы религиозной политики. Регулярно проводимые

«антирождественские», «антипасхальные» компании, антиисламские мероприятия в дни

«Ураза-Байрам», «Курбан Байрам» в Средней Азии, Закавказье и Поволжье, меры пресечения языческих форм вероисповедания среди мари, чуваш, удмуртов становились все более агрессивными. Разветвленные организации Союза воинствующих безбожников (СВБ) и общества «Дегриляр» (для татарского и башкирского населения) в центре и на местах образовали своеобразную структуру, обслуживающую основные задачи политики в области религии. Союз безбожников (с 1929 г. – Союз воинствующих безбожников) превратился в бюрократический силовой орган, под его эгидой проводились «безбожные пятилетки», организовывалось социалистическое соревнование в сферах пропаганды и насильственного внедрения атеизма. Первичные ячейки, районные и республиканские советы СВБ, подготовка кадров «воинствующих атеистов», издательская деятельность финансировались по линии государственных учреждений, а также профессиональных и кооперативных союзов под жестким контролем партийных органов. Однако атаки на религию почти 5-миллионной армии членов СВБ не давали желаемых результатов, тем более, что естественно-научная, пропагандистская деятельность Союза отходила на второй план.

Можно сказать, что «религиозный НЭП» не состоялся: во-первых, политико-идеологическая система оставалась неизменной; во-вторых, командный состав партии и государства не мог и не хотел перестроиться в силу причин социально-психологического и интеллектуально-образовательного характера; в третьих, содержание, формы и методы антирелигиозной работы продолжали оставаться крикливо-навязчивыми, грубыми, оскорбляющими религиозные чувства верующих. Наконец, не произошло сколь-нибудь существенных послаблений в законодательстве, касающихся свободы совести.

Усиление административно-репрессивного давления на религию было связано с процессом утверждения тоталитарного режима в советском

обществе. В политико-экономической сфере осуждались различные уклоны; религиозные отношения не могли оставаться неким анклавом относительной свободы. Завершался процесс отделения церкви не только от государства, но и от общества.

Одной из проблем, вызвавших немалые затруднения у руководителей «антирелигиозного фронта», явилось оживление мусульманского религиозного движения, о чем, в частности, свидетельствовал проведенный в октябре-ноябре 1926 г. в Уфе съезд духовенства. В подробной (и, разумеется, предельно тенденциозной) «Докладной записке» восточного отдела ОГПУ выделялись следующие факты усиления активности духовенства: требование расширения прав в области вероучения, борьба против советских школ, комсомола, женского и пионерского движений, кооперации и т.д.; «одновременно с этим духовенство усиленно вело работу по отстаиванию политических прав и экономических ресурсов (религиозные фонды, кассы взаимопомощи, требования возвращения мечетных имуществ и т.д.)». На съезд прибыли 437 делегатов и 265 гостей (Башкирия - 105, Татария - 78, Казахстан - 132, внутренние губернии РСФСР - 63, Уральская область - 21, Сибирь - 15, Узбекистан - 5, Каракалпакия - 3, Крым - 1, Северный Кавказ - 1, от китайских мусульман - 1, неизвестные - 8). «География» съезда была весьма обширной. Все это не могло не насторожить власти. Вопрос о проведении съезда священнослужителей был взят под контроль. Комиссия по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК партии на своем заседании от 13 апреля 1928 г. принимает следующее решение:

а) признать необходимым сокращение количества религиозных съездов; б) впредь как общее правило разрешать съезды, как всесоюзные, так и местного значения, не чаще одного раза в три года.

Этот вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях Политбюро. Так, 18 августа 1927 г. был заслушан вопрос «О мерах борьбы с мусульманским религиозным движением». В принятом Оргбюро ЦК (апрель 1928 г.) постановлении предусматривался широкий круг мер, направленных

на борьбу с мусульманским движением. Учитывая, что причиной увеличения числа мусульманских групп вероучения при мечетях является недостаточное развитие советских школ в национальных республиках, Оргбюро отметило: «основой борьбы как против религиозного движения вообще, так и против групп вероучений должен быть ряд культурных мероприятий по улучшению наших советских школ...» Было решено также изъять термин «религиозные школы» из всех документов и ограничить религиозное образование лишь ознакомлением с основами религии. Меры административно ограничительного характера распространялись на все стороны религиозной жизни; предусматривалось «усилить борьбу с использованием мусульманским духовенством в антисоветских целях съездов, курсов, института разъездных проповедников; запретить денежное и натуральное обложение всего населения в пользу групп вероучения, не останавливаясь, в случае необходимости, перед применением репрессивных мер в отношении наиболее злостных лиц». Выделялись регионы, считавшиеся наиболее сложными: Северный Кавказ, Аджаристан (Аджария) и Средняя Азия.

Ещё несколько ранее, 27 апреля 1927 г. Оргбюро рассмотрело вопрос

«О мусульманском религиозном движении» и постановило поручить антирелигиозной комиссии в отношении среднеазиатских республик, а также некоторых республик и областей Северного Кавказа и Закавказья, разработать дополнительные предложения, учитывающие специфические особенности этих республик и областей.

В мае 1928 г. Политбюро ЦК предложило Президиуму ЦИК СССР «отменить закон ВЦИК о мусульманских религиозных школах, произведя эту отмену по предложению национальных республик». Вскоре Президиум ЦИК вынес постановление: ходатайство Татарской, Башкирской и других автономных республик удовлетворить и постановления Президиума ВЦИК от 9 июля и 28 июля 1924 г. о мусульманском вероучении с вытекающими из него законоположениями и инструкциями отменить. Показательно, что на

заседаниях Политбюро ЦК в апреле-мае 1928 г. рассматривалась просьба муфтия Р. Фахретдинова об открытии богословской школы (медресе) в Уфе, но партийные органы сочли «нецелесообразным» иметь подобное духовное учебное заведение.

На просьбу издать брошюру «Ислам дине» Антирелигиозная комиссия ЦК (июнь 1929 г.) ответила, по сути дела, также отказом. Одновременно было предложено прекратить обсуждение на страницах журнала «Ислам» теоретических и религиозно-философских вопросов и свести содержание издания к текущим делам отправления культа. Разрешив дальнейшее печатание «Һэфтияк»а в количестве 10 тыс. экземпляров, печатание «Ислам дине» было признано несвоевременным. Круг ограничений все больше расширялся.

Новые антирелигиозные гонения начались в 1928 г. в связи с началом коллективизации. В этом году Сталин трижды в своих выступлениях призвал к борьбе с религией, поскольку, по его мнению, религиозность деревни усиливала ее сопротивление организации колхозов.

В 1929 г. была разослана директива ЦК ВКП(б) за подписью Л. Кагановича, в которой подчеркивалось, что религиозные организации являются единственной легальной контрреволюционной силой. Этим была дана командак применению против них репрессивных мер.

Роль итогового законодательного документа, отразившего новые веяния, сыграло Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Если Декрет 1918 г. не предусматривал явного и прямого вмешательства государства во внутренние дела религиозных объединений, то Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» ликвидировало этот «пробел» в советском законодательстве.

В Постановлении были определены две формы религиозных объединений – «религиозные общества» и «группы верующих». В первом случае численность членов объединения не могла быть менее 20 человек,

во втором – это допускалось. Для осуществления хозяйственно-финансовой деятельности и внешнего представительства избирались исполнительные органы: в религиозном обществе в составе трёх человек, в группе верующих – одного. При этом властям предоставлялось право отвода из состава исполнительного органа религиозных объединений отдельных лиц¹³³. На усмотрение религиозных объединений оставалось избрание ревизионной комиссии в количестве не более 3 человек, в функции которой входила проверка культового имущества и контроль денежных сумм, «получаемых путём складчины или добровольных пожертвований»¹³⁴ среди членов религиозного объединения.

В статьях Постановления регламентировался порядок регистрации религиозных объединений в органах государственной власти. В частности, минимальное число верующих, ходатайствующих о регистрации религиозного общества, должно было составлять не менее 20 человек (т.н. «двадцатка»). Для регистрации же группы верующих было необходимо заявление с подписями всех членов этой группы.

При положительном решении ходатайства культовое здание и находящееся в нём имущество передавалось в пользование религиозного объединения, на основании договора последнего с представителями волостного, районного исполкома и городского совета. Согласно договору верующие обязывались: хранить и беречь молитвенное здание с находящимся в нём имуществом как государственное; производить ремонт культовых зданий, а также нести расходы по отоплению, страхованию, охране, оплате налогов и т.д.; возмещать ущерб государству при порче и недостатке имущества; использовать здание исключительно для удовлетворения религиозных потребностей; иметь инвентарную опись всего культового имущества; обеспечивать беспрепятственный допуск в любое время (за исключением того времени, когда совершаются религиозные обряды) представителей городских советов или волостных и районных исполкомов и сельских советов к проверке имущества. Молитвенные здания,

имевшие историческое и художественное значение, передавались на аналогичных условиях, но при этом ещё учитывались правила об охране памятников искусства и старины.

Получив разрешение от властей на легальную деятельность, религиозные объединения попадали под всеобъемлющий контроль органов советской и государственной власти. При этом механизмы осуществления такого контроля зачастую маскировались под разного рода хозяйственно-имущественные проверки. Легитимность последних была закреплена в вышеупомянутых типовых договорах между религиозными объединениями и исполкомами райсоветов. В соответствии с ними, религиозное объединение «...обязалось беспрепятственно допускать в не богослужebное время представителей райсовета депутатов трудящихся и Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по ТАССР к периодической проверке и осмотру имущества»¹³⁵. Однако в большей степени эта возможность использовалась властями для наблюдений и контроля совсем иного рода. Перманентные визиты вышеупомянутых должностных лиц позволяли следить за половозрастным составом, тенденциями, настроениями, доминирующими в тот или иной период в религиозных объединениях. Затем сообразно собранным сведениям выработывалась или корректировалась линия поведения в отношениях с ними.

При нарушении верующими каких-либо пунктов договора об аренде, советские органы власти имели юридическое право на его расторжение. Найти же взамен изъятого новое молитвенное здание было весьма затруднительно, так как это встречало массу искусственно создаваемых преград со стороны местных властей. В то же время одним из главных условий положительного решения по ходатайству верующих о регистрации и, следовательно, получения религиозными объединениями возможности функционировать легально – было наличие у них молитвенного здания. Таким образом, отсутствие у религиозных объединений прав на владение

недвижимым имуществом, в том числе помещением, где исполнялись религиозные обряды, ставило их в жёсткую зависимость от органов государственной власти.

Формально за верующими сохранялось право на строительство новых молитвенных зданий, «с соблюдением общих для возведения строений техническо-строительных правил, а также особых условий, устанавливаемых НКВД»¹³⁶.

Передача культовых зданий под другие цели осуществлялась по мотивированному (ветхость здания, распад религиозного объединения и т.д.) постановлению ЦИК автономной республики, краевого, областного или губернского исполкома. Верующим предоставлялось право обжаловать это постановление в Президиум ВЦИК, после чего вся документация по делу пересылалась в вышеупомянутый центральный орган власти. В подобных ситуациях молитвенное здание изымалось у верующих только после соответствующего постановления Президиума ВЦИК.

Согласно статье 40 данного Постановления, при закрытии молитвенного здания культовое имущество распределялось следующим образом: предметы изготовленные из платины, золота, серебра, парчи, а также драгоценные камни, зачислялись в государственный фонд и передавались в распоряжение местных финансовых органов или органов Наркомпроса (в том случае если эти предметы состояли на их учёте); предметы, представлявшие историческую и художественную ценность, передавались органам Наркомпроса; предметы, имеющие специальное назначение при отправлении культов (иконы, хоругви, облачения и т.п.), оставались у верующих для переноса в другие молитвенные здания этого культа; колокола, мебель, люстры, ковры и другие предметы обихода зачислялись в государственный фонд и переходили в распоряжение местных финансовых органов или Наркомпроса¹³⁷.

Как и в любой другой области жизни Советского общества на каждого маломальски значимого участника религиозного объединения органами

власти заводилась учетная анкета, степень подробности которой зависела от статуса опрашиваемого в религиозном мире. К примеру, минимальные сведения запрашивались с членов «двадцаток», т.е. учредителей религиозного объединения. Наиболее подробная информация собиралась о членах советов религиозного объединения. Это было вызвано тем, что данная группа людей (в их числе и служитель культа), как правило, выступала инициатором образования того или иного религиозного объединения, а затем становилась её костяком и цементирующим элементом. Она проявляла наибольшую активность в части реализации своих прав на удовлетворение культовых потребностей и таким образом являлась основой религиозного социума в целом, а для властей одним из наиболее неблагонадёжных слоёв общества, о котором необходимо было собрать исчерпывающую информацию. Следует сказать, что для служителей культа была предусмотрена индивидуальная анкета, в сравнении с приведённой выше, менее подробная. Видимо, это объясняется тем, что основные сведения о себе они представляли как о председателях церковных советов.

В Постановлении от 8 апреля 1929 г. выразилось стремление властей полностью «вытеснить» религиозные объединения из общественной жизни страны. В этой связи им запрещалось: оказывать материально-финансовую помощь своим членам, организовывать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения; организовывать специальные детские, юношеские, женские молитвенные собрания, устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки, организовывать санатории и оказывать лечебную помощь¹³⁸. Как уже упоминалось ранее, согласно пункту 54 Постановления религиозным обществам и группам разрешалось организовывать складчины и добровольные пожертвования, однако при этом возможность их использования ограничивалась целями, связанными только лишь с содержанием молитвенного здания, культового имущества и оплаты услуг священнослужителей¹³⁹. Таким образом, религиозным объединениям запрещалась любая внекультовой деятельности, в первую очередь

благотворительность, которая могла создать позитивное общественное мнение о верующих и духовенстве.

Властями чётко регламентировался порядок и условия организации духовенством и верующими собраний и съездов различных уровней. Исполнительным органам и ревизионным комиссиям религиозных объединений разрешалось собираться для решения финансово-хозяйственных вопросов без уведомления об этом органов власти. Общие собрания религиозных обществ и групп верующих, не связанные с отправлением культовых потребностей, могли проводиться только с разрешения исполнительных комитетов районного и городского Совета депутатов трудящихся. Верующим и духовенству разрешалось организовывать религиозные съезды на местном, всероссийском и всесоюзном уровнях, однако в каждом из этих случаев религиозным объединениям необходимо было получить разрешение от НКВД РСФСР в том случае, «если созывается всероссийский или всесоюзный съезд на территории РСФСР или если съезд охватывает территорию двух или более краев, областей и губерний»¹⁴⁰. Проведение республиканских, областных и краевых съездов санкционировалось органами власти данных административно-территориальных образований.

Государство вмешивалось и во внутренние дела духовенства. Так, в Постановлении оговаривалась территория деятельности служителей культа, — «местожительством членов обслуживаемого ими религиозного объединения и местонахождением соответствующего молитвенного помещения»¹⁴¹. Помимо этого, под строгим контролем властей находились доходы духовенства и религиозных объединений. В этой связи была введена плата за исполнение религиозных обрядов, которая фиксировалась в определённых квитанциях. В неё входили: заявление верующего с указанием собственных данных, фамилии служителя культа и наименования обряда; отрывной талон, выдаваемый верующему с указанием уплаченной суммы; отрывная часть квитанции выдаваемой священнослужителю перед выходом

на дом для исполнения обряда.

Говоря о духовенстве, необходимо отметить, что на них не распространялись общие нормы трудового законодательства, страхования и начисления пенсии. Размеры заработной платы и пенсии священнослужителей устанавливало государство, а выплачивало – религиозное общество. При этом взимаемый с духовенства налог был значительно выше того, который взимался с большей части граждан страны. В этой связи, неофициальной и едва ли не основной статьей доходов служителей культов были частные «подношения» верующих.

Постановление от 8 апреля 1929 г. с последующими изменениями и дополнениями, являлось основополагающим законодательным актом в области государственно-конфессиональных отношений, вплоть до принятия в 1990 г. Верховным Советом СССР Закона «О свободе совести и религиозных организациях».

Принятие данного Постановления подкреплялось практическими действиями: начался процесс массового закрытия культовых зданий. К примеру, в 1928 г. было закрыто 534 церкви; в 1929 г. - 1129; в 1937 г. - более 8 тыс. В Москве из 600 православных церквей к концу 30-х годов действовали только

Закрытие храмов часто сопровождалось их варварским разрушением. Только в Москве было уничтожено несколько десятков храмовых зданий, в том числе особо почитавшихся верующими и имевших большую историко-архитектурную и эстетическую ценность. В 1931 г. был взорван храм Христа Спасителя - самый большой храм в России, являвшийся памятником победы в Отечественной войне 1812 г. Тогда же были закрыты все еще сохранившиеся на территории СССР монастыри. При закрытии храмов и монастырей происходило уничтожение храмовой утвари, а порой и икон. Сожжения икон проводились публично и обставлялись как антирелигиозные мероприятия. Однако многие иконы были сохранены и размещены в музеях, действующих храмах, у населения.

Антирелигиозная пропагандистская кампания достигла небывалого раз- маха. Созданный в 1925 г. Союз воинствующих безбожников объявил в 1932 г. о начале "безбожной пятилетки", к концу которой религия на территории СССР должна была быть полностью искоренена. Одновременно развернулись репрессии против духовенства. Священнослужителей обвиняли в шпионаже, совершении террористических актов, создании подпольных организаций, подготовке мятежей. В связи с принятием Постановления от 8 апреля 1929 г. активно муссировался вопрос о «контрреволюционной султангалиевщине» с целью полного идейного разгрома ее последователей как пособников национализма и религии. Бюро Татарского обкома в октябре 1929 г. решило разослать кантонным коми- тетам резолюцию о «султангалиевщине», указав на связь её представителей с духовенством.

Ввиду сложного положения ЦДУМ и религиозных дел в целом муфтий Р. Фахретдинов, являвшийся председателем ЦДУМ, вынашивал идею закрытия этого органа, надеясь этим актом привлечь внимание властей. В письме всем членам ЦДУМ и Совета улемов Р. Фахретдинов убеждал их в пользе его закрытия, что, по его мнению, заставило бы Советскую власть изменить свое отношение к религии. В то же время и Башкирский ЦИК предлагал перевести ЦДУМ в Казань или вообще закрыть, на что Антирелигиозная комиссия ЦК сообщила о своем несогласии.

В мае 1930 г. Р. Фахретдинов явился в Постоянную комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК и изложил сложившееся положение дел: принудительное закрытие мечетей, наложение непосильных налогов на религиозные структуры, соответственно, штрафы и аресты за их неуплату, раскулачивание служителей культа, их высылка на принудительные работы, аресты, конфискации личного имущества верующих, изъятие у них Корана и других религиозных книг, ограничения и запрещения проведения собраний... После встречи с Р. Фахретдиновым П. Смидович пишет М. Калинин: «Все религиозные организации мусульман находятся накануне полнейшего разрушения и исчезновения с лица земли.

Пока закрылось 87% мухтасибатов, из 12000 мечетей закрыто более 10000, от 90 до 97% мулл и муэдзинов лишены возможности отправлять культ... Положение по мусульманскому культу хуже, чем по другим культурам, но в общем рисует характерную для всех культов картину...»¹⁴². Принятый по этому поводу очередной циркуляр по существу уже ничего не менял. Дело было сделано, обратного хода быть уже не могло.

Президиум ВЦИК 23 июля 1931 г. организует комиссию (в составе: Хазбулат - от ВЦИК, Соколовский - от НКО, Урманов - от НКП, Алтай - от ОК ВКП(б), Рогожников - от Башкирского ПС) под председательством Хариса Кальметьева для анализа жалоб и ходатайств, поступивших из Башкирии в Постоянную комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК. Содержание рассмотренных материалов характерно для всех республик. Речь шла в основном о проверке соблюдения Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и других законодательных актов.

После изучения вопроса комиссия пришла к выводу, что все жалобы рассматривались оперативно, а допускавшиеся нарушения действующих законоположений являлись следствием непонимания значения антирелигиозной работы в условиях жестокой классовой борьбы и политической близорукости некоторых руководителей сельского совета. Характерно, что почти все «нарушения» допускались в целях достижения сокращения количества молитвенных зданий, либо понуждения служителей культа отказаться от службы. Они выражались в «чрезмерном обложении страховыми сборами и налогами молитвенных зданий» и «переоценки их без законных на то оснований», установлении «твердого задания по госзайму», «предъявлении непосильных требований ремонта», «собрании всякими способами подписей на закрытие молитвенных зданий», в виде «явного и открытого администрирования собраний, проводимых с целью закрытия молитвенных зданий», и т.д. Обращения представителей духовенства с жалобами в различные инстанции, в том числе во ВЦИК, как правило,

оставались без внимания.

Руководство страны осуществляло деятельность, направленную как на ограничение гражданских прав служителей культа, так и на их административное и уголовное преследование. По Республике Татарстан установленное число мусульманских священнослужителей, подвергшихся репрессиям, составляет свыше 300 человек¹⁴³, по Республике Башкортостан – 588¹⁴⁴. Репрессии не обходили стороной и лиц, ранее занимавшихся религиозной деятельностью, но потом добровольно отрекшихся от сана. Репрессии в отношении мусульманского духовенства были сопряжены с «ликвидацией кулачества как класса»: служителей культа приравнивали к классу эксплуататоров и они оказались под двойным ударом. По хозяйственным признакам они подгонялись под кулацкие элементы и рассматривались одновременно в качестве носителей враждебной идеологии.

Во многом показательным является пример с инспирированным властями делом о контрреволюционной татарской националистической организации в Башкирской АССР в 1930-х гг. Во главе этой организации «оказались» крупные религиозные деятели: зампреда Духовного управления мусульман Европейской части и Сибири (ДУМЕС) К.К. Тарджиманов, известный богослов-реформатор, член ДУМЕС З.Я. Камалетдинов. Четверых участников (А.Х. Шамсутдинов - до ареста муллы татарской мечети в Москве; Г.Г. Гимуш - работник Заготэксперта в Ташкенте, А.Г. Казаков - бывший купец, А.В. Файзуллин - без определенных занятий) на основании ст. 58-1 «а» УК РСФСР приговорили к высшей мере наказания - расстрелу с конфискацией лично принадлежащего им имущества. Военная коллегия Верховного суда СССР 17 марта 1956 г. в процессе пересмотра этих дел пришла к заключению, что в архивных материалах КГБ и МВД СССР нет никаких данных, свидетельствующих о существовании на территории СССР татарской националистической организации и о принадлежности к агентуре иностранных разведок осужденных по данному делу лиц. Было установлено, что расследование

этого дела велось необъективно, с грубым нарушением закона, с применением физического воздействия, в результате чего у арестованных «выбивались» вымышленные показания в отношении себя и других лиц.

Так, осужденный по этому делу бывший зам. председателя ДУМЕС К.К. Тарджиманов, который якобы и создал националистическую организацию, чьи «признательные» показания были положены в основу обвинения подавляющего большинства лиц, проходивших по делу, в своих жалобах заявил, что никакого преступления он не совершал, а на предварительном следствии вынужден был оклеветать себя и других в результате применения к нему незаконных методов ведения следствия. На суде он подтвердил свои клеветнические показания, так как накануне следователь его предупредил, что если он откажет-ся от своих показаний, то вся его семья будет репрессирована.

В результате правового беспредела К.К. Тарджиманов и З.Я. Камалетдинов, осужденные в январе 1937 г. на 10 и 7 лет соответственно, в октябре 1938 г. были этапированы из лагерей в Уфимскую тюрьму, где в течение года подвергались изнурительным допросам и пыткам. Они вновь обвинялись в создании на территории Башкирии, Татарии и ряда других областей Советского Союза контрреволюционной панисламистской повстанческой организации и в связях с белоэмигрантскими контрреволюционными организациями в Турции и Германии, а также японской разведкой. На допросах Тарджиманов признался, что «он по заданию руководителей белоэмигрантской контрреволюционной организации «Идель-Уральского комитета» Тукумбетова и Галимджана Идриси, с которым имел личную встречу в Берлине в 1925 г, создал организацию,... ставившую своей целью путем вооруженного восстания свержение Советской власти и установление независимого мусульманского государства».

Тоталитарное закрытое общество боялось внешнего влияния, тем более, что за рубежом оказались крупные интеллектуально-творческие силы.

Напри- мер, в Турцию выехали крупные ученые: Габдел-Бари Баттал-Таймас, Ахмет- Заки Валиди-Тоган, Садретдин Максуди-Арсал, Фуад Туктаров (Усал), Ахмет Таир Яруллин, Хамит Зубаир бек Кашай, продолжавшие плодотворно работать. Большевицкий режим нагнетал обстановку, пугая народ опасностью капиталистического окружения, возможностью агрессии буржуазных стран, что подталкивало на поиск «врагов-предателей» и шпионов. Духовенство рассматривалось в качестве потенциального союзника вражеских сил. Стало обычной нормой преследование членов семей и родственников осужденных. Репрессии против духовенства и кулаков сопровождались конфискацией имущества, что оборачивалось трагедией для всех членов семьи. Их или выселяли на улицу, или ссылали вместе с главой семьи в «отдаленные районы».

Таким образом, в 20 - 30-е годы определились все основные элементы антирелигиозной политики советского государства, которые выражались в следующих направлениях:

1. Политическое (преследование духовенства как представителей господствующего класса, а конфессиональных объединений – как политических организаций).
2. Правовое (новый политико-правовой статус церкви, лишение гражданских прав, отсутствие гарантии свободы совести).
3. Экономическое (подрыв организационно-хозяйственных основ конфессиональной деятельности).
4. Идеологическое (признание за атеизмом статуса государственной теории и разоблачение религиозного мировоззрения в качестве инварианта буржуазного мировоззрения).

Однако социальный и духовный «материал» сопротивлялся насилию. Параллельно с трескучими самовосхвалениями главного безбожника СССР Ем. Ярославского (председатель СВБ) об огромных успехах на антирелигиозном фронте поступали сведения, содержащие достаточно объективную оценку ситуации. Народный комиссар внутренних дел

Узбекской ССР Загвоздин в январе 1936 г. в специальной записке о мусульманском духовенстве докладывал, что «общее количество мечетей пока не уменьшается, а в 1935 г. даже несколько увеличилось. Всего в Узбекистане действующих мечетей 2124. В 1935 г. вновь открыто и реставрировано (ранее недействующих) 51 мечеть». Далее, в соответствии с требованием поиска врагов, сообщалось, что мусульманское духовенство сохраняет влияние на население и имеет «способность действовать организованно». В подтверждение этого сообщалось, что в 1935 г. была вскрыта организация мусульманского духовенства, возглавляемая Пир Ишан Абдул Муталиб Сатыбалдыевым, и был организован над ней гласный процесс. Утверждалось, что эта организация ставила задачу под прикрытием религиозной деятельности подготовить повстанческие кадры, «осуществляя задания, получаемые из Кабула от бывшего руководителя басмачества Ферганской долины Курширматова».

Политика советского государства в области религии и атеизма представляет причудливое соединение социокультурной и идейной традиции русского радикализма и марксистской доктрины, «пересаженной» на евроазиатскую почву. Свойственное большевистской концепции (завоевания политической власти и строительства нового общества) материалистическое мировоззрение, отвергающее религиозное сознание, явилось доктринальным и программным фундаментом репрессивной антирелигиозной политики. В.И. Ленин вслед за К. Марксом подходил к религии с сугубо классово-политической точки зрения: она подлежала преодолению в период социалистического строительства, будучи несовместимой с коммунистической идеологией.

Пренебрежение религиозными чувствами людей при закрытии церквей, гонения и преследования верующих и служителей культа ожесточали людей, раскалывали общество, разжигали «мученический» фанатизм, что наблюдалось особенно в период «великого перелома», в годы коллективизации. Боевое наступление партийно-государственной структуры

на «антирелигиозном фронте» и религиозный фанатизм, открытые антисоветские настроения внутренне ожесточенно подпитывали друг друга.

Конечно, распространение естественнонаучных знаний, ликвидация неграмотности позитивно влияли на развитие культуры и образования. Однако узкоклассовый идеологизированный подход в вопросах духовного развития ужесточал социально-психологическую атмосферу, проводил в обществе линию раздела людей на верующих и атеистов. Верующие оказывались людьми второго сорта. Прямое отрицание религии оборачивалось расшатыванием духовно-нравственных начал, моральной дезориентацией общества.

Общеполитическая ситуация в СССР в конце 1930-х гг. характеризовалась наступлением «большого террора», целью которого было окончательное установление тоталитарного режима в стране. Репрессиям оказались подвергнуты все социальные слои Советского государства, что, в свою очередь, обусловило создание идеальных условий для тотальных репрессий в отношении изначально чуждого официальной идеологии социума – верующих и духовенства. В ходе антирелигиозной кампании, на рубеже 30-40-х гг., они в полной мере ощутили свое несправедливое. Тезис Сталина об усилении классовой борьбы в условиях наступающего социализма, выразился не только в усилении атеистической пропаганды, но и в активизации деятельности силовых ведомств против религиозных объединений. По всей стране прокатилась волна репрессий в отношении верующих и особенно духовенства.

Средства пропаганды представляли верующих «противниками социализма и советского строя»¹⁴⁵, а служители культа изображались как «явная или скрытая контрреволюционная сила»¹⁴⁶. Проявлением нового натиска на религию стало возобновление в 1938 г. издания газеты «Безбожник», приостановленное в 1934 г. В обстановке преследований и гонений значительная часть духовенства была вынуждена оставить свою деятельность, а те, кто этого не сделал – большей частью подверглись

репрессиям. Так, согласно сведениям Д.В. Поспеловского, «в течение 30-х годов число священников на исконной территории Советского Союза понизилась на 95%»¹⁴⁷. По данным Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий всего за годы Советской власти репрессиям были подвергнуты 500 тысяч религиозных деятелей, из них 200 тысяч были казнены¹⁴⁸. Незначительная часть духовенства, сумевшая избежать прямых репрессий, была взята на особый учёт. Каждый служитель культа был обязан пройти через подробное анкетирование, которое определяло степень лояльности этого лица к существующему режиму. Деятельность оставшихся религиозных объединений находилась под надзором сотрудников и негласных осведомителей НКВД. В случае обнаружения ими каких-либо нарушений законодательства о культах, представители духовенства и верующих подвергались аресту.

Нельзя утверждать, что факты грубого администрирования, преследований, гонений и репрессий воспринимались верующими и духовенством совершенно безропотно. Единственной формой проявления несогласия с действиями местных органов власти было составление жалоб в адрес вышестоящих инстанций или в орган власти, призванный осуществлять контроль за соблюдением законодательства о культах. Однако, во время антирелигиозной кампании было осуществлено мероприятие, имевшее целью лишить религиозные объединения правовой поддержки, которую на протяжении более чем двадцати лет, в основном формально, обеспечивало само же государство. Более того, «в середине 37-го года среди партийного и советского актива получило широкое хождение... мнение о необходимости полной ликвидации законодательства о культах»¹⁴⁹. В русле таких тенденций в 1938 году была упразднена Постоянная комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР. Отныне вплоть до 1943 г. верующие и духовенство фактически потеряли возможность обжаловать факты грубого и не скрываемого нарушения их прав в инстанцию, которая

хоть и достаточно редко, но вставала на защиту интересов религиозных объединений.

За более чем четверть века фронтального натиска на религию, её объединения потеряли своё значение и статус достаточно самостоятельных и влиятельных институтов общества, каковыми они являлись до 1917 г. Более того, к началу Великой Отечественной войны религиозная политика Советского государства (в сущности являвшаяся антирелигиозной) почти достигла своей цели. Было построено общество, в котором атеизм стал доминирующей формой сознания подавляющего большинства её индивидов. По данным исследований тех лет, численность верующих сокращалась с каждым днём и наоборот, число деревень, посёлков, городов и районов, в которых не было ни одного официально действующего молитвенного здания и религиозного объединения, постоянно увеличивалось.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны в результате массовой идеологической работы атеистической пропаганды, репрессий в отношении верующих и духовенства, а также после трёх общесоюзных анти-религиозных кампаний, религиозные объединения находились на грани полного уничтожения.

ГЛАВА 7. РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ.

Ситуация существенно изменилась в 1941 г. с началом Великой Отечественной войны. Представители всех конфессий, действовавших на территории СССР, выступили с патриотическими воззваниями к своим последователям. В первый же день войны с призывом к консолидации против внешнего врага выступил митрополит Сергей, фактически возглавлявший Русскую православную церковь в течение 17 лет. В его пастырском послании, разосланном по всем приходам, были следующие слова: «Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. ... Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своём долге пред Родиной...»¹⁵⁰ С июня месяца 1941 г. по август 1944 г. было опубликовано 30 обращений митрополита (с сентября 1943 г. – патриарха Московского и Всея Руси) Сергия к духовенству и верующим с призывом к сплочению в борьбе за Родину.

С патриотическим призывом выступили и представители ислама, второй по численности конфессии в СССР. В обращении ЦДУМ также основное внимание акцентировалось на необходимости сплочения против внешней угрозы. В частности, в нём говорилось: «Центральное духовное управление мусульман СССР призывает всех правоверных встать на защиту родной земли, молиться в мечетях за победу Красной Армии и благословить своих сыновей, сражающихся за правое дело»¹⁵¹.

Патриотическая деятельность верующих и духовенства выражалась в самых различных формах, начиная от непосредственного участия в боевых действиях на фронте и заканчивая сбором в тылу материальных средств в фонд Красной Армии. К примеру, в одном из своих воззваний от 14 октября 1941 г. митрополит Сергей призвал верующих «пожертвованиями содействовать нашим доблестным защитникам», а в декабре 1942 года по его

же инициативе был начат сбор средств для формирования танковой колонны имени Дмитрия Донского. В Татарской АССР религиозными объединениями городов Казани и Мензелинска к марту 1944 г. в фонд обороны страны было собрано 1272, 4 тыс. руб., кроме того, государству было сдано около 4 фунтов золота и собраны подарки бойцам и командирам Красной Армии - всего 476 предметов¹⁵².

Тот факт, что религиозные организации заняли патриотическую позицию и выразили готовность всемерно поддержать и оказать содействие Советскому правительству в его борьбе с внешним агрессором, стало логическим продолжением курса религиозных организаций на «мирное сосуществование» с враждебно настроенной по отношению к ним властью. По словам А.Б. Юнусовой, «и до войны как церковь, так и верующие зачастую активно поддерживали всевозможные начинания и кампании советов, ...не противопоставляли себя стране и властям»¹⁵³. Новым же явлением во взаимоотношениях государства и церкви стала ответная реакция властей, выразившаяся в существенной либерализации религиозной политики. Причиной этих шагов стала ситуация как внутри страны, так и за рубежом.

Жесткий контроль, установленный сталинским режимом над всеми сторонами общественной жизни, в т.ч. духовной, подавление любых проявлений несоответствия с советским образом жизни и мышления, в условиях войны был невозможен. Как известно, социальные катаклизмы, к числу которых относятся войны, обуславливают эмоциональный кризис у большинства индивидов общества. В такие периоды актуализируются и становятся особенно востребованными стабилизирующие и интегрирующие функции религии. Поэтому неудивительно, что в эти годы многие верующие стали открыто выражать свою приверженность к той или иной конфессии, посещая молитвенные здания и отправляя обряды, игнорируя тем самым многие запреты и ограничения. По справедливому замечанию А.В. Малашенко, «во-первых, война объективно способствовала усилению

религиозности... Во-вторых, в годы войны апелляция к религиозным чувствам способствовала консолидации советского народа»¹⁵⁴.

Одной из причин, повлекших корректировку религиозной политики, стала международная ситуация данного периода. Перед Советским Союзом, в одиночку ведущим войну с фашистской Германией, стояла важная задача – открытие второго фронта. В этих условиях демократизация некоторых сторон жизни Советского общества могла благоприятно сказаться на ходе переговоров с союзниками. Дело в том, что с целью скорейшего открытия второго фронта на лидеров стран-союзниц оказывалось значительное давление со стороны различных общественных организаций этих государств. В Великобритании таким являлся Объединённый комитет помощи СССР, возглавляемый настоятелем Кентерберийского собора Х. Джонсоном. В свою очередь, англиканская церковь, представителем которой являлось вышеупомянутое лицо, настойчиво добивалась разрешения Сталина посетить Советский Союз. Чтобы произвести «нужное» впечатление на делегацию, Советскому правительству было необходимо пересмотреть некоторые самые жёсткие и одиозные моменты в своей религиозной политике. К тому же, по словам Д.В. Поспеловского, «Черчилль и Рузвельт дали ему (т.е. – Сталину) понять, что настроить общественное мнение их стран в пользу Советского Союза могут сведения о религиозной свободе в СССР»¹⁵⁵. Поэтому не случайно официальное признание властями заслуг религиозных организаций и верующих произошло накануне переговоров на высшем уровне в Тегеране.

Таким образом, по совокупности причин и обстоятельств, к осени 1943 г. Советским правительством была осознана необходимость заключения своеобразного перемирия с духовенством. Ввиду того, что большая часть верующих Советского Союза являлись приверженцами Русской православной церкви, первый шаг к нормализации отношений между государством и религиозными организациями был сделан в отношении именно этой конфессии. В сентябре 1943 г. состоялась встреча И.В. Сталина

с главами Русской православной церкви, в ходе которой были приняты решения, ознаменовавшие новый этап в отношениях государства и религии. На практике это выразилось в санкционировании проведения Поместного собора (основной целью которого было избрание патриарха), смягчении налогового законодательства в отношении зарегистрированных служителей культа (постановление СНК СССР за N2584 от 3 декабря 1946 г. «О порядке обложения налогами служителей культов»), освобождении их от призыва по мобилизации (постановление комиссии при СНК СССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации принятое 26 февраля 1945 г.), предоставлении религиозным организациям ограниченных прав юридического лица (постановление СНК СССР от 28 января 1946 г. «О молитвенных зданиях религиозных культов»), разрешении издавать «Журнал Русской патриархии» и других действиях государства.

Потепление отношений между государством и Русской православной церковью распространилось также и на другие конфессии, действовавшие на территории Советского Союза. Эпохальным событием для мусульман страны, стало разрешение на совершение хаджа группе верующих из 17 человек, в которой квота от Татарской АССР составляла два человека. В 1946 г. Советом по делам религиозных культов (СДРК) при СМ СССР по согласованию с директивными органами было разрешено ЦДУМ издать мусульманский лунный календарь. В 1943 г. в дополнение к действующему ЦДУМ (с центром в г. Уфе), были образованы ещё три духовных управления мусульман - Северного Кавказа (в Буйнакске), Закавказья (Баку), а также Средней Азии и Казахстана (Ташкент). Таким образом, государство стремилось воздействовать на сознание верующих с целью дальнейшего стимулирования и усиления их патриотической деятельности.

Среди вышеперечисленных духовных управлений мусульман статус неформального лидера приобрело Среднеазиатское духовное управление, в ведении которого находилось единственное на территории СССР высшее мусульманское учебное заведение – медресе Мир-Араб (г. Бухара). В этой

связи «прочие духовные управления стали рассматриваться властями как второстепенные, представляющие периферию «советского ислама»¹⁵⁶.

Относительная нормализация государственно-конфессиональных отношений в 1943-1948 гг. вызвала необходимость создания нового органа власти, способного осуществлять связь между правительством и религиозными объединениями в новых условиях с учётом либерального характера перемен в религиозной политике Советского государства. Исходя из этого, создаваемый орган власти в своей структуре и форме деятельности не мог ориентироваться на существовавшие в 1920-1930-е гг. государственные учреждения, скомпрометировавшие себя крайне жёсткими действиями в отношении конфессиональных объединений. По этой же причине новый орган власти также не мог находиться в ведении НКВД, в структуре которого действовал специальный «церковный» отдел, с 1938 г. единолично осуществлявший контроль над религиозными организациями; поэтому было решено основать его при СНК СССР.

В контексте этих событий вначале был образован Совет по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) при СНК СССР, а позднее, в мае 1944 г. – Совет по делам религиозных культов СДРК при СНК СССР. Оба совета вплоть до 1991 г. (в 1965 г. произошло их слияние в единый орган – Совет по делам религиозных культов (СДРК) при Совете Министров СССР) находились под опекой идеологического отдела ЦК КПСС и отдела по делам религий КГБ.

Новые структуры власти были призваны осуществлять связь между правительством и религиозными объединениями. К примеру, непосредственные функции СДРПЦ при СНК СССР заключались в «предварительном рассмотрении вопросов, возбуждаемых патриархом Московским и всея Руси и требующих разрешения Правительства СССР»¹⁵⁷. Значительное внимание в деятельности Совета уделялось также разработке проектов законодательных актов и постановлений по вопросам состояния религиозных организаций, а также различных инструкций и указаний.

После того, как были сформированы центральные аппараты Советов, были утверждены их уполномоченные в большинстве союзных, автономных республик, краёв и областей. По распоряжению заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова от 29 марта 1945 г. уполномоченные по своему статусу были приравнены к начальникам управлений союзных, автономных республик.

Функции и сфера деятельности уполномоченных были утверждены в Положениях о Советах. В частности, согласно Положению о СДРПЦ его уполномоченные должны были осуществлять «наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь на всей территории СССР законов и постановлений Правительства СССР, относящихся к Русской православной церкви; представление Совнаркому СССР заключений по вопросам Русской православной церкви; общий учёт церквей и составление статистических сводок по данным, представляемым местными органами»¹⁵⁸. Таким образом, уполномоченные были призваны стать непосредственными исполнителями и проводниками религиозной политики Советского государства на местах.

Для властей основным показателем, выражавшим усиление религиозных настроений среди населения, стали массовые заявления верующих с просьбой о регистрации религиозных объединений и открытия при них молитвенных зданий. До сентября 1943 г., то есть официального начала либерального курса в религиозной политике, ходатайства верующих оставались без положительных решений и это понятно, так как в условиях тоталитарного режима без соответствующих директив «сверху» представители власти на местах не могли самостоятельно изменить своего отношения к столь важному и ключевому вопросу.

Сообразно с новыми реалиями существенным изменениям подверглась и деятельность СВБ – массовой атеистической организации, призванной вести агитационно-пропагандистскую работу среди верующих. Центральный Совет СВБ предписал областным, краевым и республиканским отделениям в своей деятельности руководствоваться незыблемой на его

взгляд аксиомой о том, что усиление религиозности среди значительной части населения представляет собой временное явление, вызванное исключительно обстоятельствами военного времени.

Серия законодательных актов, ознаменовавших официальное изменение курса в религиозной политике Советского государства в сторону её либерализации, обусловила удовлетворение властями в середине 1940-х гг. некоторой части ходатайств верующих о регистрации религиозных объединений. Например, в Татарской АССР с 1944 по 1947 гг. подверглись перерегистрации и регистрации 34 религиозных объединения (без учёта объединений Русской православной церкви городов Казани и Мензелинска), что, безусловно, стало отражением либерализации курса государства в отношении религии.

О высоком уровне религиозности населения в тот период свидетельствует такой пример. 15 ноября 1945 г. в Татарской АССР необычайно торжественно и широко прошло празднование Курбан-байрама. В нём приняли участие ориентировочно 24000-25000 человек, причём половина из них была представлена молодёжью и людьми среднего возраста¹⁵⁹. Шествие к местам исполнения намаза сопровождалось пением «Такбир» (произнесение молитвенной формулы Аллаху акбар («Аллах – велик!»)). В мечети Марджани (единственной официально действующей мечети города Казани) на праздничный намаз собралось около 12000–13000 человек¹⁶⁰. Среди них были замечены и люди в военной форме, которые были не только участниками богослужения, но и сами осуществляли жертвоприношения. Ещё одной особенностью празднования Курбан-байрама в 1945 г. стала значительная численность участвовавших в нём детей школьного возраста и женщин. Последним была предоставлена возможность провести молебен 17 ноября в мечети Марджани, где численность собравшихся составила 1500 – 1800 человек¹⁶¹.

В этот день почти во всех деревнях республики были проведены богослужения в частных домах и на кладбищах. Ими руководили бывшие

муллы и старики, хорошо знающие обряды ислама. Например, в деревне Кляшево Тетюшского района ТАССР на праздничный намаз в пустующей мечети собралось более 60 человек, из них 30% – пожилых, 40% – среднего возраста и 30% – молодёжи (1928-1930 г.р.). При этом было зарезано 15 овец, причём один из обрядов жертвоприношения исполнил председатель колхоза¹⁶².

Видимо причиной столь активного выражения мусульманами республикисвоей религиозности стал эмоциональный подъём, наступивший в советском обществе в послевоенный период. Долгожданная победа в Великой Отечественной войне, радость возвращения домой победителей, за спасение жизней которых молились их родные и близкие, переоценка духовных ценностей за годы войны некоторой частью самих военнослужащих, относительная лояльность властей по отношению к религии – всё это в совокупности определило необычайно высокий уровень религиозной активности населения в первый послевоенный праздник Курбан-байрам. В последующие годы подобной массовости среди верующих уже не наблюдалось.

Из вышесказанного видно, что в данный период к религии обратились не только люди пожилого возраста, но и достаточно молодые и социально активные слои населения республики. Данная тенденция была характерна не только для приверженцев ислама, но также и для представителей других конфессий.

В 1948 г. впервые за 22 года был созван меджлис Центрального духовного управления мусульман (переименованного на съезде в Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири - ДУМЕС), сам факт созыва которого в истории государственно-религиозных отношений в Советском государстве является едва ли не исключительным. Однако решения, принятые на съезде, лишь подтвердили ограниченность прав, какими обладали верующие и духовенство в 1920-1940-е гг. Из ведения Духовного управления были изъяты такие полномочия как право

организовывать конфессиональные школы и курсы для подготовки служителей культа, образовывать новые мухтасибаты, составлять метрические книги и др. В его компетенции оставались функции богословского характера, а также отныне ему предписывалось вести учет мечетей и молитвенных домов. Политическая конъюнктура той эпохи, даже на фоне либерализации государственно-религиозных отношений, не позволяла ставить вопрос о полном восстановлении прав верующих и духовенства.

Завершение краткосрочной разрешительной политики Советского государства в отношении религии совпало по времени с окончанием послевоенного периода. Это служит доказательством тому факту, что лояльная религиозная политика для Советского режима являлась мерой вынужденной и временной. Задачи, вызванные условиями военного времени, такие как консолидация советского общества перед угрозой внешнего врага, создание благоприятного образа перед союзными державами, трудности послевоенного периода – перестали быть приоритетными. К тому же, в этот же период заканчивается кампания Московского патриархата по установлению связей с зарубежными православными церквями, в результате которой в 1946–1948 гг. под юрисдикцию Московской патриархии перешли Русские духовные миссии в Болгарии, Югославии, Румынии, Австрии, Чехословакии, Китае. После выполнения религией отведённой ей миссии государство более не считало нужным продолжать в её отношении либеральный курс.

ГЛАВА 8. ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ (СЕРЕДИНА 50-Х -НАЧАЛО 60-Х ГГ.)

Востребованность религии, казалось бы, в большинстве своём уже атеизированном обществе была столь высокой, что ей оказались привержены люди не только преклонного возраста, получившие полноценное религиозное воспитание до 1917 г., но и сравнительно молодая, трудоспособная часть населения. Дальнейшее расширение и углубление «разрешительной политики» для властей становилось опасным.

В лице религии партия видела конкурента, способного успешно влиять на сознание граждан, а это являлось «привилегией» официальной идеологии. Однако, в данной ситуации резкий переход от либеральных тенденций к новой кампании по преследованию верующих, духовенства и закрытию молитвенных зданий был нежелателен, так как в памяти народа были ещё слишком свежи патриотизм и духовно-материальная поддержка религиозных организаций, оказанные государству в годы войны, а также ответная реакция последнего. В этой связи в конце 1940-х гг. со стороны партии и советского правительства не последовало каких-либо громких постановлений и указов, обозначающих коренной переворот в её взаимоотношениях с религией. Тем не менее, некоторые шаги государства обозначили свёртывание либеральных тенденций. Уже через два года после окончания войны, взамен скомпрометировавшего себя в 1920 – 1930-х гг. слишком откровенными антирелигиозными действиями Союза воинствующих безбожников (СВБ), было основано агитационно-пропагандистское общество «Знание». По своим целям и задачам оно во многом копировало СВБ. Новая организация также была призвана вести научно-атеистическую пропаганду среди населения, но без применения актов вандализма, более цивилизованными и мягкими методами. В сущности этот шаг означал реанимирование системы агитационно-лекционной пропаганды

атеизма, которая за годы войны практически сошла на нет.

В 1947 г. впервые после войны на страницах периодических изданий в «мягкой» форме возобновилась антирелигиозная пропаганда. В газете «Комсомольская правда» появились статьи, утверждавшие, что членство в ВЛКСМ несовместимо с верой в Бога. В «Учительской газете» говорилось, что верующий человек не имеет права быть учителем, а также было объявлено о «ложности» теории безрелигиозного образования. По мнению газеты, образование могло быть только антирелигиозным. Идеологический орган КПСС журнал

«Большевик» провозгласил, что борьба против религии – это борьба против реакционной буржуазной идеологии¹⁶³. В Большой Советской энциклопедии в статье «СССР» подчёркивалась непримиримость КПСС к любой конфессии.

Вышеупомянутые антирелигиозные выпады в печати не были случайны. Они явились своего рода предтечей завершения разрешительного периода в религиозной политике Советского государства. В 1948 году Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР разослал своим уполномоченным циркуляр, предписывавший прекратить вынесение положительных решений по ходатайствам о регистрации религиозных общин.

В сложившейся ситуации особое значение приобретали пустующие молитвенные здания, количество которых (особенно в сельской местности) оставалось значительным. С точки зрения властей, последние были не просто местом удовлетворения верующими своих религиозных потребностей, а местом собрания людей с идеологией и мировоззрением, значительно отличавшимися от официальных. Поэтому, в конце 40-х гг. было решено возобновить практику передачи молитвенных зданий культурно-просветительским и хозяйственным учреждениям. При этом они теряли свой первоначальный вид и атрибуты, определявшие их принадлежность к какой-либо конфессии. Таким образом государство решало проблему дефицита

жилых и производственных площадей, а также, что в данном случае было более значимо, изымало из сферы религиозных отношений культовые здания, так как после соответствующего переоборудования они практически не могли быть использованы по первоначальному назначению.

Для властей угроза со стороны культовых сооружений казалась столь серьёзной, что на рубеже 1940–1950-х гг. наметилась тенденция на ликвидацию пустующих зданий мечетей и церквей как очагов «нелегальной» религиозной жизни. Со стороны властей этот процесс инициировался как вынужденная разборка молитвенных зданий, ввиду их якобы аварийного состояния. Сомнение относительно правдивости подобных заключений органов власти вызывает тот факт, что, как правило, оставшийся строительный материал использовался для возведения культурно-просветительских и хозяйственных объектов.

Наряду с выполнением циркуляра о прекращении вынесения положительных решений по ходатайствам верующих о регистрации религиозных объединений местные органы власти усилили работу по борьбе с нелегально действующими религиозными общинами и группами. Значимость данного направления их деятельности вполне объяснима – подавляющее большинство верующих удовлетворяли свои религиозные потребности именно в незарегистрированных религиозных объединениях. Некоторые из них продолжали функционировать ещё с дореволюционного периода, другие организационно оформились позднее, в частности, в период «разрешительной» политики. Тогда власти относились к подобным объединениям достаточно нейтрально, как бы не замечая их существования, но с завершением либеральной эпохи во взаимоотношениях государства и религии, подобная лояльность со стороны властей стала невозможна.

В начале 1950-х гг. увеличивается выпуск литературы антирелигиозного характера. В 1950 г. выходит в свет первый номер сборника «Вопросы истории религии и атеизма», где религия была определена «одним из пережитков прошлого в сознании людей, пережитком

живучим, мешающим части трудящихся, политически менее развитой, сознательно и активно участвовать в строительстве социалистического общества»¹⁶⁴. Здесь же отмечалось, что в СССР в ходе построения социалистического общества были «выкорчеваны социальные корни религии». В этих словах уже нет прежней оголтелой нетерпимости к религии, характерной для 1920-1930-х гг., однако делается явный намёк на тот период, когда осуществлялось «выкорчёвывание социальных корней религии».

В середине 1950-х гг., в условиях общеполитической оттепели в стране, верующие вправе были рассчитывать на более лояльную политику в отношении религии. Однако, в действительности власти не только не ослабили нажим на религию, но и предприняли усилия по ограничению возросшего в военные и послевоенные годы её влияния на общество. 7 июля 1954 г. вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения». В нём отмечалось, что представители Русской право-славной церкви, ислама и сектантов с помощью хорошо отработанных проповедей, умелой индивидуальной работой с каждым потенциальным прихожанином активно привлекают в свои общины и группы молодое поколение, в результате чего «наблюдается увеличение количества граждан, ...отправляющих религиозные обряды»¹⁶⁵. В этой связи постановление предусматривало новое развёртывание массовой атеистической пропаганды по всем направлениям, заключавшееся в усилении лекционной пропаганды, активизации издательства атеистической литературы, разработке и осуществлении выпуска серии полнометражных и короткометражных документальных и художественных фильмов антирелигиозного содержания, усилении воспитательной работы по месту учёбы, работы, службы в духе «воинствующего материализма».

Излишнее рвение и перегибы местных властей в исполнении решений антирелигиозной направленности, вскоре обусловили выход нового постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении

научно- атеистической пропаганды среди населения», призванного исправить и предотвратить наиболее одиозные факты ущемления прав верующих. В частности в нём признавалось, что «имеются граждане, которые, активно участвуя в жизни страны и честно выполняя перед Родиной свой гражданский долг, находятся ещё под влиянием разного рода религиозных верований ...глупо и вредно ставить тех или иных советских граждан под политическое сомнение из-за их религиозных убеждений»¹⁶⁶.

Неудивительно, что подобная «политическая реабилитация» вызвала у верующих новый импульс оптимизма, что выразилось в очередной волне ходатайств верующих о регистрации религиозных общин и групп. По данным уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Татарской АССР в 1957 г. верующими республики было подано 28 подобных заявлений и 50 человек посетили его с ходатайством лично¹⁶⁷. Наиболее настойчивые представители верующих обращались с заявлениями в Совет Министров РСФСР и СССР. Однако функционирование административно-командной системы было выстроено таким образом, что заявление или жалоба верующих для разбирательства «возвращалась» обратно по инстанциям в адрес первичных, местных органов власти, на действия которых жаловались заявители. Анализ таких случаев показывает, что даже при формальном согласии органов центральной власти на регистрацию той или иной общины, окончательное решение в этом вопросе оставалось на усмотрение местных исполкомов райсоветов и горсоветов, которые крайне негативно реагировали на возможность функционирования на их территории религиозного объединения. Согласно конъюнктуре того периода, сам факт функционирования зарегистрированного религиозного объединения на территории того или иного района или города являлся показателем высокой религиозной активности и свидетельствовал о существенных недостатках в атеистической работе местных органов власти. Поэтому последние

стремились не только всячески препятствовать регистрации религиозных объединений, но и сознательно занижали количество нелегально действующих общин и групп при подаче сведений о них уполномоченному.

Окончательное решение по ходатайству верующих во многом зависело от первоначальной справки местных властей о соответствующем религиозном объединении представленной уполномоченному. В этой связи можно сказать, что в рамках генеральной линии партии и правительства в религиозном вопросе проявления антирелигиозной активности на местах во многом зависели от личного отношения к религии представителей местных властей, в частности от председателей тех или иных райисполкомов и сельсоветов. В зависимости от того насколько лоялен или наоборот, враждебно был настроен местный руководитель к религии, зависело быть зарегистрированной или нет той или иной религиозной общине.

Не оказало существенного влияния на положение верующих республики постановление Совета Министров СССР от 17 февраля 1955 г., в соответствии с которым должны были быть зарегистрированы все фактически действующие религиозные объединения (при условии, что у них были в наличии служитель культа и помещение, пригодное для исполнения своих обрядов). При этом сам вопрос о регистрации мог быть поставлен религиозным объединением только в том случае, если оно имело молитвенное здание к 17 февраля 1955 г., т.е. к моменту опубликования данного постановления. Примечательным является то, что в постановлении оговаривалось: какие здания следует считать молитвенными. К их числу относились «специально построенные для отправления культа (мечеть, костёл, церковь, синагога и т.п.), а также помещения, арендуемые у органов коммунального хозяйства или у частных лиц и специально приспособленные для этой цели. Жилые помещения, предоставляемые частными лицами для проведения молитвенных собраний незарегистрированным группам верующих, молитвенными зданиями считаться не могут»¹⁶⁸. Из слов «специально приспособленные для этой

цели» невозможно определить какие же требования необходимо было выполнить верующим в плане технического обеспечения, чтобы обыкновенный дом получил статус молитвенного. Подобные формулировки открывали перед местными властями широкие возможности в поиске формальных причин для отклонений ходатайств верующих. Применительно ко второй части цитаты можно констатировать, что вследствие ветхости и полуразрушенного состояния многих культовых зданий, большая часть нелегально действующих религиозных объединений собиралась для совместного удовлетворения религиозных потребностей именно в частных домах, «неприспособленных специально для этих целей».

Поэтому, если в подборе кандидатур духовенства у верующих не возникало особых сложностей, то в отношении поиска помещения были значительные трудности. Главным образом они инициировались органами местной власти, по мнению которых предлагаемые верующими здания и помещения либо находились в ветхом состоянии, либо на него уже претендовали другие организации, т.е. находилась масса причин и поводов, по которым оно не могло быть передано верующим. Таким образом, это постановление Советского правительства, которое на первый взгляд должно было оказать религиозным общинам и группам значительное содействие в реализации стремлений легализовать собственную религиозную деятельность, в действительности ничем существенно им не помогло.

Как правило, постановления партии и правительства подобного «либерального» характера, содержали определённое количество оговорок, значительно лимитирующих число субъектов и объектов, подпадающих под действие того или иного нормативного документа.

Религиозную политику Советского государства в 1948-1958 гг. можно характеризовать как постепенный процесс смещения и «вытеснения» религии с тех позиций в обществе, которые она заняла в военные и послевоенные годы. Сообразно с этим усиливается борьба представителей местной власти не только с незарегистрированными религиозными

объединениями, но и предпринимаются попытки необоснованного закрытия культовых зданий официально действующих конфессиональных объединений.

Внутриполитическая жизнь страны в конце 1950-х – середине 1960-х гг. во многом была определена решениями XX съезда КПСС. Прочитанный на нём доклад Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» дал импульс процессу обновления общества, освобождению сознания людей от многих идеологических догм и стереотипов. Но для всего периода «оттепели» была характерна некоторая двойственность и незаконченность. Наряду с либеральными процессами в различных областях общественно-политической жизни страны были сферы, где шли обратные процессы.

Нередко противоречия проявлялись даже внутри какой-либо одной составляющей жизни общества и государства. Так, несмотря на смягчение внешнеполитического курса, где основополагающим принципом было признано разделение межгосударственных отношений и идеологической борьбы, которая отныне считалась внутренним делом каждой страны, стали возможны события в Венгрии. Ярче всего демократические процессы в обществе проявились в духовной жизни страны. Но и здесь всё было далеко не однозначно. Хотя в литературе стали возможны публикации произведений по запрещённой ранее тематике, многие из них так и не прошли официальную цензуру, как не прошли её работы многих художников, скульпторов и музыкантов. Степень дозволенности в духовной жизни определялась исходя из того, насколько её проявления вписывались в идеологическую доктрину того периода о развёрнутом строительстве коммунизма. Отсюда выглядит закономерным и отношение высшего партийного руководства, в частности самого Н.С. Хрущёва, к духовной культуре как к чему-то второстепенному, подсобному, призванному обслуживать в постсталинский период интересы новой государственно-партийной номенклатуры. В том случае, если проявления духовной культуры не вписывались в эту схему, то они неизбежно попадали в разряд

произведений, характеризующихся властями как «идеологические диверсии», оказавшиеся подверженными «разлагающему влиянию буржуазной идеологии».

После этого становится понятной, казалось бы, парадоксальная ситуация, когда в условиях политической и духовной «оттепели» одна из составляющих духовной жизни – религия стала объектом нападков со стороны государства. Религия, будучи, в сущности, альтернативой господствовавшей в стране материалистической форме мировоззрения, практически не могла, за редким исключением, быть востребованной советским государством. Поэтому уже через два года после XX съезда КПСС в 1958 г. начинается новый массивный натиск на религию. Провозгласив «развернутое строительство коммунизма», Н.С. Хрущев поставил задачу «преодоления религии как пережитка капитализма в сознании людей». Основной удар был направлен на ограничение влияния Русской православной церкви как конфессии, которой придерживалась большая часть верующих Советского Союза. Способствовать этому должна была серия постановлений партии и правительства, имевших ярко выраженный антицерковный характер.

В первую очередь это выразилось в постановлениях Совета министров СССР от 16 октября 1958 г. «О монастырях в СССР» и «О свечном налоге». Согласно первому планировалось существенно сократить количество монастырей. Для этого у монастырей изымались земельные наделы, а также запрещалось использовать в монастырском хозяйстве наёмный и безвозмездный труд. Такие меры привели к тому, что к 1962 г. СССР действовали всего лишь 22 монастыря и из них только 2 на территории РСФСР¹⁶⁹. Второе из постановлений имело цель подорвать материально-финансовую базу церкви. В соответствии с ним был повышен налог на доходы епархиальных предприятий и свечных заводов. При этом получалась своеобразная картина: Епархиальное управление несло накладные расходы, реализуя эти изделия по себестоимости, а церкви увеличивали продажную стоимость в сравнении с закупочными в два и более раза, получая таким

образом достаточно значительный дополнительный доход. К примеру, Казанское Епархиальное управление реализовывало церквям венчальные свечи по цене 2 рубля 50 копеек, а они в свою очередь продавали их верующим в среднем по 3 рубля 50 копеек¹⁷⁰. Это вызывало объяснимое недовольство епархиальных управлений и по словам уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Татарской АССР, «оно (т.е. епархиальное управление) не против избавиться от выполнения этой проигрышной операции»¹⁷¹.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О ликвидации нарушений духовенством законодательства о культурах» у духовенства изымались транспортные средства и материальные ценности, приобретённые без ведома уполномоченных, а областным, краевым и республиканским плановым органам запрещалось выделять средства на ремонт культовых зданий.

Постановлением Совета Министров СССР от 1961 г. «об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах» существенно упрощался механизм закрытия церквей, ввиду того, что местные власти получили право закрывать молитвенные здания без согласия центральных органов. Это значительно сокращало время, которое требовалось для снятия с регистрации религиозное объединение, а также уменьшало возможности верующих опротестовать факты нарушения их прав представителями местной власти.

По инициативе Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР в марте 1961 г. были внесены изменения в «Положение об управлении Русской православной церковью». В соответствии с ними духовенство отстранялось от ведения хозяйственно-финансовых дел епархий и приходов. Отныне это становилось прерогативой только церковных старост и приходских советов. В сущности это означало то, что из главы прихода священник превращался в наёмного работника.

В этот период в обществе начинается инициированный государством

процесс переоценки роли религиозных организаций в Великой Отечественной войне. Казалось бы неоспоримый факт – значимость для государства материальной и духовной поддержки конфессиональных объединений в борьбе внешним врагом стал подвергаться сомнению. В этой связи в 1964 г. некий В.Е. Ландоренко в печатном издании Института истории Академии наук СССР

«Вопросы религии и атеизма» пишет «не следует преувеличивать значение патриотической деятельности церкви в годы Великой Отечественной войны»¹⁷². Интересно, что для реализации этих целей власть использовала не только прямые высказывания своих официальных представителей, а действовала значительно гибче, используя иные формы внушения массам собственного видения данного вопроса, в частности через художественную литературу. Так, в повести В. Тендрякова «Чудотворная», сельская учительница на заявление священника о патриотизме церкви в годы войны, отвечает: «Да, верю, польза была. Но сколько вреда тем же людям вы принесли с такой пользой?... Спасибо вам за вашу маленькую пользу, но знайте: мы по достоинству оценим и вред»¹⁷³. Подобными методами властями снимался в обществе вопрос: как же относиться к верующим и духовенству, придерживающимся иных мировоззренческих взглядов, и с кем произошло единение в тяжёлые военные годы.

Вышеупомянутые антицерковные постановления определили ужесточение религиозной политики в целом в отношении всех конфессий. В этой связи доминирующим явлением в религиозной сфере идеологами был объявлен «кризис религии». Религиозная жизнь представлялась средствами пропаганды как

неизбежный процесс «вырождения» и «угасания». В основном этот постулат обосновывался количественным показателем зарегистрированных религиозных обществ, который, по мнению властей, адекватно отражал состояние религиозной активности населения.

В начале 1960-х гг., даже в условиях гегемонии командно-

административных отношений и формализма в подходе к решению многих вопросов, стало очевидным, что реальная ситуация в области религиозной активности населения не имеет ничего общего с официальной картиной, искусственно созданной и представленной обществу средствами массовой информации.

С целью исправить создавшееся положение в 1961 г. в областях и республиках СССР были образованы группы содействия исполкомам районных и городских Советов депутатов трудящихся по соблюдению законодательства о религиозных культах (в 1966 г. преобразованные в комиссии содействия контролю за законодательством о религиозных культах). Им вменялось в обязанность осуществлять повседневный текущий контроль за религиозными общинами и группами. Большое значение уделялось изучению форм и методов деятельности религиозных организаций, степени их влияния на население вплоть до изучения проповеднической деятельности духовенства, сбору сведений и составлению информационных отчетов о прохождении религиозных праздников (ураза-байрам, курбан-байрам). Комиссии функционировали на общественных началах и образовывались из депутатов местного Совета, работников административных, финансовых органов, органов народного образования и др. лиц. В связи с тем, что, как упоминалось выше, обязанности членов комиссии требовали от них непосредственного посещения богослужений, проходящих и в рабочее время, рекомендовалось для этих целей привлекать пенсионеров из числа местных общественных активистов, разбирающихся в вопросах советского законодательства о культах. Председателем комиссии, как правило, утверждали заместителя председателя или секретаря исполкома местного Совета. Количественный состав комиссии определялся исходя из наличия в данном районе действующих религиозных обществ и степени религиозности населения. Выразителем последнего являлась численность зарегистрированных и незарегистрированных, но фактически действующих религиозных общин и групп.

Несостоятельность и иллюзорность постулата об адекватном соотношении количества зарегистрированных религиозных объединений и уровня религиозности в стране продемонстрировал проведённый в 1961 г. единовременный учет религиозных объединений и духовенства. Следует заметить, что в Советском Союзе подобное мероприятие проводилось впервые. В его рамках предполагалось взять на учет все реально функционирующие религиозные общины и группы. Так, по итогам данной кампании в Татарской АССР было выявлено: 646 неофициально действующих мусульманских объединений, а также 366 нелегально работающих мулл; 167 общин Русской православной церкви; 14 групп евангельских христиан-баптистов; 5 сектантских групп старообрядцев; 9 групп сектантов истинно-православной церкви¹⁷⁴. Материалы учета показали, что культовой деятельностью среди верующих занимались люди, в прошлом занимавшие руководящие посты, работавшие в сфере образования, в колхозах, совхозах, на производстве, служившие в рядах Советской Армии. Эти данные не соответствовали стереотипу того времени о том, что влиянию религии были подвержены исключительно отсталые и малограмотные слои общества.

Предметом особого контроля властей было воспитание подрастающего поколения в духе воинствующего материализма, прикрываемом термином

«научно-атеистического воспитания». В ярко выраженном антирелигиозном постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения» говорилось о необходимости

«преподавать школьные предметы (историю, литературу, природоведение, физику, химию и т.д.) с позиций атеизма... усилить антирелигиозную направленность в школьных программах»¹⁷⁵.

Важным аспектом политики государства в отношении религии являлось противодействие формированию нового поколения священнослужителей, так как именно они были важнейшей составляющей

религиозной жизни общества и их роль в плане консолидации верующих было трудно переоценить. С этой целью, в 1960–1963 гг. были закрыты Саратовская, Ставропольская, Киевская, Луцкая и Минская семинарии. В тех же учебных заведениях, которым было позволено функционировать дальше, Синод под давлением властей инициировал нововведения существенно ослабившие их возможности. Так, 17 июля 1959 г. на заседании Учебного Комитета Синода было решено: закрыть заочный сектор при Ленинградской духовной академии и семинарии; разрешить приём в академии и семинарии только лиц, прошедших действительную военную службу в рядах Советской Армии; рекомендовать всем Преосвященным не вносить дотации на содержание академий и семинарий наряду с обычными церковными взносами в Патриархию.

Примечательной чертой всех этих постановлений было то, что, как уже отмечалось, формально они исходили от церковных властей. О том, что они инициировались и принимались под давлением органов государственной власти, знали немногие. Это, в свою очередь, создавало ситуацию, при которой церковные иерархи были вынуждены сознательно компрометировать себя и создавать атмосферу недоверия между собою и верующими.

Подобная политика осуществлялась и в отношении других конфессий. Так, в начале 1960-х гг. под давлением властей муфтий ДУМЕС Ш. Хиялетдинов разослал исполнительным органам мусульманских объединений фетву, где предлагал отказаться от ряда бытующих среди мусульманских служителей культа видов сбора пожертвований, что привело бы к сокращению доходов мечетей и духовенства. Многие служители культа встретили это распоряжение весьма болезненно, оказывая сопротивление проведению его в жизнь. В частности, недовольство этим распоряжением выразили имам и муэдзин мечети Марджани, а исполнительный орган религиозного объединения данной мечети настоял на обнародовании фетвы муфтия на одном из пятничных намазов, что и было осуществлено¹⁷⁶.

Властями была выработана особая система по противодействию лицам, стремящимся получить религиозное образование. В соответствии с ней духовные учебные заведения были обязаны представлять уполномоченным Советом по делам Русской православной церкви и Советом по делам религиозных культов при Совете Министров СССР сведения о лицах, подавших заявления о поступлении в данные заведения. Далее уполномоченный знакомил с этими сведениями своих коллег по тем областям, краям и республикам, где проживали абитуриенты. В отношении последних уполномоченный просил принять меры «воспитательного» характера, а также запрашивал о наличии компрометирующих материалов, которые могли бы послужить препятствием к зачислению их в духовное учебное заведение. Таким образом, власти проявляли известную гибкость, используя политику «кнута и пряника». С одной стороны, они стремились создать таким людям всевозможные условия для продолжения дальнейшей гражданской жизни, с другой, использовали изъяны в их биографии для «силового» противодействия их поступлению в духовное учебное заведение.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» власти стали ещё жёстче относиться к представителям духовенства, проявлявшим чрезмерную активность в стремлении реализовать свои права и права верующих на отправление религиозных потребностей. Так, в 1960 г. на три года заключения был осужден архиепископ Казанский Иов. Официально он был обвинён в неуплате налогов. Однако, скорее всего, это была расплата за частые ходатайства в центральные органы власти о передаче верующим Петропавловского собора в г. Казани и «противодействие закрытию храмов в епархии»¹⁷⁷. Возможно в действиях архиепископа и были некоторые погрешности в соблюдении налогового законодательства, однако власти использовали эту ситуацию для отстранения архиепископа Иова от

религиозной жизни в городеи республике.

Ущемление прав верующих внутри страны сочеталось с желанием властей представить себя в выгодном свете на международной арене. С начала 1960-х гг. в связи с либерализацией внешнеполитического курса возрастает роль религиозных организаций в контактах с аналогичными зарубежными организациями. В глазах мировой общественности они должны были служить подтверждением мифа о религиозной свободе в СССР. В этой связи можно говорить о политике «двойного стандарта» в отношении «внутренней» жизни верующих и их зарубежных контактов. Правительством страны одобрялось стремление конфессиональных организаций участвовать в религиозных конференциях, имевших миротворческую направленность. В частности, в 1961 г. Советом по делам религиозных культов при Совете Министров СССР было признано целесообразным участие представителей религиозных организаций СССР в работе религиозной конференции в городе Киото (Япония)¹⁷⁸.

Власти не ограничивались разрешением некоторым верующим и духовенству выезда за границу. Практиковался также приём зарубежных религиозных делегаций и внутри страны. В этой связи одним из мест, включаемых в маршруты посещений приезжавшими, становится мечеть Марджани города Казани, как один из центров распространения ислама в СССР. Так, в июле 1960 г. Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по согласованию с руководством страны пригласил посетить Советский Союз генерального секретаря индонезийской партии «Нахдатул Улама» Сайфутдина Зухри и одного из её лидеров министра по делам религий Фаттаха Ясини. Официально будучи гостями ДУМСАК они, тем не менее, посетили также и Казань¹⁷⁹.

Таким образом, несмотря на либеральные веяния в некоторых областях жизни советского общества в период хрущёвской «оттепели» в религиозной сфере они не только не проявились, а имели обратную динамику. Верующие и духовенство, изначально представляя чуждую для советского

государства форму общественного сознания, не получили тех свобод, на которые вправе были рассчитывать. Важным являлся и тот момент, что в данный период духовенство и верующие не были востребованы в каких-либо процессах, происходящих в обществе (как это было во время Великой Отечественной войны), что, в значительной степени, обусловило отсутствие у государства заинтересованности в каких-либо заметных уступках в отношении конфессиональных организаций и объединений.

Определённый вес и значимость религиозные организации имели лишь на международной арене, где они использовались в качестве витрины для демонстрации действия в стране принципа свободы совести. В связи же с намеченными темпами ускоренного движения к коммунизму религия вообще стала некоей «отсталой и изживающей себя формой сознания», которую в интересах общества следовало быстрее ликвидировать. Для этого была создана необходимая юридическая основа в виде нескольких постановлений 1958–1961 гг., носивших ярко выраженный антицерковный характер. В первую очередь они были направлены против Русской православной церкви как конфессии, последователями которой являлась большая часть верующих Советского государства. Однако это неизбежно повлекло за собою ужесточение политики в отношении всех других конфессий. В этой связи период с конца 1950-х - до середины 1960-х гг. для верующих оказался весьма тяжёлым. Во время активизации атеистической пропаганды вновь произошло сокращение официально действующих в стране религиозных объединений, участились факты вмешательства в их внутренние дела. Зарегистрированные и нелегально действующие служители культа всё чаще подвергались административным, а в некоторых случаях и уголовным мерам наказания.

ГЛАВА 9. ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (СЕРЕДИНА 60-Х ГГ.)

На октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г. Н.С. Хрущёв был смещён со всех партийных и государственных постов и отправлен на пенсию. Новое руководство страны в своей политике стремилось избавиться от наиболее одиозных моментов «хрущёвской эпохи», в том числе и массовых гонений на религию. В этой связи на менее значимую работу (заместителем министра иностранных дел) был переведён главный идеолог антирелигиозной кампании секретарь ЦК КПСС Ильичёв, а уже в январе 1965 г. выходит постановление Президиума Верховного Совета СССР «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих». Спустя два года в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 10 января 1967 г. были существенно расширены права религиозных объединений в сфере найма, строительства и приобретения в собственность недвижимости для собственных нужд, а также разрешался колокольный звон и азан (призыв мусульман на молитву, осуществляемый муэдзином или имамом с минарета мечети). Интересно, что постановление от 10 января 1967 г. вышло с примечанием «не для печати», т.е. верующие снова были лишены возможности ознакомиться с предоставляемыми им правами. Тем не менее, несмотря на то, что данные действия государства по своим масштабам едва ли можно сравнивать с мероприятиями проведёнными в 1943-48 гг., они повлекли некоторые изменения и корректировки методов и форм осуществления религиозной политики, что позволяет говорить о начале нового этапа во взаимоотношениях власти и конфессий.

В это время в различных областях жизни на смену поспешным и непродуманным кампаниям приходят более долгосрочные и комплексные программы. Это касалось и религии. В действиях государства просматривалась отчётливая тенденция к допустимости «мирного» сосуществования социума верующих и духовенства, с одной стороны, и

подавляющего большинства общества – людей с материалистическим мировоззрением – с другой.

После отстранения от власти Н.С. Хрущева в религиозной политике государства стали применяться менее радикальные методы, что нашло выражение, в частности, в изменении отношения властей к служителям культа. Одним из способов определения степени лояльности духовенства к власти было наличие в их проповедях, проводимых в дни празднования различных коммунистических праздников, упоминаний о значимости последних. Представители всех конфессий активно занимались сбором денежных средств в фонд мира и общество охраны памятников, а последователи ислама и в Отдел внешних мусульманских связей.

В эти годы власти начинают применять более тонкие методы борьбы с проявлениями религиозности. В них всё чаще присутствует дифференцированный подход применительно к каждой конфессии. В частности, учитывая, что приверженцы ислама с особым уважением относятся к старшим по возрасту, власти подвергли коррективам свою пропагандистскую деятельность в отношении мусульман. Так, в ноябре 1969 г. заместителем уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Татарской АССР в ходе беседы с заведующим отделом социального обеспечения города Альметьевска было рекомендовано воздействовать на активистов мусульман незарегистрированной религиозной общины через Совет пенсионеров¹⁸⁰. Таким образом, во-первых, при ведении атеистической работы сохранялось уважительное отношение к верующим старшего поколения и, во-вторых, верующие из числа среднего возраста и молодёжи, также соизмеряясь с традиционным уважением к старшим, не могли, хотя бы формально, не выслушать агитатора-пенсионера.

Середина 1970-х гг. ознаменовалась разрядкой напряженности международных отношений, одним из проявлений которой стало вступление в силу (23 марта 1976 г.) на территории СССР Международного Пакта о гражданских и политических правах. В статьях Пакта, имеющих

отношение к духовной сфере, декларировалась свобода принимать религию по своему выбору, исповедовать ее как единолично, так и сообща с другими. В действительности же, как и прежде, все свелось к декларации мнимой свободы вероисповедания. Некоторые религиозные объединения в своих апелляциях к вышестоящим инстанциям ссылались на этот документ, когда действия властей входили в явное противоречие с ним.

В брежневскую эпоху некоторая часть представителей местных властей стала более формально относиться к вопросам религиозного состояния в районах и городах, не уделяя необходимого внимания вопросам улучшения качества и объективности информации о деятельности религиозных объединений. Если в условиях хрущёвского натиска на религию и достаточно частого инициирования антирелигиозных постановлений, местные органы власти должны были быть максимально активными в своей работе с верующими и духовенством, то в 1970-е гг. эта сфера деятельности исполкомов становится менее насыщенной. Зачастую годовые отчёты исполкомов по данному вопросу представляли собой шаблонный перечень мероприятий, из которых большая часть в действительности не была проведена. Значительная часть местных руководителей в пункте о деятельности на территории их районов незарегистрированных религиозных объединений писали об отсутствии таковых. В некоторых случаях общественные комиссии содействия соблюдению законодательства о культурах числились только на бумаге.

В 1970-е гг. некоторой частью граждан Советского государства осознаётся очевидная декларативность провозглашаемых КПСС ценностей, утопичность намечаемых ею целей и задач. Коммунистическая идеология и пропагандируемое ею атеистическое мировоззрение оказались несостоятельны в решении многих вопросов, возникающих перед человеком на разных этапах его жизни. В этой связи религия для многих предстала как альтернатива официальной идеологии, как система нравственно-этических ценностей, способная заполнить духовный вакуум, образовавшийся у многих

людей после разочарования в идеях коммунизма.

Некоторые представители конфессий были очень активны и демонстрировали завидную смелость и принципиальность в стремлении полностью реализовать свои права на удовлетворение религиозных потребностей. В этой связи можно отметить одно событие, выходящее из разряда обыденных. 14 марта 1975 г. верующий мусульманской общины г. Казани Минвалиев З. при поддержке Саматова А., Садыкова Х., Галлиулина Р., самовольно использовав громкоговорящее трансляционное устройство мечети, выступил перед верующими с призывами не подчиняться положениям законов о культурах, требуя от органов власти полной свободы проповеднической деятельности среди населения мусульманских активистов, отмены некоторых предписаний Приволжскогорайсовета¹⁸¹. К тому же в этот день, а также 21 и 28 марта Минвалиев и Садыков по-своему интерпретировали «Декларацию прав народов России», текст «Обращения к трудящимся-мусульманам России и Востока», заявляя, что органы власти ущемляют права верующих.

Примечательным в этой истории является то, что большая часть верующих и все представители духовенства мечети Марджани поддержали властей в этом вопросе и просили «принять меры по ограждению прав верующих от этих подстрекателей беспорядков»¹⁸². Очевидно, подавляющее большинство прихожан, будучи людьми престарелыми, хорошо помнили те годы, когда за такие поступки можно было серьёзно пострадать. Поэтому в их понимании было лучше довольствоваться предоставленными государством возможностями для реализации собственных культовых потребностей, чем пытаться такими радикальными способами добиться расширения своих прав.

Характерна в этой истории реакция и поведение властей. В первый же день обращения Минвалиева к верующим, т.е. 14 марта, уполномоченным Советом по делам религий при Совете Министров СССР по Татарской АССР И.А. Михалёвым была проведена с ним и лицами его

поддерживавшими соответствующая беседа, в ходе которой было сделано разъяснение о содержании законов о культурах. Таким образом, со стороны властей не последовало каких-либо незамедлительных силовых мер воздействия, что могло бы иметь место при аналогичной ситуации в первой половине 1960-х гг.

В 1970-е гг. заметно возросла роль молодёжи в религиозной жизни. Организационно активизировалась сравнительно молодая часть верующих. Так, осенью 1975 г. произошла смена руководства в мечети Марджани г. Казани, где из состава учредителей данного мусульманского объединения были выведены люди пожилого возраста, в результате чего председателем исполнительного органа мечети стал 42-летний рабочий Казанского завода Резино-технических изделий¹⁸³. Эти тенденции в религиозных объединениях стали неотъемлемой частью процесса активизации верующих.

В конце 1970-х гг. наметилось усиление роли ислама в международных отношениях. Вторжение советских войск в Афганистан и борьба с его мусульманской оппозицией не могли способствовать улучшению отношений между властью и мусульманами. В указанный период государство чётко разделило ислам на две категории. К первой были отнесены «миролюбивые мусульмане Советского Союза», ко второй – «исламские фундаменталисты» за рубежом. Наличие последних позволяло власти поддерживать в советском обществе определённый страх перед исламом в целом, создавая у людей заведомо предвзятое отношение к нему как к одной из причин дестабилизации ситуации за рубежом и потенциальной опасности внутри страны.

Существенным фактором, обусловившим формирование нового поколения мусульман, стала способность духовенства адаптироваться к выполнению своих функций в условиях неблагоприятных внешних воздействий на мусульманскую умму со стороны государства. Своеобразным методическим центром в Казани в эти годы стала мечеть Марджани. В проповедях её имамов отчётливо просматривалась гражданская

и нравственная направленность, и это приносило свои плоды: в республике значительно расширилась социальная база ислама, произошло «омоложение» социума верующих. Явлениями из разряда уникальных перестали быть посещения мечетей верующими из числа рабочих и интеллигенции в возрасте 30-40 лет. Нередко среди них встречались даже комсомольцы и коммунисты¹⁸⁴.

В целом государственно-конфессиональные отношения в середине 1960-х – второй половине 1980-х гг. носили достаточно стабильный характер. В этот период власти по-прежнему продолжали использовать многие элементы своей политики прошлых лет, правда, без инициирования крупномасштабных антирелигиозных кампаний. В религиозную политику государства были привнесены новые методы контроля за деятельностью незарегистрированных религиозных объединений, поощряла развитие практика привлечения духовенства к общественной жизни страны, наметился вынужденный для обеих сторон союз. Приметой времени стало формальное отношение многих представителей местных властей к решению вопросов, касающихся контроля за религиозной ситуацией на местах и вследствие этого – активизации верующих и духовенства.

Новым этапом в государственно-конфессиональных отношениях стал приход в 1985 г. к власти М.С. Горбачёва. В русле начавшейся в стране перестройки и критики наиболее одиозных аспектов в идеологии и политике Советского государства, верующие вправе были надеяться на пересмотр политики и в отношении своего социума. Однако ожидаемой немедленной религиозной свободы не последовало. Видимо это не произошло в связи с тем, что перестройка изначально планировалась её инициатором не как коренное преобразование государства и общества, а как реформирование только некоторых их сфер. Невольно напрашивается аналогия с периодом хрущёвской оттепели, когда либерализации подверглась лишь некоторая часть духовной жизни общества.

Начало перестройки для верующих также не предвещало каких-либо

позитивных сдвигов. Уже на апрельском пленуме ЦК КПСС было сказано о необходимости развёртывания идеологической работы по всем её направлениям, в том числе и атеистическому. Дальнейшие события также показали антирелигиозный настрой нового руководства. Программа КПСС, принятая XXVII съездом партии, была выдержана в прежнем атеистическом духе. По словам Д.В. Поспеловского, «в раздел «Атеистическое воспитание» попали в духе 20–30-х годов и борьба с хищениями, взяточничеством, пьянством. Программа снова относит религию к области патологических отклонений»¹⁸⁵. В рамках самой программы предполагалось «распространение «научно-атеистического мировоззрения для преодоления религиозных предрассудков и широкое распространение новых советских обрядов»¹⁸⁶. В конце сентября – начале октября 1985 года на совещании заведующих кафедрами общественных наук член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Е.К. Лигачёв выступил с жёсткой критикой некоторой части интеллигенции за «заигрывание с боженькой». Закономерно предположить, что и в этот период также не предполагалось введение реальной свободы вероисповедания.

Примечательно, что одно из последних постановлений ЦК КПСС, направленных против религии, касалось ислама. 21 октября 1985 г. вышло постановление ЦК КПСС «О дополнительных мероприятиях в связи с активизацией в странах Азии и Африки так называемого «воинствующего ислама», 18 августа 1986 г. – «Об усилении борьбы с влиянием ислама».

При реализации соответствующих мер по ограничению влияния ислама большое значение придавалось особенностям и специфике этой религии. К примеру, в связи с особым положением женщин в мусульманстве работус ними предписывалось вести в основном женщинам-агитаторам. Учитывая же особое уважительное отношение в исламе к старшему поколению, к этой работе было приобщены советы ветеранов партии, войны и труда¹⁸⁷.

Основные усилия по противодействию исламу были сосредоточены по

месту работы и жительства. В районах стали практиковать проведение посиделок, «вечеров бабушек», выступления фольклорных ансамблей. В республике, в основном в городах, стали организовывать при родильных домах специальные комнаты для выписки новорождённых, где в торжественной обстановке происходил советский обряд «наречения имени».

Несмотря на интенсивную антирелигиозную законодательную деятельность высших органов власти реализация предусмотренных мероприятий на местном уровне часто «пробуксовывала» ввиду формального отношения к ним местных руководителей. Подобная ситуация была характерна не только по отношению к религиозной сфере. Она была присуща для всех областей советского государства.

Проведённое в 1986–1987 гг. Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС социологическое исследование, имевшее целью выявить уровень религиозности и эффективность атеистической работы в регионах распространения ислама, показало плачевные для республиканских властей результаты, особенно в сравнении с некоторыми другими регионами страны (таблица 1)¹⁸⁸.

Таблица 1

Сравнительные характеристики показателей религиозного сознания, поведения и окружения (сведения даны в процентном отношении)

Критерии	Казань	Арский район ТАССР	Азербайджан	Кара-чаевы Черкесия	Узбекистан	Дагестан	Таджикистан
Верят в Аллаха	29,7	34,3	17,3	24,3	36,6	45,9	74,9
Верят в ад и рай	21,5	24,6	6,2	16,2	19,5	35,5	66,5
Верят в божественное предопределение	22,5	30,3	12,1	12,2	26,3	39,2	72,3
Соблюдают уразу	7,1	4,7	3,7	9,9	6,6	32,2	61,0
Совершают намаз	8,4	6,7	6,2	6,4	9,0	9,2	32,7
Участвуют в дженазе	74,0	67,8	52,2	5,4	28,4	68,1	66,7
Участвуют в никахе	52,2	58,6	2,1	3,1	20,9	67,0	66,9
Участвуют в уразе-байраме	26,6	22,6	22,5	7,5	С	С	45,8
				веденинет	веденинет		45,5

Участвуют в курбан- байраме	28,6 9	22, 9,3	1	С веде- ни йнет	С веде- ни йнет	,1 7	34 7	68
Оценивают роль ислама положи-тельно	15,0 9	12, 0	2, 8	6, 9	6, 0	,1 7	14 7	20
Считают обяза- тельным пригла- шение муллы на бракосочетание (никах)	30,9 2	33, 1,8	1 8	8, 5	30 7	,3 3	37 3	63
Считают необхо- димым пригла- шение муллы на похороны (дженаза)	50,4 8	45, 3,7	1 0	24 6	40 3	,3 4	52 4	67
Имеют верующих в семье	44,3 6	50, 7	6, 7	31 5	36 5	,5 4	58 4	64
Члены семьи со- блюдают уразу	18,9 7	13, 4	5, 0	19 1	8, 0	,0 2	46 2	68

Отрицатель- но от-носятся к атеи-стическим меро- приятиям	21,5 0	18, 2,4	1 ,7	18 ,2	13 ,9	21 ,0	23
---	-----------	------------	---------	----------	----------	----------	----

Несмотря на стремление властей проводить дозированную демократизацию советского общества, вскоре этот процесс разросся и проник во все сферы жизни, в том числе и религиозную. Этому, как и в 1943 г., во многом способствовал внешнеполитический фактор. Во второй половине 1980-х гг. активизируется советская дипломатия, стремящаяся преодолеть конфронтацию с ведущими капиталистическими державами, в первую очередь с США, и установить с ними дружеские отношения. Учитывая какое большое значение в этих странах придаётся демократическим свободам, в том числе и свободе вероисповедания, руководство страны не только ослабило давление на религиозные организации, но и привлекло их к реализации своих внешнеполитических планов. В связи с этим во время визита М.С. Горбачёва в США в состав официальной делегации, наряду с общественными деятелями и учёными, были включены представители основных конфессий, действовавших на территории СССР, что можно считать значительным прорывом в отношениях между государствами конфессиями.

В данный период начинается процесс обратный тому, который являлся краеугольным камнем религиозной политики Советского государства в течение 70 лет. Начинается возврат верующим культовых зданий.

Особенностью процессов, происходивших в религиозных объединениях в конце 1980-х гг., стало стремление духовенства обрести всю полноту власти в приходах, как это было до 1960-х гг. Основой для этих тенденций послужил новый Устав об управлении Русской православной церковью, принятый на поместном соборе 8 июня 1988 г. Одно из его положений гласило, что «Председателем Приходского Совета может быть

избран и настоятель»¹⁸⁹. В сущности это означало возврат к сосредоточению духовной и административной власти в руках священнослужителей. Характерно, что и сами верующие предпочитали видеть во главе прихода именно настоятеля, а не мирянина.

Другой особенностью в деятельности религиозных объединений в этот период стало инициирование ими вопроса о строительстве новых мечетей и церквей. До этого на всём протяжении советского правления верующие зарегистрированных религиозных объединений всех конфессий использовали для своих нужд культовые здания, построенные до 1917 г. или приспособленные под эти цели помещения (в т.ч. частные дома). Теперь же, сообразуясь с новыми веяниями в обществе, они стали ставить властям более жёсткие требования. Наряду с этими процессами начинается возврат верующим культовых зданий, изъятых у них в различные годы.

На фоне начавшейся демократизации всех сторон жизни Советского общества конфессии всё активнее входили в общественную жизнь республики. Во многом этому способствовали подготовка и проведение юбилейных торжеств по случаю 1000-летия принятия христианства на Руси в 1988 г., 1200-летия принятия ислама народами Поволжья и Приуралья и 200-летия образования ДУМЕС в 1989 г. Эти празднования в значительной степени способствовали тому, что в обществе наметилась переоценка роли религии в истории и культуре. В сознании многих людей, особенно молодёжи, был серьёзно поколеблен сложившийся стереотип в отношении верующих и духовенства. Более активно начинают освещаться в СМИ вопросы, связанные с религией и деятельностью религиозных объединений. В конце 1980-х гг. частым явлением становятся выступления представителей духовенства различных конфессий на страницах печати, на радио и телевидении.

Примечательно, что в конце 1980-х гг., в период ломки устоявшихся догм и идеалов наиболее востребованной стала регулятивная функция религии. Проведённые социологические опросы в городах и районах республики показали, что респонденты чаще других форм положительного

воздействия ислама отметили, что он способствует установлению социальной справедливости (30% опрошенных). По мнению 20% опрошенных он являлся одним из гарантов сохранения национальной культуры и традиций (т.е. выполнял интегративную функцию), 10% отметили его компенсаторную функцию – вера в аллаха помогает в трудные периоды жизни¹⁹⁰.

В условиях демократизации советского общества верующие существенно активизировались в реализации своих прав на удовлетворение религиозных потребностей. Прежде всего это выразилось в ходатайствах о регистрации религиозных объединений, передаче им молитвенных зданий, что при данной политической конъюнктуре находило поддержку у властей. Легализация религиозных общин, формально находившихся вне закона, становится одним из приоритетных направлений в религиозной политике государства. Характерной чертой времени стало стремление религиозных объединений и духовенства поднять свой статус в обществе посредством выхода через СМИ к широкой общественной аудитории.

В конце 1980-х гг. (в связи с усилением влияния религии в обществе) религиозные объединения уже не могли действовать только в рамках той деятельности, которая была отведена им всё ещё формально действующим советским законодательством о культурах и, в первую очередь, Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года. В соответствии с ним религиозным объединениям запрещались любые формы благотворительной (исключения составляли только отчисления в некоторые общественные фонды) и духовно-образовательной деятельности. Согласно пункту 54 вышеупомянутого постановления им разрешалось лишь организовывать складчины и добровольные пожертвования, возможность использования которых ограничивалась целями, связанными с содержанием молитвенного здания, культового имущества, оплаты услуг служителей культа¹⁹¹. Однако насущные проблемы идеологического и социального характера, почти в одночасье обнажившиеся в советском обществе, и

проявившаяся несостоятельность официальных государственных структур, вызвали необходимость в более широком участии в общественной жизни страны сил, доселе находившихся едва ли не на полулегальном положении. В числе таковых были и религиозные объединения. В основном они заполнили вакуум в системе образования. В конце 1980-х гг. активистами из числа верующих и духовенством повсюду организуются воскресные школы как для детей, так и для взрослых, где преподавались основы обрядовых систем и догматики. Несмотря на отсутствие законодательной базы данная практика имела место уже со второй половины 1980-х гг. Так, о наличии в регионах подобных явлений в 1986 г. сообщили в Совет по делам религий при Совете Министров СССР 65 его уполномоченных¹⁹².

Социально-политические процессы, протекавшие в стране, вызвали необходимость в изменении действующего законодательства о культурах, которое уже не соответствовало существующим реалиям. В этой связи 1 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принимает новый закон «О свободе совести и религиозных организациях», а 25 октября того же года «Закон о свободе вероисповеданий» принимает российский парламент. Оба закона, несмотря на многочисленные недостатки, предусматривали действительную реализацию принципа свободы совести.

Таким образом, начавшаяся в стране в середине 1980-х гг. перестройка и как следствие демократизация многих сторон жизни советского общества поначалу не затронули религиозные объединения. Однако, в дальнейшем раскрученный маховик реформ и преобразований проник и в эту сферу. Молниеносно меняющаяся ситуация, особенно в период с 1987 по 1990 гг., обусловили замешательство в действиях структур, призванных определять и проводить религиозную политику. В этих условиях максимально активизируются в реализации собственных прав верующие и духовенство. Это в первую очередь выражалось в наплыве в органы власти ходатайств о регистрации новых религиозных объединений, большая часть

которых получает согласие со стороны властей. Начинается процесс легализации фактически действующих религиозных объединений и возврат культовых зданий верующим. Однако полученная религиозная свобода, не была результатом борьбы конфессий. Причина её лежала исключительно в светской плоскости, а именно в кризисе коммунистической модели государства и как следствие - сломе её идеологических основ, в том числе и атеизма.

ГЛАВА 10. ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПЕРЕМЕН(КОНЕЦ 1980-Х ГГ. – НАЧАЛО XXI В.)

Процесс принципиального изменения теоретических и правовых основ конфессиональной политики в условиях общественных перемен проходил сравнительно за короткий промежуток времени. Социально-политические процессы, протекавшие в стране в конце 1980-х гг., вызвали необходимость изменения действующего законодательства о культурах, которое уже не соответствовало существующим реалиям. В этой связи 1 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принимает новый закон «О свободе совести и религиозных организациях», а 25 октября того же года «Закон о свободе вероисповеданий» принимает российский парламент. Оба закона, будучи почти идентичными, несмотря на многочисленные недостатки, предусматривали действительную реализацию принципа свободы совести.

Согласно новому законодательству, религиозным обществам для начала своей деятельности не требовалось регистрироваться в органах государственной власти. Однако для получения статуса юридического лица любым видам религиозных организаций (религиозное общество, управление, центр, объединение, а также монастыри, братства, миссии и духовные учебные заведения) необходимо было представить в исполком районного или городского Совета народных депутатов свой устав (положение).

Согласно статье 12 Закона «О свободе совести и религиозных организациях», в нем должны были быть отражены сведения «о виде и местонахождении религиозной организации, её вероисповедной принадлежности, о месте в организационной структуре религиозного объединения, об имущественном положении, о правах по учреждению предприятий и средств массовой информации, основанию других религиозных организаций, созданию учебных заведений и об иных

правомочиях, о порядке решения имущественных и других вопросов в случае прекращения её деятельности, а также иные положения, связанные с особенностями деятельности данной организации»¹⁹³. Как можно видеть, в уставе (положении) не затрагивались вопросы, касающиеся внутренних дел религиозных организаций, что, безусловно, стало значительным шагом в процессе демократизации религиозной жизни.

Вышеуказанный процесс отразился и в том, что верующим и духовенству предоставлялось право проводить богослужения и отправлять обряды помимо молитвенных зданий, также и в местах паломничества, кладбищах, в квартирах и домах граждан. Более того, священнослужителям разрешалось осуществлять свою профессиональную деятельность в госпиталях, больницах, домах престарелых и воинских частях. При этом религиозные организации были вправе сами обращаться с предложениями о проведении богослужений к гражданам, находящимся в вышеуказанных учреждениях¹⁹⁴.

Для полноценного функционирования конфессиональным организациям предоставлялись значительные материально-финансовые возможности. Так, независимо от наличия регистрации в органах власти, религиозные организации получали право не только на пользование государственным имуществом, но могли иметь в собственности «здания, предметы культа, объекты производственного, социального и благотворительного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для их деятельности»¹⁹⁵. При этом, в сравнении с другими учреждениями, религиозные организации имели преимущество в получении культового здания с прилегающей к ней территорией. Государство создавало религиозным организациям режим максимального благоприятствования в налоговой сфере, отменив всякое налогообложение на финансовые и имущественные пожертвования. Им разрешалось организовывать издательские, производственные, строительные, сельскохозяйственные и другие предприятия, прибыль от которых облагалась налогами на равных

условиях с предприятиями других общественных организаций. На подобных же условиях производилось взимание налогов с лиц, получающих доходы от работы в религиозных организациях, в том числе с духовенства. Теперь их начисление было приравнено к ставкам, «установленным для рабочих и служащих государственных предприятий, учреждений и организаций»¹⁹⁶. Священнослужители наравне со всеми гражданами получали право на социальное обеспечение и страхование. В этой связи религиозные организации и их предприятия были обязаны вносить в Фонд государственного социального страхования и Пенсионный фонд финансовые отчисления на общих основаниях с другими общественными организациями и их предприятиями. Священнослужителям предоставлялась возможность на общих со всеми гражданами правах участвовать в политической жизни страны, избираться в центральные и местные органы законодательной власти. В то же время статья 5 Закона «О свободе совести и религиозных организациях», запрещала данный вид деятельности религиозным организациям.

Государство прекращало финансирование общественных организаций, ведущих атеистическую пропаганду, что ставило их в равные условия с религиозными объединениями. В связи с тем, что последним была разрешена общественная деятельность, они, как и любые другие общественные организации, получили возможность выступать в СМИ. При этом немаловажным фактором, инициировавшим активную миссионерскую деятельность религиозных организаций, стало разрешение издавать, а также вывозить и ввозить из зарубежья религиозную литературу. Следует отметить, что данное право подготовило почву для массированного «вторжения» на советское, а затем и постсоветское пространство нетрадиционных религиозных сект и течений.

Существенным изменениям подвергся вопрос о религиозном образовании. Наряду с тем, что остался неприкосновенным принцип отдельного функционирования государственной системы образования и

церкви, религиозным организациям, зарегистрировавшим свои уставы (положения), разрешалось создавать «для религиозного образования детей и взрослых учебные заведения и группы, а также проводить обучение в иных формах, используя для этого принадлежащие им или предоставляемые им в пользование помещения».

После 1991 г. актуализировались вопросы, непосредственно касающиеся принципов формирования нового общества и механизмов взаимодействия её различных институтов, в связи с чем, наметился пересмотр старых схем взаимоотношений структур государственной власти с различными институтами общества, в том числе и конфессиональными.

С конца 1980-х гг. роль последних неизмеримо возросла. Религия по-новому раскрыла свой не востребованный потенциал. Помимо выполнения функций исключительно богословского характера, конфессиональные институты активно внедрились в такие сферы деятельности как благотворительность, образование и воспитание подрастающего поколения. В условиях духовно- нравственного кризиса именно религия может стать основой для морально-нравственного возрождения всего общества и в этом отношении её значимость огромна.

Усиление роли религии в обществе ярко проявилось в количественных показателях. К примеру, если в 1980-х гг. к верующим относили себя около 20% населения страны, то в конце 1990-х гг. этот показатель составил приблизительно 50-60%; многократно увеличилось количество зарегистрированных в органах государственной власти религиозных объединений, с 3040 – в 1986 г., до 20215 – в 2001 г.¹⁹⁹.

Одним из новых факторов новой религиозной картины России стало распространение здесь новых религиозных движений западного и восточного происхождения. По данным сотрудников кафедры религиоведения Российской академии государственной службы при президенте РФ (РАГС), в начале 2000-х гг. в России действовало 60 конфессий, деноминаций и религиозных направлений²⁰⁰. Показательной, в этом отношении, была

экспансия и активизация на территории постсоветского пространства различных нетрадиционных религиозных сект и течений, некоторые из которых имеют ярко выраженный тоталитарный характер. Несмотря на факты запрета их деятельности во многих демократических государствах, в условиях новой России многие из них получили возможность неограниченной пропаганды своих далеко не миролюбивых убеждений и активной вербовки новых членов. Ярким примером таких тенденций стали факты активной пропагандистской деятельности сект «Сайентологии» и «Аум Сенрикё». Результатом такой неограниченной вседозволенности, а также отсутствия новых схем и форм взаимоотношений государственных и конфессиональных структур, стали тысячи искалеченных судеб, как самих последователей, так и их семей. Опыт этих лет показал, что в некоторых случаях бесконтрольное проникновение различных религиозных объединений, течений и сект в общественную жизнь страны может иметь негативный результат, как для самого социума верующих и духовенства, так и в целом для всего российского общества.

Переживаемые Россией в 90-х гг. XX в. трансформация государственно-политического строя, переход на рыночную модель экономики, в определенной степени стали причиной внутриконфессиональных конфликтов. Условно их можно разделить на две категории. Первая из них сводилась к разногласиям в определении сфер юрисдикции и полномочий центральных и региональных структур. Вторая обуславливалась расколом между консерваторами, отстаивающими чистоту религии, её неизменность, и сторонниками адаптации своих конфессий к стремительно меняющимся внешним социокультурным условиям информационного общества.

Приметой времени стал также процесс политизации деятельности ряда религиозных организаций. Примечательно, что далеко не всегда эта тенденция находит поддержку в среде самих верующих и в целом в российском социуме. В особенности это касается проектов создания

политических и общественных организаций, в основе которых лежат религиозно-экстремистские идеи.

Спектр вышеозначенных проблем находится в тесной взаимосвязи с социально-политическими процессами, происходящими в целом в стране, и по этой причине требуют продуманной, взвешенной политики государства в отношении религии.

В условиях постсоветского периода развития важной политической формулой регулирования государственно-конфессиональных и межрелигиозных отношений, например в Татарстане, стало соблюдение баланса интересов двух крупных конфессий – ислама и православия – и равенство всех религиозных объединений перед законом. Это было особенно важным при возвращении конфессиям культовых зданий и имущества, выделении земельных участков и привлечении спонсорской помощи для строительства новых храмов, оказании поддержки в восстановлении религиозного образования, организации приема Президентом РТ по случаю крупных религиозных праздников и юбилейных торжеств и т. д. Символом взаимоуважительных отношений ислама и православия стали возведение мечети Кул Шариф и реставрация Благовещенского собора в Казанском кремле к 1000-летию столицы Татарстана. Такой подход оказался исключительно плодотворным в условиях бурного религиозного возрождения, позволил сохранить спокойствие и мирное духовное развитие татарстанского общества в условиях постсоветского времени.

Характеризуя современные политические реалии, в своем послании Государственному совету Республики Татарстан 31 января 2008 г. Президент Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев подчеркнул, что на фоне непростых отношений между христианами, иудеями и мусульманами, сложившихся в ряде стран, повысился интерес к межконфессиональным отношениям в Республике Татарстан, имеющим прочную, базирующуюся на длительном совместном проживании доверительную основу. Этот интерес подкрепляется проведением ряда международных научно-практических семинаров в

столице РТ как одном из центров межконфессионального мира и согласия в России. Особенно актуальным данный вопрос стал в связи с победой Казани в конкурсе по проведению Всемирной летней универсиады в 2013 г. Учитывая интерес к религии во всем мире, проведение универсиады дает шанс показать всему миру пример религиозной толерантности и межконфессионального согласия. Важным основополагающим документом, который в концентрированном виде представляет татарстанский опыт и наши устремления в этноконфессиональной сфере, стала утвержденная в 2008 г. указом Президента республики «Концепция государственной национальной политики Республики Татарстан». Главное в этом документе – поиск пути решения стратегических задач национального развития в условиях многонационального и поликонфессионального государства. Однако обеспечение сбалансированного развития всех наций и религий в силу ряда причин, крайне сложная задача. Неслучайно особый интерес у стран Запада и Востока вызывает именно межконфессиональное сотрудничество.

Обсуждение путей и методов реализации социально-духовного и миротворческого потенциала ислама и христианства продолжается. Оно протекает на двух уровнях, как среди религиозных, научных и государственных деятелей, так и в среде рядовых верующих. Казань постепенно превращается в общероссийский центр такого диалога. Традиционными стали встречи, круглые столы, межрелигиозные форумы. Весьма продуктивным оказалось проведение между-народных научно-практических конференций «Исламо-христианское пограничье» (1994) и «Религия в современном обществе: история, проблема, тенденции» (1997). Положительный резонанс имела уже упоминавшаяся международная научно-практическая конференция «Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий», которая проходила в рамках празднования исторических дат – 2000-летия христианства и 1400-летия начала распространения ислама в России. Международная конференция «Исламская культура в Волго-Камском регионе», прошедшая в июне 2001 г., явилась

важным фактором в оживлении историко-философских исследований в области выявления места и роли ислама в судьбах России. А в июне 2002 г. прошла международная конференция «Христианство в Волго-Уральском регионе: история и культура», вызвавшая большой интерес со стороны ученых и представителей конфессий. Она стала продолжением продуктивного диалога. Подобные конференции прошли в период и после празднования 1000-летия Казани. Интерес ученых, политических и общественных деятелей к поликонфессиональному региону с традиционными толерантными отношениями не ослабевает. По инициативе Комиссара по правам человека Совета Европы Альваро Хиль Роблеса 22–23 февраля 2006 г. Казань стала местом проведения очередного семинара с повесткой дня: «Диалог, толерантность, образование: совместное действие Совета Европы и религиозных сообществ»²⁰¹; в январе 2008 г. сообщество политологов на международной конференции в столице Татарстана обсуждало проблему: «Ислам, конфликты, миротворчество»; с 2008 года стало традицией проведение в рамках деятельности Центра евразийских и международных исследований КГУ научных форумов, симпозиумов, конференций по проблемам перспектив развития межцивилизационных отношений, в частности о влиянии иранской исламской революции на евразийское пространство, и т. д.

В Казани при содействии руководства РТ и лично президента РТ проходит Международный фестиваль мусульманского кино «Золотой минбар». Например, в работе III фестиваля наряду с известными актерами и режиссерами России, Саудовской Аравии, Ирана, Турции, Казахстана и других стран мира приняли участие представители Совета муфтиев России во главе с председателем Равиль-хазратом Гайнутдином. В последние десятилетия стало традицией проведение в Казани фестивалей по балетному, оперному искусству им. Нуриева, им. Шаляпина и т. д.

Важным направлением укрепления межконфессионального мира и согласия является проведение мероприятий по профилактике и

предотвращению религиозного экстремизма и радикализма. Этому должно способствовать восстановление (уже под новым названием) Совета по делам религий при КМ РТ Указом Президента РТ от 20 августа 2008 г. № 398 «Об Управлении по делам религий при Кабинете Министров Республики Татарстан» в структуре исполнительных органов государственной власти Республики Татарстан. Необходимость государственного органа по делам религий обусловлена требованием времени и религиозной специфики Татарстана.

Гарантия свободы совести и условий функционирования религиозных объединений обеспечивается конституционными нормами и законодательной базой федерального центра и его субъектов. С октября 1990 г. в России начал действовать Закон «О свободе вероисповеданий», «непосредственно сказавшийся на подъеме исламского движения»²⁰². Именно с начала 90-х гг. в России начинается процесс возрождения мусульманской уммы, направленный на восстановление институтов и структуризацию системы функционирования религиозной организации.

При определении приоритетных направлений дальнейшего развития и целостного возрождения уммы отмечалось, что одним из первостепенных вопросов становления поликонфессионального государства, гарантирующего решение целого ряда задач, является законодательная основа, опирающаяся на принципы толерантности, учитывающая особенности исторического развития и конфессионального состава населения данной страны. В русле обозначенных приоритетов, учитывающих актуальность и сложность данного направления на постсоветском правовом пространстве (на территории современной России в целом и ряда субъектов страны в частности), начались процессы законотворчества, а затем унификации положений законов субъектов РФ в соответствии с федеральным законом.

Относительно хронологической последовательности данного процесса следует отметить, что его законодательная база была заложена в октябре

1990 г. с принятием законов СССР и РСФСР «О свободе совести и религиозных организациях» и «О свободе вероисповеданий»; впоследствии был принят Федеральный закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Данный закон («О свободе совести и о религиозных объединениях», 1997) своевременно ответил на насущные проблемы общественного развития и государственно-конфессиональных отношений. Он явился результатом компромисса, призванного преодолеть крайние взгляды и подходы к рассматриваемой социальной проблеме. Поэтому, естественно, этот закон имеет и ряд недостатков. Но главное он отвечает современным потребностям религиозной жизни поликонфессионального общества и гарантирует право на религиозную свободу. Таким образом, удалось подойти к реализации принципов подлинной свободы совести. Религиозные организации, в свою очередь, получили возможность выступать в качестве юридического лица. В законотворческой деятельности и принятых правовых актах по вопросам свободы совести и вероисповедания нашли отражение, наряду с общепринятыми правами и нормами мировой и отечественной практики, и местные особенности, складывающиеся (с учетом переживаемого момента) на основе этноконфессиональных традиций.

Важным и достаточно длительным процессом стало приведение региональных законов в соответствие с федеральными. Так, например, изучая реестр нормативных правовых актов субъектов РФ, удалось выяснить, что лишь в 13 субъектах Российской Федерации приняты и действуют законы, направленные на защиту прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания, и координацию деятельности религиозных объединений. В ряде субъектов страны, таких как Хабаровский край, Орловская область, после принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» региональные законы были признаны утратившими силу. В то же время из всех изученных законов субъектов РФ о свободе совести и о религиозных объединениях только закон Волгоградской

области «О защите прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания на территории Волгоградской области» (ст. 2) и закон Тюменской области «О деятельности религиозных объединений в Тюменской области» (ст. 2) наделяют органы местного самоуправления соответствующих субъектов правом образовывать органы по связям с религиозными объединениями.

Наиболее ценным является опыт Дагестана на Северном Кавказе и Республики Татарстан в Волго-Уральском регионе. В декабре 1997 г. в Дагестане был подготовлен, обсужден и принят Народным Собранием Республики Дагестан Закон «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях». Принятие республиканского закона было вызвано необходимостью учета некоторых этноконфессиональных особенностей Дагестана. Так, например, в зависимости от территориальной сферы деятельности религиозные организации подразделяются на местные и республиканские (ст. 10, п. 4), что не позволяет регистрировать более одной республиканской религиозной организации одного и того же вероисповедания; при этом запрещено создание исламской республиканской религиозной организации по национальному признаку (ст. 10, п. 6). Ст. 6 несет в себе положение о государственном органе по делам религий РД (таким органом в Дагестане является Комитет по делам религий Правительства РД, преобразованный из Управления в октябре 1998 г.). Также регламентируются: порядок осуществления миссионерской деятельности на территории Республики Дагестан (гл. 5), регистрация в государственном органе по делам религий контрактов (договоров), заключаемых организациями религиозного обучения граждан РД в иностранных государствах (ст. 9. п. 5), положение об обязательном обеспечении родителями или лицами их заменяющими (независимо от права детей на получение религиозного образования) получения ими основного общего образования (ст. 7. п. 4).

В Законе Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных

объединениях» (1999) законодатели прописали ряд положений, которые дополнили аналогичное федеральное законодательство. Его преамбула вслед за федеральным законодательством содержала важные положения, подчеркивающие поликонфессиональные особенности республики. Настоящий закон принимался, «признавая особую роль ислама и православия в становлении и развитии духовности и культуры народов Татарстана, считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания»²⁰³. Сложные и актуальные задачи, связанные с обеспечением мирного возрождения религии, сохранения и укрепления межконфессиональной толерантности, недопущения проникновения чуждых течений и экстремистских взглядов (в особенности в мусульманскую умму), требовали целенаправленной работы и наличия адекватного политического инструментария для воздействия на религиозные процессы. В этом плане (с учетом особенностей конфессиональных традиций республики) закон предусмотрел право религиозных организаций иметь вакуфное имущество (ст. 18 п. 3), возможность оказания государственной помощи в преподавании общеобразовательных дисциплин в учреждениях профессионального религиозного образования (ст. 6), создание государственного органа по делам религий (ст. 7).

Следует признать, что формулировка одной из статей закона о свободе совести продиктована необходимостью решения чисто политической задачи. Общественно-религиозную жизнь мусульманской общины РТ в 90-е гг. будоражили острые внутриконфессиональные конфликты, вызванные противостоянием нескольких муфтиятов в республике. Свое разрешение сложившаяся ситуация нашла на объединительном съезде мусульман республики в феврале 1998 г. в объединении двух духовных управлений мусульман. Данный успех закрепила статья, определяющая, что «мусульманские религиозные организации в Республике Татарстан представляются и управляются одной централизованной религиозной

организацией – Духовным управлением мусульман Республики Татарстан». Для баланса конфессий аналогичное положение было распространено и на православные общины (ст. 10, п. 5), хотя по канонической церковной структуре и традиции такая необходимость отсутствовала. Данная статья республиканского закона через два года была отменена Верховным судом РФ по исковому заявлению руководителя образовавшегося в последующем ЦДУМ (ханафитов), поскольку она вторгалась в сферу внутриконфессиональных установлений. По большому счету эта отмена политических последствий уже не имела в силу того, что ДУМ РТ и его структуры за прошедшее время прочно укрепились и продолжали набирать темпы в своем развитии.

Поликонфессиональный характер общества нашел свое отражение и при определении вакуфного имущества (ст. 18), которое по своей форме свойственно лишь одной религиозной системе – исламу. Во избежание возможности нарушения баланса интересов разных конфессий в республике в законе о свободе совести в статье (связанной с собственностью) речь идет не только о мусульманских, но и обо всех религиозных организациях, которые в зависимости от учения и традиции могли иметь подобного рода имущества. Законодательно, ни на федеральном, ни на республиканском уровнях, до примера Татарстана не было дано определение понятиям «вакф» и «вакуфная собственность». Традиционно термином «вакф» (мн. ч. аукаф и вукуф, синоним хубус) в исламском мире обозначается имущество, право собственности на которое по волеизъявлению учредителя (вакфа) ограничено использованием всем или частью дохода (или продукта) таким образом, как это установил сам учредитель. Согласно мусульманскому праву такое имущество (будь то земля, постройки и т. д.) перестает быть собственностью дарителя, но и не становится собственностью того, кто получает право пользования доходом, получаемым от него. Переданная в вакф собственность трактуется как благотворительное учреждение, доходы от которого тем или иным образом идут на нужды мусульманской общины

(уммы). Принципиально здесь то, что при передаче имущества в вакуф действие права собственности как бы останавливается, и ни даритель, ни государство уже не могут в принципе изменить статус этого имущества. Получателями доходов от вакуфа могут быть как отдельные лица, так и группы людей (например, нуждающиеся, проживающие в том или ином городском квартале), а также общественно-религиозные и социальные институты (мечети, медресе, больницы и т.д.). Последняя форма вакуфа (так называемый благотворительный вакуф хайри) является наиболее известной и зачастую отождествляется с вакуфом как таковым²⁰⁴. Согласно проекту возрождения и развития вакуфа в РТ предполагалось создать экономическую основу на базе функционирующих в комплексе мечети Марджани 17 коммерческих структур. Например, среди них мусульманское кладбище (с выделенными 40 га земли), созданное при прямой поддержке президента РТ. Таким образом, были сделаны первые попытки реализации вакуфных принципов (управление Попечительским советом, при участии приглашенных представителей государства и общественности).

Положения о защите и обеспечении прав граждан, в том числе на свободу совести, закреплены в Конституции страны. Договор о разделении полномочий между федеральным центром и Республикой Татарстан (февраль 1994 г.) предусматривал также положение о совместном ведении вопроса по части обеспечения прав граждан. В ходе приведения законодательных актов субъектов в соответствие с федеральными законами некоторые положения республиканского закона о свободе совести были изъяты или скорректированы в 2004–2006 гг.

Таким образом, современная конфессиональная политика, отражающая богатый опыт исторического прошлого, имеет свои четкие теоретические и политические ориентиры. Народы нашего региона в непростой ситуации (не допуская как в прошлом, так и в настоящем возникновения религиозных конфликтов) выработали толерантное и взаимоуважительное отношение друг к другу. Данный опыт в сочетании с продуманной и взвешенной

политикой государства в отношении религии на современном этапе может стать фактором стабильности и устойчивого развития общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативно-правовые акты:

1. **Всеобщая декларация прав человека:** принята и провозглашена решением 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г.
2. **Декларация о правах и достоинстве человека:** принята X-ым Всемирным Русским Народным Собором // Земское обозрение. 2006. 12 апреля.
3. **Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным, религиозным и языковым меньшинствам:** принята резолюцией 17/135 Генеральной Ассамблеи ООН 18 декабря 1992 г.
4. **Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод:** принята 4 ноября 1950 г. 28 февраля 1996 г. подписана представителем Российской Федерации. Ратифицирована Федеральным законом от 20 февраля 1998 г. №54-ФЗ.
5. **Конвенция Содружества независимых государств о правах и основных свободах человека:** принята 26 мая 1995 г. Ратифицирована Федеральным законом от 4 ноября 1995 г. №163-ФЗ.
6. **Положение о порядке регистрации, открытия и закрытия в Российской Федерации представительств иностранных религиозных организаций:** утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 1998 г.
7. **Положение о Совете по взаимодействию с религиозными организациями при Президенте РФ:** утверждено 2 августа 1995 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. М., 1995. № 32. Ст. 3294.
8. **Положение об экспертном Совете для проведения государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве Юстиции Российской Федерации:** утверждено приказом Минюста РФ от 8 октября 1998 г. № 140.
9. **Порядок проведения государственной религиоведческой экспертизы:** утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 июня 1998 г. № 565.

10. **Основы социальной концепции Русской Православной Церкви:** приняты юбилейным архиерейским собором Русской православной церкви 13-16 августа 2000 г.

11. **Основные положения Социальной программы российских мусульман:** документ Совета муфтиев России. – М., 2015.

Монографии, диссертации, статьи:

1. **Балахнин, Ю.В.** Вопросы межнациональных отношений и взаимодействия государства с религиозными организациями / Ю.В. Балахнин // Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в субъектах Российской Федерации в 2004 г. – М.: Проспект, 2015. – 256 с.
2. **Батай, Ж.** Теория религии. Литература и Зло / Пер. с фр. Ж. Гайковой, Г. Михалковича. — Мн.: Современный литератор, 2014. — 352 с.
3. **Баширов, Л.А.** Ислам и современные этнополитические Процессы в современной России. – М.: изд-во РАГС, 2013. – 124 с.
4. **Вебер, М.** Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер — М., 2013. – 352 с.
5. **Верховский, А.В.** Религиозная ксенофобия: межконфессиональный и внутриконфессиональный аспекты / А.В. Верховский // Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России. – М., 2012. – С. 15-25.
6. **Гайнутдинов, Р.И.** Ислам в XXI веке, или, Как жить мусульманину по Корану в России / Р.И. Гайнутдинов. – М., 2012. – 142 с.
7. **Галушкин, А.А.** Роль общественных организаций в обеспечении прав человека и гражданина / А.А. Галушкин // Правовая инициатива. – М., 2014. – № 2. – С. 22-30.
8. **Добаев, И.П.** Неправительственные религиозно-политические организации исламского мира / И.П. Добаев // Мировая экономика и международные отношения – М., 2012. – 97 с.
9. **Долгов, С.В.** Реальность глобализации и критика антиглобализма / С.В. Долгов // Россия в глобальной политике. – М., 2013 – 114с.

10. **Дюркгейм, Э.** Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии / Э. Дюркгейм // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. – М., 2013. – С. 174-230.
11. **Зуев, Ю.П.** Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России / Ю.П. Зуев – М., 2014. – 285 с.
12. **Игнатенко, А.А.** Ислам и политика. Сборник статей / А.А. Игнатенко. — М.: Институт религии и политики, 2014. — 256 с.
13. **Игнатъева, М.В.** Государственно-конфессиональные отношения и правовой статус человека: теоретико-правовой аспект / М.В. Игнатъева // Евразийский юридический журнал. – 2012. – №3. – С. 13-15.
14. **Керимов, Г.М.** Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы шариата на проблемы современности / Г.М. Керимов. – СПб., 2015. – 96 с.
15. **Кирилл, патриарх** Норма веры как норма жизни / патриарх Кирилл // Церковь и время, 2014. – № 2.
16. **Косиченко, А.Г.** Глобализация и религия. Век глобализации / А.Г. Косиченко. – 2013. – №1. – 105 с.
17. **Кураев, А. В.** Православие и право: Церковь в светском государстве / Диакон Андрей Кураев. — М.: Сретен. монастырь, 2014 – 123 с.
18. **Малашенко, А.В.** Исламская альтернатива и исламистский проект / А.В. Малашенко – М., 2016. – 221 с.
19. **Маркс, К.** К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1. – М., Политиздат, 1955. – 689 с.
20. **Медведко, Л.И.** Россия, Запад, ислам: столкновение цивилизаций? / Л.И. Медведко – М., 2013. – 512 с.
21. **Миронов, Б.Н.** Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / Б.Н. Миронов – М., 2012 – 680 с.

22. **Мирошникова, Е.М.** Кооперационная модель государственно-церковных отношений: опыт и проблемы / Е.М. Мирошникова – М., 2015. – 180 с.
23. **Мирский, Г.И. Ислам: история и современность / Г.И. Мирский // Новая и новейшая история.** – М., 2013. – №1. – С. 3-20.
24. **Мирский, Г.И.** На развалинах империи. Этнические и национальные проблемы в бывшем Советском Союзе / Г.И. Мирский – М., 2012. – 63 с.
25. **Мозговой, С.А.** Военно-религиозные отношения: методологические подходы к определению понятия / С.А. Мозговой // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. – № 2. – 164 с.
26. **Никишина, Е.А.** Финансовое обеспечение деятельности православных религиозных организаций / Е.А. Никишина, М.Л. Макальская – М., 2014 – 224 с.
27. **Новик, В., игумен.** Социальное учение Православной церкви / игумен В. Новик // Религия и право. – М., 2014. – №5. – 134 с.
28. **Новикова, И.В.** Глобализация, государство и рынок: ретроспектива и перспектива взаимодействия / И.В. Новикова – М., 2012. – 218 с.
29. **Овсиенко, Ф.Г., Трофимчук Н.А.** Православие в контексте развития федеративных и этнополитических отношений в Российской Федерации / Ф.Г. Овсиенко, Н.А. Трофимчук – М., 2013. – 115 с.
30. **Олбрайт, М.** Религия и мировая политика / М. Олбрайт – М.: Альпина Бизнес Букс, 2015 – 352 с.
31. **Пашенцев, Д.А.** Роль религии в формировании российской правовой традиции / Д.А. Пашенцев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – М., 2015. – № 6 – 263 с.
32. **Полосин А.В.** Преодоление язычества: Введение в философию монотеизма. Основы монотеист. Философии / А.В. Полосин – М., 2013. – 198 с.
33. **Поспеловский, Д.В.** Русская Православная Церковь в XX в. / Д.В. Поспеловский – М., 2012. – 511 с.

34. **Пчелинцев, А.В.** Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза / А.В. Пчелинцев, В.В. Ряховский, С.В. Чугунов – М.: Юриспруденция, 2016. – 848 с.
35. **Самыгин, С.И.** Религиоведение: социология и психология религии / С.И. Самыгин, В.Н. Нечипуренко, И.Н. Полонская – Ростов н/Д., 2013 – 672 с.
36. **Самыгин, С.И.** Религия и политика / С.И. Самыгин, Г.Н. Сердюков, В.Н. Нечипуренко – Ростов н/Д., 2016 – 286 с.
37. **Сафронов, С.Г.** Русская православная церковь в XX веке: территориальный аспект / С.Г. Сафронов – М., 2012. – 100 с.
38. **Сафронов, С.Г.** Факторы развития религиозной сферы на постсоветском пространстве // Проблемы безопасности российского общества / С.Г. Сафронов – М., 2015. – № 2.- 125 с.
39. **Хааршер, Ги.** Терроризм, секуляризация и религиозная свобода: размышления об алькаидистском дискурсе / Ги Хааршер // Религия, политика и права человека. Материалы конференции. М., 2012. – 116 с.
40. **Хабермас, Ю.** Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном обществе / Ю. Хабермас // Полис. Политические исследования.-2015 №2. – С. 7-21.
41. **Широков, Г.К.** Регионализация: новые тенденции мирового развития на рубеже XX и XXI вв. / Г.К. Широков // Новое и новейшее время. – М., 2012. – 256 с.
42. **Элбакян, Е.С.** Глобализация в эпоху религии, религия в эпоху глобализации // Религиоведение. – 2013. – №3. – С. 149-163.

Публикации на иностранных языках.

1. **Comte, Auguste.** Cours de philosophie positive. Première et Deuxième leçons / Auguste Comte – P.: Les Intégrales de Philo, 2014 – 128 p.
2. **Forey, E.** Etat et institutions religieuses / E. Forey. – Strasbourg., 2012. – 397 p.
3. **Friedman, Thomas L.** The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization / Thomas L. Friedman – N.Y., 2012. – 492 p.

4. **Pollack, Detlef.** The Role of Religion in Modern Societies / Detlef Pollack, Daniel V.A. Olson – N.Y.: Routledge – 2013. – 256 p.
5. **Smith, A.D.** Ethnic Identity and Territorial Nationalism / A.D. Smith – N.Y., 2015. – 141 p.
6. **Van den Berghe, P.L.** The Ethnic Phenomenon / P.L. Van den Berghe – N.Y., 2013. – 301 p.
7. **Walker, Connor.** Ethnonationalism. The Quest for Understanding / Connor Walker – Princeton, 2014 – 248 p.
8. **Ward, G.** Postsecularity? The new public faces of religion / G.Ward // The new visibility of religion in European Democratic culture – Manchester, 2014. – 263 p.

Электронные ресурсы:

1. **Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vz.ru/news/2016/4/28/807953.html>.
2. **Сайт Минюста** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minjust.ru>.
3. **Обращение Инициативной группы Общее действие к министру образования РФ** [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.humanism.al.ru/ru/articles.phtm?num=000138>.
4. **Федеральный образовательный портал** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ecsocman.edu.rn/db/msg/276985.html.